

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

№ 12 (109) ДЕКАБРЬ 2019

В НОМЕРЕ:

Лютов Н. Л.

Трудовые инспекции в постсоветских государствах: деградация ради мифа об экономической эффективности?

Ершова И. В., Цимерман Ю. С.

Государственное и муниципальное имущество: анализ законопроекта

Ануфриева Л. П.

БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

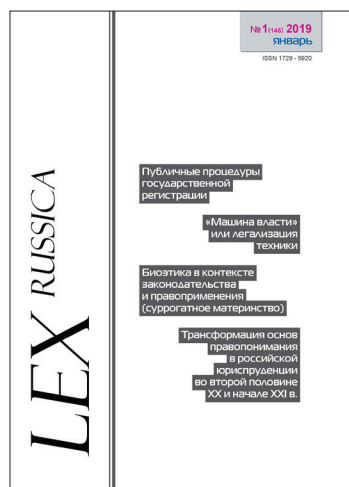
- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex Russica («Русский закон») — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юриди-

ческого образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ № 12 (109) ДЕКАБРЬ 2019

Ежемесячный научный журнал. Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

Председатель редакционного совета журнала

**ГРАЧЕВА
Елена
Юрьевна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Заместитель председателя редакционного совета журнала

**ЕРШОВА
Инна
Владимировна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России, заслуженный юрист РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Главный редактор журнала

**СИТНИК
Александр
Александрович** кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ответственный секретарь

**СЕВРЮГИНА
Ольга
Александровна** эксперт отдела научно-издательской политики НИИ
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Члены редакционного совета журнала

**БЕКАШЕВ
Дамир
Камильевич** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации.
Почтовый адрес: 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

**БЕЛОВА
(ГАНЕВА)
Габриела** кандидат юридических наук, доцент, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: 2700, Болгария, г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66.

**БОЛТИНОВА
Ольга
Викторовна** доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права, ученый секретарь Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**БРИНЧУК
Михаил
Михайлович** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ.
Почтовый адрес: 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

**ВИННИЦКИЙ
Данил
Владимирович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

**ВОСКОБИТОВА
Лидия
Алексеевна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**ГАЗЬЕ
Анн** доктор права, доцент Университета Paris Quest Nanterre La Défense (Франция).
Почтовый адрес: 92001, Франция, г. Нантер, авеню Репюблик, д. 200.

**ГОЛОВНЕНКОВ
Павел
Валерьевич** доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

- ДУБРОВИНА
Елена
Павловна** кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»», заслуженный юрист РФ. Почтовый адрес: 119017, Россия, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 31, стр. 2.
- ЗАНКОВСКИЙ
Сергей
Сергеевич** доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего сектором предпринимательского и корпоративного права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук. Почтовый адрес: 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
- ЗАХАРОВ
Владимир
Викторович** доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Курской области. Почтовый адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.
- КАЛИНИЧЕНКО
Пауль
Алексеевич** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КОКОТОВ
Александр
Николаевич** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1.
- КОРНЕВ
Аркадий
Владимирович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КУРБАНОВ
Рашад
Афатович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Почтовый адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36.
- ЛИПСКИ
Станислав
Андреевич** доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству. Почтовый адрес: 105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, д. 15.
- МАРИНО
Иван** кандидат юридических наук, доцент Государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России, Итальянского представительства Фонда конституционных реформ. Почтовый адрес: 80121, Италия, г. Неаполь, виа Карло Поэрио, д. 15.
- МАЦКЕВИЧ
Игорь
Михайлович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПАНАГИОТОПОЛОС
Димитриос** профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП). Почтовый адрес: 10677, Греция, г. Афины, ул. Веранжероу, д. 4.
- ПЕТРОВА
Татьяна
Владиславовна** доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
- РЕШЕТНИКОВА
Ирина
Валентиновна** доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы. Почтовый адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 32/27.
- РОССИНСКАЯ
Елена
Рафаиловна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

- СОКОЛОВ Александр Юрьевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии. Почтовый адрес: 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.
- ФОКИНА Марина Анатольевна** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия. Почтовый адрес: 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
- ХВАН Леонид Борисович** кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета. Почтовый адрес: 100000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Главпочтамт, а/я № 232.
- ЧАННОВ Сергей Евгеньевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Почтовый адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.
- ЧЕРНЫШОВА Ольга Сергеевна** кандидат юридических наук, руководитель юридического отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека. Почтовый адрес: 67075, Франция, г. Страсбург Cedex, ЕСПЧ.
- ШАЛУМОВ Михаил Славович** доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке). Почтовый адрес: 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.
- ШИТКИНА Ирина Сергеевна** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
- ЯСКЕРНЯ Ежи** доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права. Почтовый адрес: 25369, Польша, г. Кельц, ул. Зеромского, д. 5.
- Редакционная коллегия журнала*
- КАШАНИНА Татьяна Васильевна** профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич** профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович** и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович** профессор кафедры конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна** доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- СОКОЛОВА Наталья Александровна** заведующий кафедрой международного права, доктор юридических наук, доцент. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Chairperson of the Board of Editors

**GRACHEVA
Elena
Yurievna**

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Vice-Chairperson of the Board of Editors

**ERSHOVA
Inna
Vladimirovna**

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Justice of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Chief editor of the magazine

**SITNIK
Aleksandr
Aleksandrovich**

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Executive Editor

**SEVRYUGINA
Olga
Aleksandrovna**

Expert of the Research and Publishing Policy Department
of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Members of the Board of Editors

**BEKYASHEV
Damir
Kamilievich**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: 119454, Russia, Moscow, prospekt Vernadskogo, d. 76.

**BELOVA-GANEVA
Gabriela**

PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 2700, Bulgaria, Blagoevgrad, ul. Ivana Mikhailova, d. 66.

**BOLTINOVA
Olga
Viktorovna**

Doctor of Law, Professor, Vice-Chairperson of the Department of Financial Law, Academic Secretary of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

**BRINCHUK
Mikhail
Mikhailovich**

Doctor of Law, Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scholar of the Russian Federation.
Mailing address: 119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10.

**CHANNOV
Sergey
Evgenievich**

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Service and Labor Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: 410031, Russia, Saratov, Sobornaya ul., d. 23/25.

**CHERNISHOVA
Olga
Sergeevna**

PhD in Law, Head of Legal Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

**DUBROVINA
Elena
Pavlovna**

Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko", Merited Lawyer of the Russian Federation.
Mailing address: 119017, Russia, Moscow, Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2.

- FOKINA Marina Anatolievna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: 117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d. 69.
- GAZIER Anne** Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Université Paris Nanterre, 200 avenue de la République, 92001, Quest Nanterre, La Défence, France.
- GOLOVNIENKOV Pavel Valerievich** Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.
- JASKIERNIA Jerzy** Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: Str. Żeromskiego 5, Kielce, Poland, 25369.
- KALINICHENKO Paul Alekseevich** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- KHVAN Leonid Borisovich** PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: 100000, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Glavpochtamt, a/ya 232.
- KOKOTOV Aleksandr Nikolaevich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya pl., d. 1.
- KORNEV Arkadiy Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- KURBANOV Rashad Afatovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: 117997, Russia, Moscow, per. Stremyanny, d. 36.
- LIPSKI Stanislav Andjeevich** Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: 105064, Russia, Moscow, ul. Kazakova, d. 15.
- MARINO Ivan** PhD in Law, Associate Professor of the University «L'Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, and of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.
Mailing address: via Carlo Poerio, 15, 80121, Napoli, Italia.
- MATSKEVICH Igor Mikhailovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scholar of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-chairman of Advisory Council of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- PANAGIOTOPOULOS Dimitrios** Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4 Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.
- PETROVA Tatiana Vladislavovna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: 119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, build. 13.
- RESHETNIKOVA Irina Valentinovna** Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Arbitration Court of the Urals District, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Judicial System.
Mailing address: 620075, Russia, Ekaterinburg, prosp. Lenina, d. 32/27.

- ROSSINSKAYA
Elena
Rafailovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Association of Educational Institutions «Forensic Examination», Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scholar of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- SHALUMOV
Mikhail
Slavovich** Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Directorate — Chief of Branch of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice at Criminal procedure of the Directorate of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: 121260, Russia, Moscow, ul. Povarskaya, d. 15.
- SHITKINA
Irina
Sergeevna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: 119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, build. 13.
- SOKOLOV
Aleksandr
Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: 410056, Russia, Saratov, ul. Volskaya, d. 1.
- VINNITSKIY
Danil
Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: 620137, Russia, Ekaterinburg, ul. Komsomolskaya, d. 21.
- VOSKOBITOVA
Lidia
Alekseevna** Doctor of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- ZAKHAROV
Vladimir
Viktorovich** Doctor of Law, Professor, Chairman of Arbitration Court of Kursk Region.
Mailing address: 305000, Russia, Kursk, ul. Radischeva, d. 33.
- ZANKOVSKIY
Sergey
Sergeevich** Doctor of Law, Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Sector, Chief Scientific Officer of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: 119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10
- Editorial Board**
- KASHANINA
Tatyana
Vasilyevna** Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.
- KLEPITSKIY
Ivan
Anatolyevich** Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.
- MIKHAILOV
Sergey
Mikhailovich** Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Associate Professor.
- OSAVELYUK
Aleksey
Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- PODUZOVA
Ekaterina
Borisovna** PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- SOKOLOVA
Natalya
Aleksandrovna** Doctor of Law, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Associate Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Смоляков П. Н.** Ответственность юридических лиц за правонарушения, фиксируемые специальными техническими средствами 11
- Руденко А. В.** Соблюдение принципа федерализма при привлечении к административной ответственности 17

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Михалева Е. С., Шубина Е. А.** Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники 26
- Шмелева М. В.** Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность 36

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Острикова Л. К.** Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования 43
- Романова О. А.** Субъекты и объекты градостроительных правоотношений 53

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Ершова И. В., Цимерман Ю. С.** Государственное и муниципальное имущество: анализ законопроекта 62
- Брисов Ю. В.** Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях 70
- Зайцева Ю. А.** Источники формирования имущества публично-правовой компании 81

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Лютлов Н. Л.** Трудовые инспекции в постсоветских государствах: деградация ради мифа об экономической эффективности? 92

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Калюжный А. Н.** Использование корреляционных зависимостей между личностными свойствами преступников и потерпевших в установлении обстоятельств совершения посягательств, направленных на свободу личности 107
- Соловьев В. С., Урда М. Н.** Значение сети Интернет в детерминации незаконной миграции и миграционных преступлений 114

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Ануфриева Л. П.** БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества 123
- Абрамов Н. С.** Международно-правовое обеспечение безопасности морских нефтегазовых установок в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа 134

Орлова Е. С. Взаимодействие международных судебных органов, рассматривающих морские споры	145
---	-----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Макарушкова А. А., Соловьева И. В. Сравнительно-правовой анализ современных источников гражданского права России, Франции и Германии	149
--	-----

Молчанов Д. А. Программы освобождения и смягчения ответственности за участие в картелях в Российской Федерации и Европейском Союзе	162
--	-----

ПЕРСОНА

Вишневский А. Ф., Грахоцкий А. П. Уголовно-правовые идеи В. Д. Спасовича: к 190-летию со дня рождения ученого	170
---	-----

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Шабаров Д. В., Губин В. А., Молдованов А. В. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки прокурорских работников к профессиональной деятельности	180
---	-----

CONTENTS

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Smolyakov P. N.** Liability of Legal Entities for Offenses
Recorded by Special Technical Devices 11
- Rudenko A. V.** Compliance with the Principle of Federalism
in Bringing to Administrative Responsibility 17

LEGAL REGULATION IN THE INFOSPHERE

- Mikhaleva E. S., Shubina E. A.** Challenges
and Prospects of the Legal Regulation of Robotics 26
- Shmeleva M. V.** Digital Technologies in State
and Municipal Procurement: The Future or Reality 36

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

- Ostrikova L. K.** An Institution of Liability
for Causing Harm: A Current State and Ways of Improvement 43
- Romanova O. A.** Subjects and Objects of Town-Planning Legal Relations 53

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Ershova I. V., Zimerman Ju. S.**
State and Municipal Property: Analysis of the Draft Law 62
- Brisov Yu. V.** Implementation of the Doctrine
of Good Faith (Bona Fides) in Corporate Legal Relations 70
- Zaitseva Yu. A.** Sources of Property Formation of a Public Law Company 81

LABOUR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Lyutov N. L.** Labor Inspections in Post-Soviet States:
Degradation for the Sake of the Myth about Economic Efficiency? 92

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Kalyuzhnyy A. N.** Use of Correlation Dependencies between
Criminals' and Victims' Personalities in Establishing
the Circumstances of the Encroachment on Personal Freedom 107
- Solovyev V. S., Urda M. N.** Importance of the Internet
in Illegal Migration and Migration Crimes Determination 114

INTERNATIONAL LAW

- Anufrieva L. P.** BRICS: Legal Nature and Principles of Cooperation 123
- Abramov N. S.** International Legal Security of Offshore Oil and Gas
Installations within the Exclusive Economic Zone and the Continental Shelf. 134

Orlova E. S. Cooperation of International Judicial Bodies Considering Maritime Disputes	145
COMPARATIVE LEGAL STUDIES	
Makarushkova A. A., Solovyeva I. V. Comparative Legal Analysis of Modern Civil Law Sources in Russia, France and Germany	149
Molchanov D. A. Programs for the Release and Mitigation of Responsibility for Participation in Cartels in the Russian Federation and the European Union	162
PERSONA	
Vishnevskiy A. F., Grahotskiy A. P. V. D. Spasovich's Criminal Law Ideas: To the 190 th Birthday of the Jurist	170
LEGAL EDUCATION AND SCIENCE	
Shabarov D. V., Gubin V. A., Moldovanov A. V. Psychological and Pedagogical Support for the Prosecutors Professional Training	180

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

П. Н. Смоляков*

Ответственность юридических лиц за правонарушения, фиксируемые специальными техническими средствами

***Аннотация.** Статья посвящена освобождению юридических лиц от ответственности за административные правонарушения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. Отмечается, что имеющееся в КоАП РФ регулирование в его истолковании высшей судебной инстанцией и другими судами делает такую ответственность эфемерной, позволяя произвольно перекладывать ее, например, на физических лиц — водителей принадлежащих юридическим лицам транспортных средств. Такая ситуация позволяет юридическим лицам, на которых в масштабах страны зарегистрировано большое количество коммерческого автотранспорта, легко избежать уплаты в бюджеты крупных сумм административных штрафов, что негативно сказывается на наполнении казны и поощряет дальнейшее противоправное поведение на дорогах их водителей. Автор предлагает обсудить состояние законодательства и правоприменительной практики по данному вопросу.*

***Ключевые слова:** административное правонарушение, фиксация специальными техническими средствами, юридическое лицо, работник юридического лица, административная ответственность.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.011-016

Согласно ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к статье. Указанным примечанием установлено, что положение ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ не распространяется на административные правонарушения, пред-

усмотренные гл. 12 КоАП РФ, и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов РФ, совершенные с использованием транспортных средств либо собственником, владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, в случае фиксации этих административных правонарушений работаю-

© Смоляков П. Н., 2019

* *Смоляков Павел Николаевич*, кандидат юридических наук, судья Забайкальского краевого суда, доцент Байкальского государственного университета
pavelmol@rambler.ru
672039, Россия, г. Чита, ул. Амурская, д. 33а

щими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов РФ, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств.

Собственник (владелец) транспортного средства освобождается от административной ответственности, если в ходе рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное соответствующим образом, будут подтверждены содержащиеся в ней данные о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

В нескольких постановлениях Верховного Суда РФ (от 21.08.2014 № 45-АД14-12, от 26.02.2015 № 9-АД15-1, от 03.10.2016 № 43-АД16-8, от 03.05.2018 № 46-АД18-4 и др.) был сформулирован подход, по которому юридическое лицо может быть освобождено от административной ответственности, если представит сведения о водителе, т.е. физическом лице, которое управляло принадлежащим ему транспортным средством в момент фиксации правонарушения, утверждая, что таковое нахо-

дилось не в его владении и в пользовании, а во владении и в пользовании данного водителя.

Водители — работники юридических лиц, по сути, были признаны «другими» лицами в смысле ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ.

Данного подхода объяснимым образом ныне придерживаются и многие нижестоящие суды (решение Томского областного суда от 20.08.2014 по делу № 7-292/2014, решение Краснодарского краевого суда от 05.08.2014 по делу № 12-2222/2014 и др.).

Однако он, как представляется, спорен и должен стать отправной точкой дискуссии о действии в отношении юридических лиц закрепленного в административно-деликтном праве исключения из принципа презумпции невиновности.

Не секрет, что слово «другой» с семантической точки зрения означает «не тот, не этот»¹, то есть отличный от сравниваемого: в рассматриваемой ситуации — от юридического лица, которому принадлежит транспортное средство.

Доктрина гласит, что действия юридического лица всегда опосредованы и выражаются в действиях тех физических лиц, которые в силу закона, трудового договора либо иных обстоятельств представляют это лицо в отношениях с третьими лицами и выступают от его имени, принимают решения и осуществляют управление, поэтому действия работника юридического лица рассматриваются как действия юридического лица. Правильный подбор и расстановка кадров, допуск к полномочиям, контроль за деятельностью работников — все это является проявлением разумной заботливости и осмотрительности юридического лица, направленной на обеспечение его деятельности².

В гражданском праве юридические лица отвечают за вред, который был причинен их работниками при исполнении трудовых (должностных, служебных) обязанностей (п. 1 ст. 1068 ГК РФ). Работодатель несет ответственность,

¹ Онлайн-словарь «Академик»: URL: <https://dic.academic.ru/>.

² Чистякова Л. В. Ответственность работодателя за нарушение трудового законодательства. М.: ГроссМедиа, Росбух, 2018. 492 с.; Бычкова А. А. Проблемы доказывания вины по делам об административных правонарушениях (в таможенном деле) // Таможенное дело. 2010. № 2. С. 16—20; Рыбальченко Е. Судебный навигатор // Конкуренция и право. 2016. № 6. С. 57—60; Смирнов Н. Н. Воля юридического

поскольку именно он дал работнику задание, должен был контролировать его выполнение и не обеспечил безопасное ведение работ (п. 1 ст. 1068 ГК РФ).

Рассуждая об административной ответственности, ряд авторов настаивает, что применительно к собственникам транспортных средств она не образует объективного вменения, как этот институт известен уголовному праву. Так, Б. В. Россинский пишет, что юридическое лицо несет ответственность за само решение доверить транспортное средство (источник повышенной опасности) лицу, впоследствии нарушившему Правила дорожного движения³.

Это соотносится с принципом вины юридических лиц, сформулированным в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, где сказано, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Пока свое место на дорогах не займут так называемые беспилотные автомобили, принадлежащие юридическим лицам транспортные средства будут находиться под управлением конкретных водителей — физических лиц. Подпадают ли они под действие ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ? Пожалуй, нет.

Управляемые (по долгу службы или в силу договора) водителями юридических лиц транспортные средства не выбывают из владения и из пользования последних. Такое управление, в том числе в момент автоматической фиксации административного правонарушения, осуществляется в интересах самих юридических лиц. Другого способа владения и пользования транспортными средствами в их движении у юридического лица не существует.

В абзаце 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъясняется, что в случае фиксации административного правонарушения в области дорожного движения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, субъектом такого правонарушения является собственник (владелец) транспортного средства, независимо от того, является он физическим либо юридическим лицом.

Аналогичная позиция ранее излагалась в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2010 г. (вопрос 10): юридические лица могут выступать субъектом правонарушения в области дорожного движения, поскольку в ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ указан специальный субъект ответственности (собственник транспортного средства), на котором лежит обязанность по доказыванию своей невиновности, а исходя из положений ст. 213 ГК РФ транспортные средства могут находиться в собственности как физических, так и юридических лиц.

Старший юрист BMS Law Firm Д. Фролов обоснованно предположил, что вряд ли можно говорить о полном освобождении юридических лиц от ответственности за нарушения Правил дорожного движения, фиксация которых возможна в автоматическом режиме, так как очевидно, что юридическое лицо не может управлять транспортным средством в принципе⁴.

Из всего этого следует, что юридические лица являются полноценными субъектами административной ответственности и она не должна превращаться в фикцию.

Пунктом 1.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 определе-

лица в аспекте его противоправного поведения: проблемы теории и судебно-арбитражной практики // Юрист. 2012. № 1. С. 11—15.

³ Россинский Б. В. О презумпции невиновности при назначении административного наказания собственнику транспортного средства // Административное право и процесс. 2011. № 5. С. 4—7.

⁴ Портал «Право.ру»: URL: <https://pravo.ru/story/view/128178/>.

но, что доказательствами, подтверждающими факт нахождения транспортного средства во владении (в пользовании) другого лица, могут являться, в частности, доверенность на право управления транспортным средством другим лицом; полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в котором имеется запись о допуске к управлению данным транспортным средством такого лица; договор аренды или лизинга транспортного средства; показания свидетелей и (или) лица, непосредственно управлявшего транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения.

В свете таких разъяснений в жалобах на постановление по делам об административных правонарушениях юридические лица часто ссылаются на то, что их транспортные средства до совершения правонарушения были переданы другим лицам, главным образом по договорам аренды (постановления Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 9-АД18-31, от 05.12.2018 № 9-АД18-29, от 14.11.2018 № 9-АД18-23 и др.). Во многих случаях суды находят указанные ссылки надуманными, а представленные в их обоснование доказательства — недостоверными либо недопустимыми, изготовленными специально для ухода от ответственности.

Получается, что и они теперь излишни. Достаточно представления в суд либо вышестоящему должностному лицу ГИБДД сведений о водителях, а эти сведения так или иначе имеются у каждого юридического лица. При этом, скорее всего, не придется подтверждать трудовой характер отношений с ними: юридическому лицу не возбраняется передавать водителям свои транспортные средства на любом не противоречащем закону основании, включая, к примеру, получающие все большее распространение договоры аутсорсинга.

Таким образом, нивелируется сама возможность привлечения юридических лиц к ответственности за административные правонарушения, фиксируемые работающими в автоматическом режиме специальными техническими

средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Свойством любого вида ответственности, включая административную, остается ее неотвратимость. В сложившейся ситуации говорить о ней не приходится.

По суждению К. М. Конджакуляна, за предоставлением сведений о водителе, по идее, должно следовать прекращение производства по делу в отношении юридического лица и возбуждение его в отношении водителя⁵.

Но на практике этого не происходит. Действенный механизм привлечения к административной ответственности вместо юридического лица его водителей отсутствует. В обсуждаемых постановлениях Верховного Суда РФ не говорится, что юридические лица обращались с сообщениями или заявлениями о привлечении к ответственности своих водителей, как это положено по закону (п. 4 и 5 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ). Кроме того, в КоАП РФ присутствует правило (ч. 3 ст. 2.1) о том, что назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, и данное правило неоднократно признавалось не противоречащим конституционному принципу о недопустимости привлечения дважды к ответственности за одно и то же нарушение.

Возможно, что позиция Верховного Суда РФ обуславливается тем, что очевидные в данном случае недостатки юридических норм не могут восполняться за счет лиц, привлекаемых к ответственности, а все неустранимые сомнения в их виновности должны толковаться в пользу названных лиц. Вопрос уходит в плоскость правотворчества, где надо уточнять порядок привлечения соответствующих лиц к ответственности.

Справедливости ради отметим, что некоторые суды продолжают занимать противоположные позиции. Так, в решении Московского городского суда от 16.10.2018 по делу

⁵ Конджакулян К. М. Административная ответственность собственников (владельцев) транспортных средств: проблемные аспекты // Юрист. 2018. № 2. С. 72—77.

№ 7-11444/2018 сделан вывод, что водитель общества с ограниченной ответственностью не может являться владельцем автомобиля в том правовом смысле, который придает этому понятию ГК РФ, поскольку состоит в трудовых отношениях с ООО, а переданное ему транспортное средство является имуществом работодателя. Решением Московского городского суда от 28.02.2018 по делу № 7-1831/2018 отвергнуты как не имеющие значения доводы защиты даже о том, что фиксация административного правонарушения имела место за пределами рабочего времени сотрудника, так как управлявшееся им транспортное средство не выбывало из владения, распоряжения и пользования юридического лица.

С учетом огромного количества коммерческого транспорта, особенно грузового, собственниками которого выступают юридические лица⁶, было бы, конечно, предпочтительнее, чтобы закон в итоге стал яснее, а судебная практика — единообразнее. Ведь по отдельным нормам КоАП РФ, дела по которым фиксируются специальными техническими средствами, в частности — ст. 12.21.1 «Нарушение правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства», юридическим лицам грозят значительные административные штрафы — до 500 тыс. руб.

Способ избежать их уплаты в бюджет сейчас — уж слишком легкий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бычковская А. А. Проблемы доказывания вины по делам об административных правонарушениях (в таможенном деле) // Таможенное дело. — 2010. — № 2. — С. 16—20.
2. Конджакулян К. М. Административная ответственность собственников (владельцев) транспортных средств: проблемные аспекты // Юрист. — 2018. — № 2. — С. 72—77.
3. Россинский Б. В. О презумпции невиновности при назначении административного наказания собственнику транспортного средства // Административное право и процесс. — 2011. — № 5. — С. 4—7.
4. Рыбальченко Е. Судебный навигатор // Конкуренция и право. — 2016. — № 6. — С. 57—60.
5. Смирнов Н. Н. Воля юридического лица в аспекте его противоправного поведения: проблемы теории и судебно-арбитражной практики // Юрист. — 2012. — № 1. — С. 11—15.
6. Чистякова Л. В. Ответственность работодателя за нарушение трудового законодательства. — М. : ГроссМедиа, Росбук, 2018. — 492 с.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2019 г.

LIABILITY OF LEGAL ENTITIES FOR OFFENSES RECORDED BY SPECIAL TECHNICAL DEVICES

Pavel N. Smolyakov, Cand. Sci. (Law), Judge of Zabaikalskiy Territory Court, Associate Professor of Baikal State University
pavelsmol@rambler.ru
ul. Amurskaya, 33a, Chita, Russia, 672039

Abstract. *The article is devoted to the exemption of legal entities from liability for administrative offenses recorded by special technical devices operating in an automatic mode and having functions of photo and film shooting, video recording, or by means of photo and film shooting, video recording. It is noted that the existing regulation*

⁶ По данным портала «Экономика сегодня», в России за юридическими лицами зарегистрировано 9,7 % российского автопарка — более 5 млн транспортных средств (см.: URL: <https://rueconomics.ru/319493-bolee-pyati-millionov-avtomobilei-v-rossii-zaregistrovano-na-yuridicheskoe-lico>).

in the Administrative Code of the Russian Federation in the interpretation of the highest court and other courts makes such liability ephemeral, allowing to arbitrarily shift it, for example, onto natural persons, e.i. drivers of vehicles belonging to legal entities. This situation allows legal entities with a large number of commercial vehicles throughout the country to easily avoid paying large amounts of administrative fines, which has nefative effect on pumping up the treasury and encourages further illegal behavior of their drivers on the roads. The author proposes to discuss the state of legislation and law enforcement on this issue.

Keywords: *administrative offense, fixing by special technical devicess, legal entity, employee of a legal entity, administrative liability.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bychkovskaya A. A. Problemy dokazyvaniya viny po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah (v tamozhennom dele) // Tamozhennoe delo. — 2010. — № 2. — S. 16—20.
2. Kondzhakulyan K. M. Administrativnaya otvetstvennost' sobstvennikov (vladel'cev) transportnyh sredstv: problemnye aspekty // Yurist. — 2018. — № 2. — S. 72—77.
3. Rossinskij B. V. O prezumpcii nevinovnosti pri naznachenii administrativnogo nakazaniya sobstvenniku transportnogo sredstva // Administrativnoe pravo i process. — 2011. — № 5. — S. 4—7.
4. Rybal'chenko E. Sudebnyj navigator // Konkurenciya i pravo. — 2016. — № 6. — S. 57—60.
5. Smirnov N. N. Volya yuridicheskogo lica v aspekte ego protivopravnogo povedeniya: problemy teorii i sudebno-arbitrazhnoj praktiki // Yurist. — 2012. — № 1. — S. 11—15.
6. Chistyakova L. V. Otvetstvennost' rabotodatelya za narushenie trudovogo zakonodatel'stva. — M. : GrossMedia, Rosbuh, 2018. — 492 s.

А. В. Руденко*

Соблюдение принципа федерализма при привлечении к административной ответственности

Аннотация. Предметом исследования является распространение принципа федерализма на действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Ставится вопрос его распространения на нормативные правовые акты, принятые органами власти субъектов Российской Федерации, и муниципальные нормативные правовые акты.

В статье дается анализ решений судов разного уровня по привлечению к административной ответственности на основании КоАП РФ за нарушение норм законов субъектов Российской Федерации.

В статье сформулированы выводы о необходимости корректировки положений ст. 1.3 КоАП РФ. Предлагаемая конструкция нормы четче разграничит полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации при установлении административной ответственности и исключит возможность привлечения по нормам КоАП РФ к административной ответственности за нарушение нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных органов.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, федеральное законодательство, законодательство субъектов Российской Федерации, законодательство об административной ответственности, пределы действия, принцип федерализма, предпринимательская деятельность, судебная практика, КоАП РФ.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.017-025

Привлечение к административной ответственности является мощным регулятором общественных отношений, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. И, как любая деятельность государственных органов, привлечение к административной ответственности должно строиться с учетом не только отраслевых, но и фундаментальных принципов права, в том числе с учетом принципов построения государства. Особенностью административной ответственности, отличающей ее от других видов юридической ответвен-

ности, является ее дифференцированность по уровням правового регулирования. А именно возможность установления административной ответственности как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Такая ситуация порождает вопрос определения пределов действия федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации. Он не может быть решен исходя только из общего правила действия нормативного правового акта большей юридической силы.

© Руденко А. В., 2019

* Руденко Артем Валериевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Республики Крым
RudenkoCrimea@yandex.ru
295034, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, д. 5, каб. 401

Целью данного исследования является определение пределов действия федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях при привлечении к административной ответственности за нарушение нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации или муниципальных правовых актов.

Принцип федерализма выступает одним из основных принципов построения Российской Федерации, он пронизывает все сферы деятельности общества. «Федерализм как принцип выступает исходным началом, из которого проистекают все остальные принципы, определяющие территориальное устройство России. Это, если можно так сказать, принцип принципов»¹. Федерализм как принцип реализован в широком многообразии структур, каждая из которых адаптирована к особенностям конкретного государства².

Одним из важных элементов федерализма выступает закрепление в Конституции Российской Федерации предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Данные положения Конституции фактически определяют сферы общественных отношений, регулирование которых осуществляется федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации. Наиболее остро в данной ситуации стоит вопрос о разграничении полномочий в отношении сфер ведения, предусмотренных ст. 72 Конституции РФ. И если по вопросам установления регулятивных отношений в целом существуют четкие позиции, в том числе позиции Верховного Суда РФ, то в отношении порядка установления и применения административной ответственности вопрос остается открытым.

Можно выделить несколько нормативных правовых актов, которые в той или иной степени регулируют данный вопрос.

Пункт «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ закрепляет, что административное, административно-процессуальное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Пункт 39 ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» определяет, что к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, определения подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, организации производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

Сходная позиция закреплена и в КоАП РФ, который, являясь основным нормативным актом, регулирующим административную ответственность, устанавливает полномочия участников нормотворческой деятельности в данной сфере.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ Российская Федерация наделяется правом установления административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе административной ответственности за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

¹ Касаткин В. П., Полухин О. Н. Принципы федерализма в условиях становления новой российской государственности // Научные ведомости БелГУ. Серия : Философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121) С. 115.

² См.: Горбачева С. В. Федерализм как принцип конституционно-правового регулирования взаимоотношений центра и регионов: содержание, специфика, проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22) С. 82—86.

Субъекты Российской Федерации, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ, уполномочены на установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Указанные нормы КоАП РФ, в соответствии с принципом федерализма, разграничивают полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по исследуемому вопросу. Без сомнения, для достижения эффективного регулирования общественных отношений, недопущения коллизий каждый из субъектов должен осуществлять нормотворческую деятельность исключительно в рамках своих полномочий.

Верховный Суд РФ, давая трактовку данным положениям, не раз указывал на то, что «законодатель субъекта Российской Федерации, устанавливая административную ответственность за те или иные административные правонарушения, не вправе вторгаться в сферы общественных отношений, регулирование которых составляет предмет ведения Российской Федерации, а также предмет совместного ведения при наличии по данному вопросу федерального регулирования. То есть субъект Российской Федерации обладает ограниченными полномочиями по правовому регулированию в сфере административной ответственности, которая может быть установлена региональным законодателем лишь в той части, в какой спорные правоотношения урегулированы нормами законодательства субъекта Российской Федерации или муниципальными правовыми актами»³.

Ограничивая полномочия субъектов Российской Федерации в сфере установления административной ответственности, Верховный Суд РФ не решает вопрос о пределах действия КоАП РФ. Как федеральный закон, КоАП РФ распространяет свое действие на всю территорию

Российской Федерации. Однако возникает вопрос: распространяет ли он свое действие на общественные отношения, урегулированные нормативными правовыми актами субъектов Федерации, осуществляет ли их защиту? В силу принципа федерализма и вытекающего из него и закрепленного в Конституции РФ разграничения предметов ведения существуют общественные отношения, в которых субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. Кроме того, полномочия субъектов Российской Федерации по нормативному правовому регулированию отдельных общественных отношений могут основываться на предписаниях федеральных законов, наделяющих их данными полномочиями. Что ставит вопрос об их принадлежности к вопросам федерального или регионального значения.

Данная теоретическая проблема находит свое практическое выражение при привлечении лиц к административной ответственности на основании норм КоАП РФ за нарушения нормативных предписаний, установленных органами власти субъектов Российской Федерации. И органам, привлекающим к административной ответственности, фактически приходится решать вопрос о пределах действия КоАП РФ. Такая проблема может быть рассмотрена на примере привлечения к административной ответственности на основании ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за нарушение иных правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции.

В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 2015 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные ограничения времени, условий

³ Определение Верховного Суда РФ по делу № 77-АПГ14-2 от 16 апреля 2014 г. // URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/77-%D0%B0%D0%BF%D0%B314-2/ (дата обращения: 10.06.2018).

и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том числе полный запрет на розничную продажу алкогольной продукции. Таким образом, федеральный законодатель уполномочил органы субъектов Российской Федерации устанавливать отдельные правила продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции. В результате этого фактически появляется возможность привлечения к административной ответственности на основании норм КоАП РФ за нарушение правил, установленных нормативным актом субъекта Российской Федерации. Ситуация может быть усложнена, если в соответствии с полномочиями, предусмотренными п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ, субъект Российской Федерации предусмотрит административную ответственность за данные правоотношения в законе субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Примером такого регулирования можно назвать ст. 5.9 Кодекса Липецкой области об административных правонарушениях⁴. Возникает ситуация установления административной ответственности за нарушение одной и той же нормы как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации.

Во многих субъектах Российской Федерации при вынесении судебных решений суды не учитывают особенности действия принципа федерализма при привлечении к административной ответственности.

Так, например, в постановлении о назначении административного наказания по делу № 5-880/2016 мировой судья г. Рязани «признал индивидуального предпринимателя виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, и назначил наказание в виде административного штрафа в размере 5 100 руб. за то, что в нарушение Закона Рязанской области от № 98-ОЗ «Об отдельных вопросах регулирования розничной продажи алкогольной продукции на территории Рязанской области» от 15.10.2016 в

17 час 00 мин в торговом павильоне, являющемся нестационарным торговым объектом, допустил реализацию алкогольной продукции, а именно: пиво «Русское» емк. 2 л, алк. 4 % аб., в количестве 6 бутылок по цене 160 руб. за одну бутылку, пиво «Клинское» емк. 2,5 л, алк. 4,7 % аб., в количестве 8 бутылок по цене 195 руб. за одну бутылку»⁵.

Аргументируя свою позицию, мировой судья указал, «что в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 22 ноября 2015 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» законодательство о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции состоит из данного Федерального закона, иных федеральных законов и нормативных правовых актов Российской Федерации, а также принимаемых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В соответствии с п. 5 ст. 16 указанного Закона органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том числе полный запрет на розничную продажу алкогольной продукции.

В силу ст. 3 Закона Рязанской области № 98-ОЗ «Об отдельных вопросах регулирования розничной продажи алкогольной продукции на территории Рязанской области» к полномочиям Рязанской областной Думы в сфере регулирования розничной продажи алкогольной продукции относится принятие законов Рязанской области, в том числе устанавливающих дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том

⁴ Кодекс Липецкой области об административных правонарушениях от 31 августа 2014 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/872601774> (дата обращения: 03.06.2018).

⁵ Решение по делу 5-880/2016 // URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-3-obedinennogo-sudebnogo-uchastka-zheleznodorozhnogo-rajona-g-ryazani-s/act-231883039/> (дата обращения: 03.06.2018).

числе полный запрет на розничную продажу алкогольной продукции. Согласно п. 3.1 ст. 4 указанного Закона на территории Рязанской области не допускается розничная продажа алкогольной продукции (включая пиво и пивные напитки, сидр, пуаре, медовуху) в нестационарных торговых объектах, в том числе при оказании организациями и индивидуальными предпринимателями услуг общественного питания.

Таким образом, данный нормативный правовой акт принят постановлением Рязанской областной Думы в целях введения на территории Рязанской области дополнительных ограничений места розничной продажи алкогольной продукции».

Как видно из приведенного постановления, суд не ограничивает действие норм КоАП РФ правоотношениями, урегулированными только федеральными нормативными актами.

Аналогичная позиция содержится и в постановлении мирового судьи судебного участка № 2 Нижнекамского района Республики Татарстан о привлечении Шапорева Р. В. к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ⁶.

«Согласно ст. 2 Закона Республики Татарстан от 22.11.2010 № 80-ЗРТ «Об установлении ограничения времени розничной продажи алкогольной продукции на территории Республики Татарстан» (с изменениями, внесенными законом Республики Татарстан от 10.10.2011 № 69-ЗРТ) запрещена розничная продажа алкогольной продукции с 22 до 10 часов.

Продажа алкогольной продукции осуществлена продавцом Камаловой Л. Ф. в 22 часа 15 минут. Тем самым индивидуальным предпринимателем Шапоровым Р. В. не было обеспечено соблюдение требований ст. 2 Закона РТ от 22.11.2010 № 80-ЗРТ. На основании этого суд признал индивидуального предпринимателя Шапорева Р. В. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, и подверг административному наказанию в виде штрафа в размере 3 000 рублей без конфискации».

К сходному выводу приходят и вышестоящие суды при пересмотре постановлений по делам об административных правонарушениях.

В решении по делу № 12-22 судья Тульского областного суда оставил без изменений решение судьи Привокзального районного суда г. Тулы от 27 ноября 2013 г.

«Постановлением судьи Привокзального районного суда г. Тулы от 27 ноября 2013 г., оставленным без изменений решением судьи Тульского областного суда по делу № 12-22, ООО «Вег-2» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного штрафа с конфискацией предмета административного правонарушения.

Проверив материалы дела, изучив доводы жалобы, судья областного суда пришел к следующему.

Ответственность по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ наступает за нарушение иных правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции.

В силу ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 2015 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» не допускается розничная продажа алкогольной продукции с 23 часов до 8 часов по местному времени, за исключением розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой организациями, и розничной продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, осуществляемой индивидуальными предпринимателями, при оказании такими организациями и индивидуальными предпринимателями услуг общественного питания, а также розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой магазинами беспрошлинной торговли (в редакции Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 259-ФЗ).

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать

⁶ Постановление о привлечении к административной ответственности от 28 февраля 2013 г. // URL: http://nkamsk2.tat.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=831 (дата обращения: 03.06.2018).

дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том числе полный запрет на розничную продажу алкогольной продукции.

Пунктом 1 постановления Правительства Тульской области от 11 апреля 2012 г. № 136 (в редакции от 30 июля 2013 г.) “Об установлении дополнительных ограничений розничной продажи алкогольной продукции на территории Тульской области” установлено, что не допускается на территории Тульской области розничная продажа алкогольной продукции в рабочие дни с 22 часов до 14 часов, в выходные и нерабочие праздничные дни с 22 часов до 12 часов, за исключением розничной продажи алкогольной продукции, пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, осуществляемой организациями при оказании услуг общественного питания. В пункте 5 данного постановления Правительства Тульской области указано: “установить в качестве дополнительных ограничений мест и условий розничной продажи алкогольной продукции на территории Тульской области, осуществляемой организациями, и розничной продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, осуществляемой индивидуальными предпринимателями, при оказании этими организациями и индивидуальными предпринимателями услуг общественного питания розничная продажа алкогольной продукции в закрытой таре” (п. 5 введен постановлением правительства Тульской области от 24 июня 2013 г. № 305).

Как следует из материалов дела и установлено судом в ходе проверки, проведенной сотрудниками полиции, было выявлено следующее: в 23 часа 00 минут предприятие общественного питания ООО “Веґ-2” нарушило иные правила розничной продажи алкогольной продукции, допустив розничную продажу алкогольной продукции — пива с содержанием алкоголя 4,8 % в помещении для обслуживания потребителей в предприятии общественного питания в закрытой таре, что запрещено постановлением Правительства Тульской области от 11 апреля 2012 г. № 136 (в редакции от 24 июня 2013 г. № 305).

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, судья районного суда пришел к обоснованному и правильному выводу о том, что деятельность по розничной продаже пива в указанном торговом павильоне осуществляется в нарушение вышеприведенных норм действующего законодательства, а в действиях ООО “Веґ-2” содержится состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ⁷.

Эта позиция поддержана и заместителем председателя Саратовского областного суда в постановлении от 25 декабря 2014 г. № 4а-747/14, которым оставлено в силе постановление мирового судьи судебного участка № 1 Октябрьского района г. Саратова от 15 октября 2014 г., решение судьи Октябрьского районного суда г. Саратова от 11 ноября 2014 г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ в отношении общества с ограниченной ответственностью «Фарт».

«Устанавливая обстоятельства дела, суд пришел к выводу что, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” разъяснено, что при квалификации действий лица по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ надлежит учитывать, что нарушением иных правил розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции является нарушение любых правил продажи указанной продукции, кроме перечисленных в ч. 1 и 2 ст. 14.16 КоАП РФ.

Согласно ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 2015 г. № 171-ФЗ “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” не допускается розничная продажа алкогольной продукции с 23 часов до 8 часов по местному времени, за исключением розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой организациями, и розничной

⁷ Решение Тульского областного суда по делу № 12-22 от 19 февраля 2014 г. // URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6580308> (дата обращения: 03.06.2018).

продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, осуществляемой индивидуальными предпринимателями, при оказании такими организациями и индивидуальными предпринимателями услуг общественного питания, а также розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой магазинами беспроходной торговли. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том числе полный запрет на розничную продажу алкогольной продукции.

В соответствии с п. 3 ст. 4 Закона Саратовской области от 28 октября 2011 г. № 144-ЗСО (в ред. от 25 апреля 2014 г.) «О полномочиях органов государственной власти Саратовской области в сфере государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» установлен запрет на розничную продажу алкогольной продукции, за исключением розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой организациями общественного питания, в том числе 11 сентября — в День трезвости.

Из материалов дела об административном правонарушении усматривается, что 11 сентября 2014 г. инспектором ОИАЗ ОП N. в составе УМВД России по г. Саратову проведена проверка соблюдения действующего законодательства в сфере розничной продажи алкогольной продукции ООО «Фарт» в магазине «Ням-ням». В ходе проверки установлено, что ООО «Фарт» осуществляет деятельность по розничной продаже алкогольной продукции в торговой точке — магазине «Ням-ням». В этот же день, в день запрета продажи алкогольной продукции, в 16 час 05 мин ООО «Фарт» допустило реализацию алкогольной продукции шампанского «Российское» белое, объемом 0,75 л., крепостью 10,5—13 % готовой продукции, произведено ОАО «МКШВ», г. Москва, по цене 185 руб. за бутылку, чем нарушило ст. 4 Закона Саратовской

области № 144-ЗСО от 28 октября 2011 г. и ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 2015 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Продажа осуществлялась без оказания услуг общественного питания».

Такая же позиция находит свое выражение и в решениях арбитражных судов. Арбитражный суд Челябинской области в решении № А76-926/2013 от 8 июля 2013 г. указал, что постановление административного органа о привлечении ООО «Лабиринт» к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ принято 17 января 2012 г., то есть в период действия постановления губернатора Челябинской области от 17 августа 2012 г. № 230, устанавливающего минимальный размер расстояния от места реализации алкогольной продукции до образовательного учреждения. Указанным постановлением, в соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 2015 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», реализованы полномочия органа государственной власти по установлению дополнительных ограничений мест розничной продажи алкогольной продукции⁸.

Однако не все суды идут по такому пути.

В решении судьи Октябрьского районного суда г. Липецка по жалобе Строчкова Р. А. на постановление мирового судьи судебного участка № 26 Октябрьского округа г. Липецка по делу об административном правонарушении в отношении Строчкова Р. А. по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ установлено, что мировым судьей при вынесении постановления было установлено нарушение местного законодательства в части недопущения розничной продажи алкогольной продукции с 21:00 до 09:00 по местному времени. «Инспек-

⁸ Решение Арбитражного суда Челябинской области по делу № А76-926/2013 от 8 июля 2013 г. // URL: http://74.rospotrebнадзор.ru/documents/10156/127010/A76-926-2013_20130708_%D0%9E%D0%9E%D0%9B%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%82.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

тором УМВД России по Липецкой области был составлен протокол об административном правонарушении в отношении Строчкова Р. А. по ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ. Строчков Р. А. нарушил п. 2 постановления администрации Липецкой области № 156 от 2 мая 2012 г., допустил продажу алкогольной продукции в торговых объектах на расстоянии менее 50 метров до автостоянки. В отношении Строчкова Р. А. необходимо было составлять протокол за нарушение требований Кодекса Липецкой области об административных правонарушениях. Кроме того, за нарушение законов и нормативных актов субъекта Российской Федерации лицо подлежит ответственности по законодательству субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях»⁹.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что в рассматриваемом вопросе нет единства правоприменительной практики, а это, в свою очередь, ведет к нарушению прав и законных интересов лиц, привлекаемых к административной ответственности. Большинство судов распространяют действие КоАП РФ на все правоотношения, независимо от уровня законодательства, устанавливающего конкретные правила поведения.

Данная ситуация возникает из-за сложности конструкции норм КоАП РФ. Пункт 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ оперирует двумя понятиями: «вопросы, имеющие федеральное значение» и «федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации». То есть определение полномочий Российской Федерации идет по двум различным, пересекающимся критериям. В первом случае это круг общественных отношений, а во втором — уровень принятия нормативных правовых актов. Дополнительной проблемой выступает отсутствие легального определения понятия «вопросы, имеющие федеральное значение». Анализируя конструкцию п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ, можно прийти к выводу, что вопросы, имеющие федеральное значение, содержатся не только в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации. Если законодатель подразу-

мекает, что вопросы, имеющие федеральное значение, могут быть урегулированы законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, то почему он не изъял полномочие по установлению административной ответственности за данные правоотношения из полномочий субъектов Федерации? Пункт 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ не содержит каких-либо исключений из прав субъектов Российской Федерации по установлению административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Складывается ситуация, когда вопрос федерального значения, урегулированный нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, может быть защищен как нормами КоАП РФ, так и нормами закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях одновременно.

Таким образом, распространение действия норм КоАП РФ на положения нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и на муниципальные правовые акты нарушает систему административной ответственности и принцип федерализма, заложенный в основу ее построения.

Кроме того, п. 39 ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ именно на субъекты Российской Федерации возлагают право установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, что, исходя из принципов разграничения полномочий, может трактоваться как исключительное полномочие субъектов Российской Федерации.

⁹ Решение октябрьского районного суда г. Липецка // URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-lipecka-lipeckaya-oblast-s/act-106927971/> (дата обращения: 03.06.2018).

Таким образом, исходя из принципа федерализма, вытекающего из него разграничения предметов ведения и предписаний федерального законодательства, при применении положений КоАП РФ необходимо учитывать, что их действие распространяется только на нормативные предписания, установленные федеральными органами власти. Это позволит четко

дифференцировать уровни административного деликтного законодательства.

Такое разделение может быть осуществлено путем внесения изменений в п. 3 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ, а именно: исключением из текста пункта слов «административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение в том числе».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбачева С. В. Федерализм как принцип конституционно-правового регулирования взаимоотношений центра и регионов: содержание, специфика, проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 4 (22). — С. 82—86.
2. Касаткин В. П., Полухин О. Н. Принципы федерализма в условиях становления новой российской государственности // Научные ведомости БелГУ. Серия : Философия. Социология. Право. — 2012. — № 2 (121). — С. 112—121.

Материал поступил в редакцию 15 мая 2019 г.

COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLE OF FEDERALISM IN BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Artem V. Rudenko, Cand. Sci. (Law), Head of the Department of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Merited Lawyer of the Republic of Crimea
RudenkoCrimea@yandex.ru
ul. Pavlenko, d. 5, kab. 401, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295034

Abstract. *The subject of the study is the extension of the principle of federalism on the validity of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The paper raises the issue of its extension to normative legal acts adopted by the public authorities of the constituent entities of the Russian Federation and municipal normative legal acts. The author has analyzed the decisions of courts of different levels on bringing to administrative responsibility on the basis of the Administrative Code of the Russian Federation for violations of the law rules of constituent entities of the Russian Federation.*

The article contains conclusions about the need to correct the provisions of Article 1.3 of the Administrative Code of the Russian Federation. The proposed design of the norm will clearly delineate the powers of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation in determining administrative responsibility and excluding the possibility of bringing to administrative responsibility for the violation of normative legal acts of constituent entities of the Russian Federation and municipal bodies on the basis of the rules of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: *administrative law, administrative responsibility, federal legislation, legislation of constituent entities of the Russian Federation, legislation on administrative responsibility, limits of action, principle of federalism, business activity, court practice, Administrative Code of the Russian Federation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorbacheva S. V. Federalizm kak princip konstitucionno-pravovogo regulirovaniya vzaimootnoshenij centra i regionov: sodержanie, specifika, problemy // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2013. — № 4 (22). — S. 82—86.
2. Kasatkin V. P., Poluhin O. N. Principy federalizma v usloviyah stanovleniya novej rossijskoj gosudarstvennosti // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya : Filosofiya. Sociologiya. Pravo. — 2012. — № 2 (121). — S. 112—121.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Е. С. Михалева*,
Е. А. Шубина**

Проблемы и перспективы правового регулирувания робототехники

***Аннотация.** Современный мир практически непрерывно подчеркивает значимость для человечества новых задач и решений во всех областях и сферах жизнедеятельности. Появление новых технологий и усовершенствование привычных механизмов для удовлетворения требований цифровых реалий ставит новые задачи перед любой общественной наукой и практикой; особенно важной становится роль права как инструмента регулятивного воздействия на общественные отношения. В последнее время для российской и мировой юридической науки остро встал вопрос регулирования повсеместно внедряемого искусственного интеллекта, киберфизических систем, продвинутых «умных» роботов и иных достижений инженерной науки. Авторы статьи рассматривают вопрос о возможных подходах к правовому регулированию робототехники. В связи с последними тенденциями разработки правовых норм о робототехнике в зарубежных странах, в частности в Европейском Союзе, особую актуальность приобретают вопросы законодательного признания и определения статуса робота, то есть перспектива наделения робота правоспособностью, или же упрочение и конкретизация правового режима робота исключительно как объекта правового регулирования.*

Данное исследование направлено на изучение актуальных вопросов возможных направлений правового регулирования робототехники, а также рассмотрению основных подходов к определению правового статуса роботов и ответственности за вред, причиненный ими при автономном выполнении действий.

***Ключевые слова:** робототехника, правовое регулирование робототехники, роботы, киберфизические системы, роботы как объект права, актуальные проблемы, правосубъектность, роботы как субъект права, юридическая ответственность, этические аспекты робототехники.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035

© Михалева Е. С., Шубина Е. А., 2019

* *Михалева Екатерина Сергеевна*, эксперт Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России
ms.mikhalevaa@mail.ru

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

** *Шубина Екатерина Александровна*, юрист компании ООО «Бюджетные и финансовые технологии»
ineed@bftcom.com

127018, Россия, г. Москва, ул. Складочная, д. 3, стр. 1

Введение

Для российской и мировой юридической науки с недавних пор остро встал вопрос регулирования повсеместно внедряемого искусственного интеллекта, киберфизических систем и продвинутых «умных» роботов.

Отношения, определяющие необходимость взаимодействия человека и машины, вышли далеко за рамки фантастики и футуризма и сейчас представляют собой действительность, плохо урегулированную нормами права, но активно заявляющую о себе реальными казусами, порой влекущими человеческие жертвы. В то же время появление виртуального пространства в Интернете вместе с развитием цифровой экономики обусловило актуализацию традиционной для юридической науки проблемы правоспособности: определения юридической личности, участвующей в правоотношениях.

Помимо общей неопределенности правового статуса робота и возможности причисления роботов к субъектам правоотношений, возникают новые как практические, так и теоретические вопросы, например о творческом потенциале искусственного интеллекта¹ и способности создания им оригинальных произведений².

Необходимость регулирования робототехники

Правовое регулирование робототехники, *то есть науки и практики разработки, производства и применения роботов*³, можно характеризовать как зарождающееся. Это обусловлено

некоторой ригидностью законодателя в попытках провести либеральное регулирование столь динамично развивающейся сферы, поскольку ее нахождение в «теневой зоне» фактически снимает бремя ответственности за поспешные и неструктурированные юридические акты, которые могут быть приняты для упорядочивания отношений с участием роботов.

Сложность представляет и неопределенность понятия «робот», отсутствие классификации данного объекта для целей введения в правовое поле. В зарубежных исследованиях наиболее общее определение понятия «робот» выводится через перечень функций, осуществляемых ими: роботы — это искусственно созданные объекты или системы, которые могут получать и обрабатывать информацию, а также действовать соответственно окружающему их внешнему миру⁴.

Для юридической науки важным аспектом выступает не столько конкретная инженерно-техническая архитектура робота, сколько возможности и функции, которые могут быть воплощены с помощью данной архитектуры.

В российской и общемировой практике имеются сходные тенденции при формировании подходов к определению понятия «робот». Считается, что не всякая программа или устройство определимы как роботы, но лишь те из них, которые напоминают человека как внешне, так и выполняемыми ими функциями⁵. Как справедливо утверждают корифеи российской юридической мысли в области регулирования робототехники, едва ли можно назвать укоренившимся термин «робот», ибо

¹ Рыжов В. В., Сайфулин В. Г. К вопросу о способности искусственного интеллекта к научному творчеству // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 140.

² Ролинсон П., Ариевич Е. А., Ермолина Д. Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 66.

³ ГОСТ ИСО 8373-2014. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения // URL: <http://gostpdf.ru/cont/files/8373-2014/gost-8373-2014.14971.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).

⁴ Calo R. Robots in American Law // University of Washington School of Law Research Paper. California Law Review. P. 531. URL: <https://ssrn.com/abstract=2737598> (дата обращения: 17.03.2019).

⁵ Соболева М. Ю. Роботы для права или право для роботов? // URL: repo.iubipdigital.ru/pluginfile.php/654/mod_data/content/4098/Соболева.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

подходы к определению варьируются от «автоматизированного механизма» или «компьютерной программы» до «технически продвинутого устройства, функционирующего на основе собственной обособленной информационной системы»⁶.

Стоит отметить, что в отечественных реалиях правовое регулирование было вытеснено техническим, тем самым демонстрируя фактическое доминирование организационно-прикладного регулирования общественных отношений над теоретической, но не менее важной основой. Так, в государственном стандарте под роботом принято понимать «механизм, программируемый по двум и более осям, имеющий *некоторую степень автономности, движущийся внутри своей рабочей среды и выполняющий задачи по назначению*»⁷.

Возможно выделить несколько поколений роботов⁸:

I поколение — программируемые роботы, выполняющие строго ограниченные функции, как правило, реализуемые для автоматизации процессов, выполняемых индивидом;

II поколение — роботы с адаптивным управлением, основанным на обработке информации сенсорными устройствами;

III поколение — самообучающиеся, высокоавтономные, «умные» роботы — наиболее интересные для анализа с точки зрения современной правовой науки.

В Европейском Союзе были выработаны критерии, отличающие «умного» робота от иных киберфизических систем⁹. Отношения с участием данного вида роботов требуют наиболее детального правового регулирования ввиду противоречивых мнений относительно возможности на-

деления подобной киберфизической системы статусом субъекта отношений (то есть отхода от классического понимания робота исключительно как объекта права). Для квалификации машины в качестве высокотехнологичного «умного» устройства она должна:

- быть способной совершать автономные действия посредством использования сенсоров и/или посредством обмена информацией с внешним миром и анализа такой информации;
- быть самообучаемой (данный критерий носит опциональный характер);
- быть оснащенной физически;
- адаптировать поведение в соответствии с внешней средой.

Морально-этические аспекты использования роботов

В Европейском Союзе в последнее время активно развивается концепция «взвешенного» регулирования робототехники. В рамках резолюции Европарламента было закреплено несколько фундаментальных аспектов, определяющих морально-этическую основу взаимоотношения робота и человека¹⁰, которые удовлетворяют критериям, сформированным в 1942 г. Айзеком Азимовым.

Опора морально-этической политики в отношении использования такой продвинутой киберфизической системы должна отвечать требованиям:

- невредимости человека при эксплуатации робота;
- подчинения робота указаниям и командам человека, за исключением случаев, когда та-

⁶ Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29144841> (дата обращения: 25.03.2019).

⁷ ГОСТ ИСО 8373-2014. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения.

⁸ Канушкин С. В. Реализация функциональных возможностей интеллектуальных роботов в работе правоохранительных органов // Правовая информатика. 2018. № 2. С. 23.

⁹ Draft Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. 2015/2103 (INL) // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 27.03.2019).

¹⁰ Draft Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. 2015/2103 (INL).

- кое поведение машины может нанести вред индивиду;
- обеспечения возможности робота поддерживать свое существование при условии, что это не противоречит вышеупомянутым требованиям;
 - наконец, роботы ни в коем случае не должны причинять вред человечеству в целом.

При решении морально-этических коллизий следует помнить о так называемом антропоморфном заблуждении (Android Fallacy), под которым понимается «одухотворение» робота и наделение его свойствами, которыми он не обладает¹¹. Данное заблуждение имеет место ввиду технологического совершенства робота, что дает основания воспринимать его действия в некоторых ситуациях как полностью автономные, не зависящие от воли владельца, как если бы у робота была собственная «воля». В действительности же способность робота совершать определенные действия зависит от того, какой механизм восприятия окружающей действительности заложен при его создании.

Если при разработке нормативного регулирования данное замечание о конструктивных особенностях «умного» робота не будет приниматься в расчет, это может привести к регулированию на законодательном уровне не функционального содержания, а просто роботизированной формы. Чрезмерное «очеловечивание» роботов, которое в определенной степени является трендом современных реалий¹², может привести к непредсказуемым последствиям, например при определении лица, виновного в причинении вреда.

Для иллюстрации вопросов регулирования достижений робототехники с точки зрения этики

будет разумно апеллировать к использованию роботов в условиях военно-полевой хирургической деятельности¹³. Спасение раненых — чрезвычайно сложная и ресурсозатратная задача. В военных условиях гораздо эффективнее разместить роботов-хирургов для оказания неотложной медицинской помощи. Хирург-человек в данной ситуации больше подвержен вероятности ошибки, нежели машина, так как окружающая среда и физические условия могут оказать негативное воздействие на человека, в результате чего может произойти непоправимая ошибка. В то же время роботы невосприимчивы к такого рода влиянию внешних факторов.

Несмотря на кажущуюся выгоду от применения подобного рода роботов, существуют явные риски. Во-первых, чем более высоко автономен робот, тем сложнее определить ответственность, так как контроль оператора-человека сводится к минимуму. Во-вторых, робот — это информационная система, которая подвержена рискам взлома и хакерской атаки. В этой связи представляется целесообразным впоследствии рассмотреть возможность отнесения подобных роботов к объектам критической информационной инфраструктуры и разработать в отношении некоторых видов роботов соответствующий правовой режим.

Немаловажен вопрос морального выбора, который робот совершить не в состоянии, поскольку технологии машинного обучения еще не достигли такого уровня: как оценивать ценность жизни того или иного лица? Кому следует оказать помощь в первую очередь: лицу, которое с большей вероятностью выживет, либо тому, кто является стратегически более ценным, что может иметь решающее значение в условиях ведения военных действий?¹⁴

¹¹ Richards N. M., Smart W. D. How Should the Law Think About Robots? (May 10, 2013) // URL: <https://ssrn.com/abstract=2263363> (дата обращения: 27.03.2019).

¹² Khan P. H. et al. Do people hold a humanoid robot morally accountable for the harm it causes? // Proceedings of the 7th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction, 2012.

¹³ O'Sullivan S., Nevejans N., Allen C., Blyth A., Leonard S., Pagallo U., Holzinger K., Holzinger A., Sajid M. I., Ashrafian H. Legal, Regulatory, and Ethical Frameworks for Development of Standards in Artificial Intelligence (AI) and Autonomous Robotic Surgery // The International Journal of Medical Robotics and Computer Assisted Surgery. 2018. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/rcs.1968> (дата обращения: 25.03.2019).

¹⁴ O'Sullivan S., Nevejans N., Allen C., Blyth A., Leonard S., Pagallo U., Holzinger K., Holzinger A., Sajid M. I., Ashrafian H. Op. cit.

Бесспорно, разработка, развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта должны подвергаться тщательному анализу и выполняться в рамках риск-ориентированного подхода. Все автоматизированные процессы подлежат разработке с учетом возможности изучения и оценки их исправности экспертом, а для создания среды доверия и защиты прав человека необходимо обеспечить прозрачность алгоритмов и технической части функционирования робота.

Определение правоспособности и ответственности роботов

Наделение определенных типов киберфизических систем, так называемых «умных» роботов, правоспособностью — одно из важнейших направлений современной юридической мысли в условиях цифровой экономики.

Наиболее ярко этот аспект выражается в контексте определения правового статуса роботов именно в рамках гражданского права.

Для рассмотрения этого вопроса представляется необходимым провести разграничение между техническими системами, являющимися, по нашему мнению, объектами права, и техническими системами, предположительно представляющими субъекты права, с целью определения наиболее подходящего правового регулирования для каждой из этих групп.

В данном случае представляется обоснованной точка зрения Г. А. Гаджиева, который предлагает разграничивать непосредственно робототехническую систему, созданную без использования технологии, предполагающей автономность объекта (промышленные роботы, дроны, аппараты для глубоководного погружения), и роботов-агентов, т.е. киберфизические

системы, способные самостоятельно совершать определенные виды задач¹⁵. Здесь дополнение в виде слова «агент» означает, что такие системы реализуют интересы определенного физического или юридического лица.

Важно понимать, что для определения правоспособности любого субъекта гражданского права необходимо решить вопрос о наличии у него воли на совершение определенных значимых для правового регулирования действий. В контексте применения этих понятий к роботам, наделенным развитым искусственным интеллектом и автономностью, некоторые исследователи утверждают, что такие системы имеют волю в гражданско-правовом смысле¹⁶.

Однако вышеизложенный вывод ученых достаточно сложно использовать для построения концепции робота как физического лица, потому что тогда наделение роботов всеми аспектами правоспособности определяет также возможность существования у него деликтоспособности, т.е. возможности нести ответственность за вред, причиненный его деяниями.

Наиболее распространенной в научных исследованиях является концепция робота как юридического лица. Она допускает избирательное применение норм гражданского права, регламентирующих правоотношения с участием юридических лиц, к правовому регулированию роботов по аналогии¹⁷. Основанием для проведения такой аналогии является «искусственная» природа юридических лиц и роботов.

Для более полного исследования вопроса правосубъектности роботов следует обратиться к еще одной теории, которая получила название «концепция электронного лица». По мнению О. А. Ястребова, электронное лицо, обладающее субъективными правами и юридическими обязанностями, является комплексом таких прав и обязанностей, содержанием которых

¹⁵ Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-robot-agent-litsom-poisk-pravovyh-form-dlya-regulirovaniya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 19.03.2019).

¹⁶ Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 160.

¹⁷ Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 165.

являются действия искусственного интеллекта¹⁸. Очень важно подчеркнуть, что в данной концепции «электронное лицо» представляет собой существенно новый субъект права, и название данного субъекта отражает его сущность и правовую специфику. О. А. Ястребов предлагает рассматривать искусственный интеллект как базовую составляющую электронного лица, что предопределяет возможность применения данной идеи для определения правового статуса роботов¹⁹.

Исследование проблематики правосубъектности электронных лиц подтверждает, что специфика электронных лиц (трудность локализации их юридически значимого поведения) определяет необходимость формирования принципиально нового инструментария правового регулирования.

На наш взгляд, в данном случае концепт робота как юридического лица применим к определению правового статуса роботов-агентов, так как юридическое лицо и робот действительно имеют общую «искусственно созданную» природу. Кроме того, для реализации этого подхода на практике не придется прорабатывать новый пласт законодательного регулирования, так как отношения с участием юридических лиц уже имеют правовую регламентацию в действующем законодательстве.

Ввиду того что робот-агент может выполнять различные функции, необходимые для реализации целей разработчиков искусственного интеллекта, он в целом предстает как действующее лицо, на которое возлагается обязанность, которую он может как исполнить, так и не исполнить²⁰. В связи с этим актуален вопрос о том, кто будет нести ответственность за неисполнение такой обязанности — сам робот-агент (как юри-

дическое или электронное лицо) или разработчик технологии, на основании которой робот совершает свои действия?

В настоящее время наблюдается тенденция возрастания уровня автономности искусственного интеллекта, а также увеличения количества случаев причинения вреда людям в результате решений, принятых с использованием таких технологий.

В качестве одного из таких примеров можно привести ситуацию, произошедшую в связи с участием в дорожно-транспортном происшествии автомобиля марки Tesla. Автопилот данного автомобиля неправильно оценил дорожную ситуацию, что привело к столкновению с другим автотранспортным средством, в результате чего погиб водитель, не успевший взять управление на себя²¹.

Ввиду серьезности угроз дальнейшего развития искусственного интеллекта надлежущая регламентация вопросов ответственности за причинение вреда роботами, обладающими способностями к автономному принятию решений, просто необходима.

Интересным для исследования представляется вопрос о возможности рассмотрения робота как источника повышенной опасности.

Некоторые исследователи предполагают, что автономный робот не может быть отнесен к источнику повышенной опасности в связи с тем, что в привычном понимании таким источником обычно выступает объект материального мира²². Если же мы будем применять данную концепцию к автономному роботу, которого отдельные исследователи предлагают рассматривать в качестве субъекта права, возникнет существенное смешение абсолютно разных правовых категорий.

¹⁸ Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnogo-litsa-teoretiko-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 17.03.2019).

¹⁹ Ястребов О. А. Указ. соч. С. 40.

²⁰ Ястребов О. А. Указ. соч. С. 36.

²¹ См.: URL: https://www.tesla.com/en_EU/blog/tragic-loss (дата обращения: 17.03.2019).

²² Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26709676> (дата обращения: 21.03.2019).

Применение правил об источниках повышенной опасности было конкретизировано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1²³. В соответствии с данным документом источником повышенной опасности следует признавать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека. В целом многие роботы по данному критерию могут быть отнесены к источникам повышенной опасности, однако вопрос о том, можно ли применять данный подход ко всем роботам, остается открытым.

В научной литературе высказываются различные точки зрения по вопросам ответственности робота (его производителя или пользователя) за причинение вреда. К примеру, в зарубежной литературе высказывается точка зрения о том, что юридическая ответственность за действия робота ложится на человека, который дает роботу разрешение действовать от его имени²⁴.

Сходная идея была также высказана в докладе «Нормы гражданского права в робототехнике»: предлагалось отдать предпочтение концепции управления рисками, когда ответственность возлагается на то лицо, которое должно было выполнить обязанность по минимизации рисков и наступлению вредных последствий²⁵.

Представляется очевидным, что для дальнейшей более детальной регламентации вопроса ответственности за причинение вреда роботами необходимо прежде всего решить вопрос определения правового статуса робота-агента, а также выяснить, является ли он источником повышенной опасности. По нашему мнению, роботы могут быть отнесены к субъектам права исключительно при возможности создания института «электронного лица», предлагаемого О. А. Ястребовым. Кроме того, к регулированию роботов-агентов должны применяться поло-

жения об источниках повышенной опасности ввиду их явного подпадания под данную категорию.

На данный момент авторам работы наиболее перспективной представляется идея управления рисками, т.е. привлечения к ответственности того лица, на котором лежала обязанность по минимизации рисков причинения вреда. Данная концепция представляется эффективной для нового правового регулирования ввиду обоснованности применения мер ответственности за причиненный роботом вред именно к тому лицу, которое допустило невыполнение возложенных на него обязанностей по устранению таких негативных последствий.

Разумеется, при имплементации данных положений в действующее правовое регулирование могут возникнуть определенные проблемы, связанные со сложностью определения лица, на которого была возложена обязанность по устранению рисков, однако в целом этот подход может оказать позитивное влияние на детальную регламентацию вопроса ответственности киберфизических систем.

Заключение

В настоящее время основной задачей регулирования робототехнических систем и искусственного интеллекта является выработка унифицированного определения участников общественных отношений, разработка единой концепции юридической ответственности субъектов, связанных с вовлечением роботов в правоотношения, а также проработка правовой политики, отражающей позицию законодателя к отношениям с участием киберфизических систем.

Безусловно, роботы способны существенно улучшить привычное функционирование

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. № 24. 05.02.2010.

²⁴ Asaro P. Robots and Responsibility from a Legal Perspective. 2007. P. 3. URL: <http://peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения: 16.03.2019).

²⁵ Draft Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. 2015/2103 (INL).

многих сфер человеческой жизни. В частности, использование роботов в авиационной, военной, медицинской, исследовательской областях приводит к уменьшению технических потерь при выполнении операций в сложных районах и на отдаленных территориях, к снижению издержек на создание и эксплуатацию автоматизированных киберфизических систем; расширение сфер применения роботов в ситуациях невозможности человеческого вмешательства может существенно облегчить многие процессы жизнедеятельности.

Вместе с тем в связи с архитектурными особенностями киберфизических систем остро стоит вопрос не только определения юридической ответственности робота, но и правового регулирования создания и программирования «умных» роботов. Некоторые виды подобных систем, используемые в военной или медицинской деятельности, представляют наибольшую значимость, поскольку от действий, совершаемых с помощью роботов, зависят жизнь и здоровье человека напрямую. Это свидетельствует о том, что к контролю над созданием этих систем и к их вводу в эксплуатацию должны предъявляться повышенные требования. Потенциально полезным видится рассмотреть возможность отнесения вышеуказанных роботов к объектам, требования по контролю за которыми сравнимы с выдвигаемыми к критической информационной инфраструктуре.

Повсеместное внедрение роботов порождает много дискуссий в юридической науке. В частности, «пищей» для искусственного интеллекта и машинного обучения роботов могут стать не только общедоступные сведения, но и персональные данные, которые сейчас предоставляются как возмездно, так и безвозмездно, что может образовать новую гражданско-правовую неопределенность²⁶.

Авторы данной работы считают, что для роботов-агентов возможно применение концепции «электронного лица», так как эта принципиально новая идея сможет помочь в формировании узкоспециализированного подхода в регулировании отношений, возникающих в связи с использованием возможностей искусственного интеллекта. Разработка такого подхода необходима для того, чтобы каждый «субъект» правовых отношений подчинялся тем нормам, которые были выработаны, исходя из особенностей его правовой природы.

Таким образом, при эксплуатации и регулировании сложных киберфизических систем законодатель должен комплексно подходить к разработке новой отрасли законодательства и учитывать аспекты безопасности индивида, обеспечения прав и свобод человека, защиты частной жизни, чести и достоинства индивида, а также тщательно регулировать вопросы защиты персональных данных и чувствительных сведений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157—170.
2. *Гаджиев Г. А.* Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. — 2018. — № 1 (253). — С. 15—30.
3. *Ирискина Е. Н., Беляков К. О.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. — 2016. — № 10. — С. 63—72.
4. *Канушкин С. В.* Реализация функциональных возможностей интеллектуальных роботов в работе правоохранительных органов // Правовая информатика. — 2018. — № 2. — С. 23—38.

²⁶ Pazos R. Personal Data as an Economic Good — Misleading Commercial Practices and Social Networks (July 1, 2017) // How Deep Is Your Law? Brexit. Technologies. Modern Conflicts. Conference Papers, Vilnius University Faculty of Law. Vilnius, 2017. Pp. 288—297. URL: <https://ssrn.com/abstract=3011199> (дата обращения: 28.03.2019).

5. *Ролинсон П., Ариевич Е. А., Ермолина Д. Е.* Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. — 2018. — № 5. — С. 63—71.
6. *Рыжов В. В., Сайфулин В. Г.* К вопросу о способности искусственного интеллекта к научному творчеству // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. — 2011. — № 1 (13). — С. 138—141.
7. *Соболева М. Ю.* Роботы для права или право для роботов? // URL: repo.iubipdigital.ru/pluginfile.php/654/mod_data/content/4098/Соболева.pdf (дата обращения: 11.03.2019).
8. *Ястребов О. А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — № 2. — С. 36—55.
9. *Asaro P.* Robots and Responsibility from a Legal Perspective. 2007 // URL: <http://peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения: 16.03.2019).
10. *Calo R.* Robots in American Law // University of Washington School of Law Research Paper. California Law Abstract. — Pp. 513—563. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2737598> (дата обращения: 17.03.2019).
11. *Khan P. H. et al.* Do people hold a humanoid robot morally accountable for the harm it causes? // Proceedings of the 7th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction, 2012.
12. *O'Sullivan S., Nevejans N., Allen C., Blyth A., Leonard S., Pagallo U., Holzinger K., Holzinger A., Sajid M. I., Ashrafian H.* Legal, Regulatory, and Ethical Frameworks for Development of Standards in Artificial Intelligence (AI) and Autonomous Robotic Surgery // The International Journal of Medical Robotics and Computer Assisted Surgery. — 2018. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/rcs.1968> (дата обращения: 25.03.2019).
13. *Pazos R.* Personal Data as an Economic Good — Misleading Commercial Practices and Social Networks (July 1, 2017) // How Deep Is Your Law? Brexit. Technologies. Modern Conflicts. Conference Papers, Vilnius University Faculty of Law. — Vilnius, 2017. — Pp. 288—297. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3011199> (дата обращения: 28.03.2019).
14. *Richards N. M., Smart W. D.* How Should the Law Think About Robots? (May 10, 2013) // URL: <https://ssrn.com/abstract=2263363> (дата обращения: 27.03.2019).

Материал поступил в редакцию 10 мая 2019 г.

CHALLENGES AND PROSPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF ROBOTICS

Ekaterina S. Mikhaleva, Expert of the Center for International Information Security and Scientific and Technological Policy, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
 ms.mikhalevaa@mail.ru
 prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454

Ekaterina A. Shubina, Legal Counsel at OOO "Budget and Financial Technologies"
 ineed@bftcom.com
 ul. Skladochnaya, d. 3, str. 1, Moscow, Russia, 127018

Abstract. *The modern world almost continuously emphasizes the importance of new challenges and solutions in all areas and fields of life for humanity. The emergence of new technologies and the improvement of conventional mechanisms to meet the demands of digital reality pose new challenges for any social science and practice; the role of law as a tool of regulatory influence on public relations becomes of particular importance. Recently, the issue of regulation of ubiquitous artificial intelligence, cyberphysical systems, advanced "smart" robots and other achievements of engineering science has become of primary importance for the Russian and world legal science. The authors of the article have analyzed the issues of possible approaches to the robotics legal regulation. Due to the latest trends in the development of legal norms on robotics in foreign countries, in particular in the European Union,*

the issues of legislative recognition and determination of the robot's status, i.e. the prospect of robots becoming legally capable, or strengthening and clarifying the legal regime of the robot exclusively as an object of legal regulation become topical.

The paper is devoted to studying topical issues of possible directions of legal regulation of robotics and analyzing the main approaches to determining the legal status of robots and liability for harm caused by them in the autonomous performance of actions.

Keywords: *robotics, legal regulation of robotics, robots, cyberphysical systems, robots as an object of law, topical issues, legal personality, robots as a subject of law, legal responsibility, ethical aspects of robotics.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti // *Zakon*. — 2017. — № 5. — S. 157—170.
2. Gadzhiev G. A. Yavlyatsya li robot-agent licom? (Poisk pravovykh form dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki) // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2018. — № 1 (253). — S. 15—30.
3. Iriskina E. N., Belyakov K. O. Pravovye aspekty grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichinenie vreda dejstviyami robota kak kvazisub'ekta grazhdansko-pravovykh otnoshenij // *Gumanitarnaya informatika*. — 2016. — № 10. — S. 63—72.
4. Kanushkin S. V. Realizaciya funkcional'nykh vozmozhnostej intellektual'nykh robotov v rabote pravoohranitel'nykh organov // *Pravovaya informatika*. — 2018. — № 2. — S. 23—38.
5. Rolinson P., Arievidh E. A., Ermolina D. E. Ob'ekty intellektual'noj sobstvennosti, sozdavaemye s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta: osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom // *Zakon*. — 2018. — № 5. — S. 63—71.
6. Ryzhov V. V., Sajfulin V. G. K voprosu o sposobnosti iskusstvennogo intellekta k nauchnomu tvorchestvu // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7 : Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*. — 2011. — № 1 (13). — S. 138—141.
7. Soboleva M. Yu. Roboty dlya prava ili pravo dlya robotov? // URL: repo.iubipdigital.ru/pluginfile.php/654/mod_data/content/4098/Soboleva.pdf (data obrashcheniya: 11.03.2019).
8. Yastrebov O. A. Pravosub'ektnost' elektronnoogo lica: teoretiko-metodologicheskie podhody // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. — 2018. — № 2. — S. 36—55.
9. Asaro P. Robots and Responsibility from a Legal Perspective. 2007 // URL: <http://peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (data obrashcheniya: 16.03.2019).
10. Calo R. Robots in American Law // *University of Washington School of Law Research Paper. California Law Abstract*. — Pp. 513—563. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2737598> (data obrashcheniya: 17.03.2019).
11. Khan P. H. et al. Do people hold a humanoid robot morally accountable for the harm it causes? // *Proceedings of the 7th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction, 2012*.
12. O'Sullivan S., Nevejans N., Allen C., Blyth A., Leonard S., Pagallo U., Holzinger K., Holzinger A., Sajid M. I., Ashrafian H. Legal, Regulatory, and Ethical Frameworks for Development of Standards in Artificial Intelligence (AI) and Autonomous Robotic Surgery // *The International Journal of Medical Robotics and Computer Assisted Surgery*. — 2018. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/rcs.1968> (data obrashcheniya: 25.03.2019).
13. Pazos R. Personal Data as an Economic Good — Misleading Commercial Practices and Social Networks (July 1, 2017) // *How Deep Is Your Law? Brexit. Technologies. Modern Conflicts. Conference Papers, Vilnius University Faculty of Law*. — Vilnius, 2017. — Pp. 288—297. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3011199> (data obrashcheniya: 28.03.2019).
14. Richards N. M., Smart W. D. How Should the Law Think About Robots? (May 10, 2013) // URL: <https://ssrn.com/abstract=2263363> (data obrashcheniya: 27.03.2019).

Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цифровизации в государственных и муниципальных закупках. С каждым годом сфера государственных и муниципальных закупок становится все более технологичной, внедряются новые технологии и решения, автоматизируются закупочные процессы. Быстрые изменения в сфере государственных и муниципальных закупок вынуждают субъектов таких закупок интенсивно осваивать новейшие технологии, такие как чат-боты, искусственный интеллект, блокчейн и др. В результате исследования автор пришел к выводу, что существующего регулирования государственных и муниципальных закупок уже сейчас вполне достаточно, чтобы смарт-контракты успешно интегрировались в российскую правовую систему.

Ключевые слова: государственные закупки, цифровые технологии, смарт-контракты, блокчейн, электронизация закупок.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.036-042

В статье исследуются актуальные направления воздействия цифровой экономики на государственные (муниципальные) закупки в Российской Федерации.

Под цифровой экономикой (веб-экономикой, интернет-экономикой, digital economy) в самом упрощенном изложении понимается система экономических и правовых отношений, основанных на использовании цифровых технологий. Не вдаваясь в дискуссии о значении указанного термина, возьмем данную дефиницию за точку отсчета в настоящей статье.

Цифровая экономика — это уже не будущее, а настоящее XXI в., и она, несомненно, отража-

ется на специфике отношений, складывающихся при проведении государственных и муниципальных закупок, которые в большинстве своем уже немыслимы без автоматизации, компьютеризации, большей гибкости, мобильности, передачи данных посредством Интернета и иных телекоммуникационных технологий.

Процесс перехода Российской Федерации к цифровой экономике был отражен в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р². В ее развитие был принят ряд плановых документов, в том числе План мероприятий по направле-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00163.

² СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

© Шмелева М. В., 2019

* Шмелева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, докторант, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии
civil2012@mail.ru
410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104

нию «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 18 декабря 2017 г.³

Основная цель цифровизации в государственных и муниципальных закупках — повысить прозрачность закупок, расширить доступ к закупкам для участников закупок и стимулировать конкуренцию среди потенциальных поставщиков (исполнителей, подрядчиков).

В настоящее время институт государственных и муниципальных закупок, несмотря на все сложности и зарегулированность в этой сфере, продолжает стремительно трансформироваться. Именно цифровизация выступает ключевым драйвером ее развития, позволяя делать закупочные процессы более прозрачными и эффективными, радикально снижая издержки. Так, по результатам мониторинга, проведенного Министерством финансов, по результатам электронных закупочных процедур только за I квартал 2018 г. заключено контрактов на сумму более 650 млрд руб.⁴

С каждым годом сфера государственных и муниципальных закупок становится все более технологичной, внедряются новые технологии и решения, автоматизируются закупочные процессы. Быстрые изменения в сфере государственных и муниципальных закупок вынуждают субъекты таких закупок интенсивно осваивать новейшие технологии, такие как чат-боты, искусственный интеллект, блокчейн и др.

Наибольшую эффективность при проведении закупок показали следующие инструменты: виртуальные помощники, когнитивные системы поддержки при принятии решений заказчиками, роботизация в транзакциях, предиктивная аналитика по закупкам.

Так, электронная торговая площадка «Центр электронных торгов», построенная на сервисе, основанном на предиктивной аналитике, по-

казала свою эффективность в использовании технологии машинного обучения. Каждому поставщику на основе анализа предыдущей его деятельности площадка с высокой долей вероятности прогнозирует, закупки какого заказчика будут ему интересны.

Правительство Москвы, к примеру, представило интегрированный портал поставщиков и инвестиционный портал, ориентированные на привлечение заказчиков и поставщиков из разных регионов страны⁵. Указанный портал позволяет осуществлять закупки товаров (услуг, работ) и обеспечивает наглядное представление инвестиционных возможностей Москвы, ее инвестиционной стратегии и инфраструктуры, потенциальных направлений инвестиций.

Новые технологии в сфере закупок приводят не только к повышению результативности и эффективности закупочных процедур, но и к перекройке всех бизнес-процессов. Например, блокчейн принес важную инновацию: смарт-контракт — технологию, позволяющую формулировать условия контракта и (или) обеспечивать его выполнение⁶. Основная цель смарт-контракта — это внедрить электронный документооборот в закупки на этапе исполнения контракта. В настоящий момент технология смарт-контрактов проходит «обкатку» в ряде компаний в пилотном режиме. Так, в апреле 2018 г. фонд «ВЭБ-Инновации» заключил первый смарт-контракт на электронной площадке B2B-Center. Закупка осуществлялась на блокчейн-платформе «Эфириума» (Ethereum)⁷.

По сути, мы вступаем в новую цифровую реальность, которая продиктована современными тенденциями и вызовами. И к предстоящим переменам и эффективным решениям должно быть готово не только государство, но и профессиональное сообщество. Сегодня для того, чтобы быть специалистом по закупкам,

³ СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

⁴ Система закупок переходит в «цифру» // Электронный журнал «Стратегия». URL: <http://strategyjournal.ru/partners-news/sistema-zakupok-perehodit-v-tsifru/> (дата обращения: 19.12.2018).

⁵ Портал поставщиков. URL: <https://zakupki.mos.ru/#/about?s.onlyMyOffer&s.availability=all&s.isLoadProductionDirectoryPath&v.ps=10&v.s=GivingDate&v.sd&v.t=list> (дата обращения: 19.12.2018).

⁶ *Aurélie Bayle*. Smart Contracts : études de cas et réflexions juridiques. France. Open law. 38 pp.

⁷ Центр электронных торгов. URL: <https://www.b2b-center.ru/news/?id=18140> (дата обращения: 22.01.2019).

необходимо разбираться не только в порядке и способах проведения закупочных процедур, но и в информационных технологиях⁸.

Безусловно, эффективный механизм закупок будет работать только в том случае, если контрактные службы заказчиков будут обеспечены профессионалами с высоким уровнем знаний и правосознания, поскольку именно специалисты по закупкам должны эффективно планировать, проводить закупочные процедуры, контролировать исполнение контракта и отвечать за результат.

В настоящее время только уполномоченный специалист, имеющий соответствующее образование, может совершать какие-либо правовые или технические действия в единой информационной системе. Это означает, что в действующей системе предусмотрен контроль за вызовом функций: система будет проверять, что действие совершает именно тот, кто обладает соответствующими полномочиями. Так, каждый специалист в области закупок должен быть зарегистрирован в Единой системе идентификации и аутентификации и иметь подтвержденную учетную запись⁹. Такая запись синхронизируется с данными электронной цифровой подписи, выдаваемой ему в органах Федерального казначейства.

С июля 2018 г. заказчики и поставщики вправе использовать только усиленную квалифицированную подпись. Она выдается исключительно в удостоверяющих центрах, получивших аккредитацию Минсвязи и шифровальное обеспечение ФСБ.

Электронная цифровая подпись представляет собой приспособление с записанной на флеш-накопителе ключевой информацией. Она

имеет вид файла с указанными там полномочиями владельца и именуется сертификатом. Сертификаты записываются на специальные носители, которые защищены от несанкционированного доступа (обычно это eToken).

Формирование и использование подписей регламентировано Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»¹⁰.

Учитывая изложенное, можно говорить о том, что в российских закупках произошли качественные изменения. В настоящий момент на первый план выходят не только вопросы модернизации бизнес-процессов и экономической эффективности. Государство старается системно подходить к решению вопросов результативности закупок путем оптимизации всех связанных процессов на каждом этапе закупочной процедуры и внедрения сквозной автоматизации.

Как отмечают заказчики, электронные закупочные процедуры обеспечивают оптимизацию расходов бюджета и трудозатрат, повышение эффективности закупок в среднем на 25—30 %. При этом единая информационная система и торговые площадки позволяют заказчикам приобретать фактически все виды необходимых товаров (услуг, работ)¹¹.

В настоящий момент мы находимся на пороге масштабных законодательных изменений, которые, в частности, предусматривают поэтапный перевод в электронный вид всех закупок — как государственных (муниципальных), так и корпоративных.

31 декабря 2017 г. был подписан Федеральный закон № 504-ФЗ «Об изменении контрактной системы»¹², который, по сути, запретил

⁸ С 2015 г. обязательной частью обучения специалистов в области государственных закупок является работа в Единой информационной системе. См.: URL: <https://mguu.ru/vasilij-fivejskij-laquo-tsentr-otsenki-i-nbsp-poligraf-nbsp-mdash-dve-osnovnye-protsedury-v-nbsp-otbore-kadrov-dlya-goszakupok-raquo/> (дата обращения: 20.01.2019).

⁹ Официальный интернет-портал государственных услуг в Российской Федерации. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 04.12.2018).

¹⁰ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 23 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

¹¹ Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/opendata/search.html> (дата обращения: 24.01.2019).

¹² СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 88.

бумажные закупки и ввел новые электронные способы закупок. Электронными, помимо аукциона, стали конкурс, запрос котировок, запрос предложений и все двухэтапные открытые конкурентные процедуры.

Согласно указанному Закону с 1 января 2019 г. электронные конкурентные процедуры для всех заказчиков стали обязательными.

Кроме того, в апреле 2018 г. Правительство РФ приняло решение и малые закупки перевести в электронную форму, чтобы сделать их более прозрачными¹³. Для этого был создан специальный электронный магазин под названием Единый агрегатор торговли «Березка»¹⁴. В нем могут закупать товары (услуги, работы) и федеральные, и региональные, и муниципальные заказчики. При этом у каждого субъекта РФ был создан также свой электронный магазин и у каждого магазина установлены свои правила и порядки¹⁵.

С июля 2018 г. все заказчики, работающие в рамках Закона о контрактной системе¹⁶, получили право проводить малые закупки и закупки лекарств через ЕАТ «Березка» по п. 28 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе. При этом для федеральных заказчиков с 1 ноября 2018 г. работа в электронном магазине стала не правом, а обязанностью. Так, вне зависимости от цены контракта закупка канцелярских товаров для федеральных заказчиков в обязательном порядке осуществляется через электронный магазин.

Для региональных заказчиков, наоборот, проводить малую закупку в электронном магазине нужно независимо от вида закупаемых товаров (услуг, работ), если цена контракта превышает определенный ценовой порог. Причем этот порог у каждого субъекта РФ свой¹⁷.

На пути реформирования законодательства в сфере закупок законодателем были внесены также следующие изменения:

1. *Создан электронный каталог товаров, работ и услуг*¹⁸.

Основная цель создания каталога заключается в унификации наименования и описания объекта закупки. В настоящий момент указанный каталог разрабатывает Министерство финансов РФ совместно с заинтересованными органами исполнительной власти. Уже подготовлен первый раздел каталога, включающий в себя ряд позиций для учреждений здравоохранения, который был размещен в Единой информационной системе в сфере закупок (ЕИС).

Электронный каталог обладает неоспоримыми преимуществами. Во-первых, он предоставляет потенциальному поставщику (подрядчику, исполнителю) возможность получать актуальную информацию о размещенных закупках и быстро находить закупку, в которой он мог бы участвовать. Во-вторых, каталог выступает отличным средством борьбы с коррупционными нарушениями, поскольку устраняет такие ситуации, ког-

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 824-р «О создании единого агрегатора торговли» (в ред. от 27 октября 2018 г.) // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2797.

¹⁴ Официальный сайт ЕАТ «Березка» в сети Интернет. URL: <https://agregatoreat.ru/>.

¹⁵ Так, в Саратовской области функционирует электронный магазин малых закупок Саратовской области (URL: <https://market.otc.ru/saratov>), в Волгоградской области электронный магазин малых закупок Волгоградской области (URL: <https://market.otc.ru/vlg>), в Самарской области функционирует портал «Малые закупки» государственной информационной системы Самарской области «Госзаказ» (URL: <https://webtorgi.samregion.ru/Menu/Page/233> (дата обращения: 24.01.2019)).

¹⁶ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹⁷ Согласно п. 21 Регламента работы пользователей в секции «Электронный магазин малых закупок Саратовской области» электронной торговой системы «ОТС-market» в Саратовской области заказчик в случае осуществления закупок малого объема с начальной (максимальной) ценой контракта менее 10 000 руб. вправе не размещать извещение об осуществлении закупки с использованием программно-аппаратных средств электронного магазина (см.: URL: <https://market.otc.ru/saratov> (дата обращения: 24.01.2019)).

¹⁸ Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/ktru/quicksearch/search.html> (дата обращения: 24.01.2019).

да заказчики используют неясные формулировки для описания объектов закупки в целях получения заявки от «своего» поставщика.

В соответствии с п. 5, 7 постановления Правительства РФ¹⁹ заказчику запрещено менять указанное в каталоге описание товаров, работ или услуг. Заказчик может только дополнить объект закупки нужными ему качественными, функциональными, техническими характеристиками или потребительскими свойствами, которых нет в каталоге. Заказчику предоставлено право добавить в описание дополнительные характеристики объекта закупки только при условии обоснования необходимости такого дополнения.

В настоящее время электронный каталог пытаются интегрировать с такими информационными системами, как ЕГРЮЛ, СПАРК, ЕАТ, ФНС и электронными торговыми площадками. Интеграция планируется в целях закрепления в каталоге не только наименования объекта закупки, единицы измерения и описания, но и начальной (максимальной) цены закупки. Это, в свою очередь, позволит снизить издержки заказчика по мониторингу и определению начальной (максимальной) цены договора. В настоящее время заказчик должен самостоятельно рассчитывать и обосновывать начальную (максимальную) цену контракта.

Таким образом, электронный каталог сегодня может исключить человеческий фактор и, к примеру, выводить объективную цену на товары, работы и услуги.

2. В ЕИС отчет об исполнении контрактов (договоров) будет формироваться автоматически.

В настоящее время заказчик должен заполнять форму отчета по форме, утвержденной постановлением Правительства²⁰. После автоматизации процесса отчетности по контрак-

там, заказчику будет достаточно просто внести данные в реестр, и система сформирует отчет самостоятельно.

3. Цифровизация отчетности коснулась и деятельности проверяющих органов в области закупок.

В ЕИС будет внедрен новый функционал, позволяющий сотрудникам антимонопольной службы формировать предписания в структурированном виде в личном кабинете самой системы и проверять их исполнение также через личный кабинет. Это означает, что в работе контролирующих органов будет максимально нивелирован субъективный фактор и, как следствие, будет гораздо меньше ошибок и потерянных решений, и вообще больше порядка.

Все вышесказанное свидетельствует об электронизации закупочных процедур и о постепенном внедрении в сфере государственных и муниципальных закупок блокчейн-технологий.

Система государственных и муниципальных закупок развивается и становится настолько сложной, что это начинает выступать препятствием к ее правильному применению. На наш взгляд, выход из этой ситуации только один — использовать современные технологии и погрузить всю сложность организации и проведения закупочных процедур в электронику.

Цифровые технологии сделают систему закупок прозрачной и позволят государству понять, где есть отклонения с точки зрения нормативного регулирования и ценообразования.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, внедрение блокчейн-технологий в сферу государственных и муниципальных закупок, безусловно, способствовало бы росту производительности российской экономики в целом и восстановлению ее инвестиционной привлекательности в частности, каждый предприниматель

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2017 г. № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 12 апреля 2018 г.) // СЗ РФ. 2017. № 7. Ст. 1084.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1084 «О порядке ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, и реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2013. № 49 (ч. VII). Ст. 6427.

получил бы доступ к государственным заказам и государство смогло бы наиболее эффективно удовлетворять свои потребности в товарах, работах и услугах.

Полагаем, что блокчейн — это универсальный инструмент для построения инновационной системы закупок, поскольку обладает следующими преимуществами:

1. Децентрализация. Отсутствует главный сервер хранения данных. Все записи хранятся у каждого участника системы.
2. Полная прозрачность. Любой участник может отследить все транзакции, проходившие в системе.
3. Конфиденциальность. Все данные хранятся в зашифрованном виде. Для проведения операций требуется уникальный ключ доступа.
4. Надежность. Для легального изменения данных требуется специальный уникальный код, выданный и подтвержденный системой.
5. Компромисс. Данные, которые добавляются в систему, проверяются другими участниками.
6. Может привести к улучшению экономического и правового положения субъектов закупки. Сервис автоматически приведет в исполнение договор, как только произойдет необходимое условие²¹.

Хотя прямых законодательных ограничений на применение блокчейна в качестве базы данных для государственных и муниципальных закупок нет²², существует как минимум два ограничителя для моментальной успешной имплементации технологии в сфере закупок. Во-первых, технология потребует объединения информационных систем банков, заказчиков, поставщиков, органов исполнительной власти: ни одна из сторон не готова нести издержки для реализации такой задачи, находясь в кризисном положении. Во-вторых, еще одним косвенным препятствием на пути к внедрению блокчейна в закупки могут быть существующие законодательные ограничения на пользование криптовалютами в системе: даже учитывая тот факт, что блокчейн применим к любому виду взаимосвязанных информационных блоков, ограничение суммы контракта за криптовалюту и налог на майнинг могут существенно сократить число потенциальных транзакций²³. В-третьих, технология потребует резервирования бюджетных средств под исполнение каждого смарт-контракта, поскольку самоисполнимость смарт-контрактов предусматривает в первую очередь автоматизацию расчетов между сторонами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. — 2018. — № 12. — С. 5—7.
2. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. — 2018. — № 2. — С. 30—74.
3. Aurélie Bayle. Smart Contracts : études de cas et réflexions juridiques. — France. Open law. — 38 pp.
4. Blockchain und Smart Contracts. Recht und Technik im Überblick. Eine vbw Studie. — Universität Passau. — 2017. — 57 s.

Материал поступил в редакцию 24 апреля 2019 г.

²¹ Blockchain und Smart Contracts. Recht und Technik im Überblick. Eine vbw Studie. Universität Passau. 2017. S. 28.

²² Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5—7.

²³ Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 54.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT: THE FUTURE OR REALITY²⁴

Marina V. Shmeleva, Cand. Sci. (Law), Doctoral Student, Associate Professor of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy
civil2012@mail.ru
ul. Chernyshevskogo, d. 104, Saratov, Russia, 410028

Abstract. *The paper is devoted to the issues of digitalization in state and municipal procurement. Every year the field of state and municipal procurement is becoming more and more processible, new technologies and solutions are being introduced, procurement processes are becoming more and more automated. Rapid changes in the field under consideration force participants of procurement to intensively master such technologies as chat bots, artificial intelligence, blockchain, etc. As a result of the research, the author has come to the conclusion that the existing regulation of state and municipal procurement is already sufficient for smart contracts to be successfully integrated into the Russian legal system.*

Keywords: *public procurement, digital technologies, smart contracts, blockchain, electronic procurement.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volos A. A. Smart-kontrakty i principy grazhdanskogo prava // Rossijskaya yusticiya. — 2018. — № 12. — S. 5—7.
2. Fedorov D. V. Tokeny, kriptoalyuta i smart-kontrakty v otechestvennyh zakonoproektah s pozicii inostrannogo opyta // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 30—74.
3. Aurélie Bayle. Smart Contracts : études de cas et réflexions jurid-iqes. — France. Open law. — 38 pp.
4. Blockchain und Smart Contracts. Recht und Technik im Überblick. Eine vbw Studie. — Universität Passau. — 2017. — 57 s.

²⁴ The study has been carried out with the financial support of RFBR within the framework of scientific project No. 19-011-00163.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Л. К. Острикова*

Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования

Аннотация. На основе действующего законодательства, доктрины, судебной практики исследуется понятие «вред». Выделены характерные случаи причинения вреда субъектам гражданского права. Делается вывод о том, что отсутствие легального определения понятия «вред» привело к смешению правовых категорий «причинение вреда» и «причинение убытков» как условия деликтной ответственности в публичных отраслях законодательства и в судебной практике. Приводится авторская классификация видов вреда, выделяется классификация имущественного вреда. Раскрывается содержание понятия неимущественного (репутационного) вреда, причиненного юридическому лицу. Приводится сравнительное исследование понятий «вред», «ущерб», «убытки». Условием деликтной ответственности является причинение вреда, а не причинение убытков. Исследуются проблемы применения норм о взыскании причиненных убытков. Анализируется субинститут — обязательства вследствие причинения вреда актами публичной власти в сфере государственного управления и правоохранительной деятельности. Выделены особенности условий деликтной ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами; особенности субъектного состава. Обращается внимание на гражданско-правовую природу обязательственных правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда в сфере уголовного судопроизводства. Выделены особенности условий деликтной ответственности за вред, причиненный должностными лицами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, субъектного состава деликтного обязательства. Предлагается ввести норму-дефиницию понятия «вред» как родового понятия и нормы о видовом делении вреда. Предлагается внести ряд изменений и дополнений в субинститут обязательства вследствие причинения вреда актами публичной власти.

Ключевые слова: деликтная ответственность, вред, ущерб, убытки, неимущественный вред, репутационный вред, доказывание упущенной выгоды, субъектный состав, акты публичной власти, порядок возмещения вреда, сфера уголовного судопроизводства, выемка, личный обыск, хранение.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.043-052

© Острикова Л. К., 2019

* Острикова Лариса Кузьминична, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ostrikovalarissa@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Обязательства вследствие причинения вреда относятся к внедоговорным охранительным обязательственным гражданским правоотношениям. Несмотря на их некоторую обособленность, исходя из функционального назначения, они взаимодействуют с другими институтами обязательственного права. Так, нормы ст. 640, 648 ГК РФ предусматривают ответственность за вред, причиненный транспортным средством; норма ст. 697 ГК РФ — ответственность за вред, причиненный в результате использования вещи; норма ст. 800 ГК РФ — ответственность перевозчика за причинение вреда жизни или здоровью пассажира. Нормы о деликтных обязательствах содержатся в транспортных кодексах.

Проведенная реформа гражданского законодательства расширила применение данного института: к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, могут применяться правила гл. 59 ГК РФ с исключениями, установленными ст. 434.1 ГК РФ.

Реформа гражданского законодательства не внесла изменений в институт обязательств вследствие причинения вреда, однако сказать о том, что новеллы гражданского законодательства никак не затронули этот институт, было бы неверно. Согласно ст. 307.1 ГК РФ к обязательствам вследствие причинения вреда применяются общие положения об обязательствах (подразд. 1), если иное не предусмотрено соответственно правилами гл. 59 ГК РФ или не вытекает из существа отношений.

Развитию института обязательств вследствие причинения вреда способствуют результаты научных исследований, проведенные в последние годы. В то же время остаются актуальными некоторые вопросы института деликтных обязательств, не нашедшие законодательного закрепления или единообразного применения в судебной практике.

Прежде всего следует отметить, что в действующей редакции гл. 59 ГК РФ отсутствует ле-

гальное определение понятия «вред», широко используемого в российском законодательстве. Статья 1064 ГК РФ начинается именно с этого понятия. С этой правовой категорией связано первое и неперемное условие наступления деликтной ответственности — наличие вреда, а также такие категории, как право на возмещение вреда в материальном и процессуальном смысле; размер деликтной ответственности; размер возмещаемого вреда при смешанной вине и без вины. В контексте ст. 1064 ГК РФ понятие «вред» понимается в широком смысле и является родовым понятием по отношению к другим категориям, использующим данный термин.

Отсутствие нормы-дефиниции понятия «вред» как родового понятия привело к смешению понятий «вред» и «убытки», используемых в публичных отраслях законодательства. Так, глава XII Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об использовании атомной энергии»¹ рассматривает «причинение убытков» и «причинение вреда» от радиационного воздействия при выполнении работ в области использования атомной энергии как самостоятельные условия деликтной ответственности, что представляется ошибочным с точки зрения цивилистической доктрины и сложившейся судебной-арбитражной практики. В статье 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «Об охране окружающей среды»² содержится норма-дефиниция понятия «вред окружающей среде», а в ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О несостоятельности (банкротстве)»³ — дефиниция понятия «вред, причиненный имущественным правам кредиторов». Содержание вышеупомянутых норм-дефиниций выходит за пределы аутентичного толкования термина «вред» в действующей редакции ст. 1064 ГК РФ.

Таким образом, отсутствие легального определения понятия «вред» в ст. 1064 ГК РФ вносит в законодательство некоторую правовую не-

¹ Российская газета. 1995. № 230.

² СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

³ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

определенность в правовом регулировании отношений по возмещению причиненного вреда и не позволяет субъектам соответствующих правоотношений и правоприменительным органам единообразно применять нормы о деликтной ответственности. Представляется необходимым введение нормы-дефиниции понятия «вред» в ст. 1064 ГК РФ как родового понятия.

Понятие «вред» содержит в себе социальный и юридический аспекты. В общем смысле под вредом понимают нарушение нормального осуществления общественных отношений, создание в них помех, недостатков⁴. По мнению Н. С. Малеина, социальная сущность вреда выражается «в совокупности отрицательных последствий правонарушения, представляющих собой нарушение правопорядка, дезорганизацию общественных отношений и одновременно умаление, уничтожение какого-либо блага, ценности субъективного права, ограничение пользования ими, стеснение свободы поведения других субъектов вопреки закону»⁵. Во всех случаях, когда речь идет о негативных последствиях, которые наступают вследствие ущемления, нарушения имущественных и личных неимущественных прав и благ потерпевшего⁶, являющегося объектом гражданско-правового регулирования, имеется в виду причинение вреда.

Когда речь идет о неблагоприятных, отрицательных имущественных или неимущественных последствиях правонарушения: утрата, повреждение, сокрытие, хищение, растрата, порча имущества, неполучение доходов, необоснованное списание денежных средств со счета, непоступление в бюджет публично-правового образования неуплаченных налогов и пеней; гибель биоресурсов, загрязнение территориальных вод, земельных участков и другие негативные изменения природных объектов окружающей среды; раскрытие или передача информации, запрещенной или ограниченной

в гражданском обороте; использование прав на результаты интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя; лишение или ограничение свободы; лишение жизни, причинение боли, увечья или иного повреждения физического или психического здоровья; причинение нравственных и физических страданий, утрата доброго имени, деловой репутации, раскрытие персональных данных, — следует употреблять термин «вред», а не «убытки». Причинение вреда является результатом нарушения норм объективного права, а также субъективных прав потерпевшего (кредитора).

В общих положениях о возмещении вреда, предусмотренных гл. 59 ГК РФ, отсутствует видовое деление вреда, однако классификация видов вреда имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

В науке гражданского права обоснованно выделяют имущественный (материальный) и неимущественный вред⁷.

Буквальное толкование действующей редакции ч. 1 п. 1 ст. 1064 ГК РФ позволяет выделить вред, причиненный личности и имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица. Для целей возложения деликтной ответственности понятие «имущество» гражданина или юридического лица следует рассматривать в широком смысле. Имущественным вредом называют всякое умаление имущественной сферы субъекта гражданского права⁸.

Имущественный вред можно разделить на личный имущественный, причиненный лично гражданину, и собственно имущественный, причиненный имуществу гражданина и юридического лица. Имущественный вред может быть причинен публично-правовым образованиям, поскольку они являются субъектами гражданского права.

Личный имущественный вред связан с повреждением здоровья или лишением жизни

⁴ *Тархов В. А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 137.

⁵ *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 8—9.

⁶ *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах. Л., 1983. С. 58.

⁷ *Тархов В. А.* Указ. соч. С. 130 ; *Белякова А. М.* Имущественная ответственность за причинение вреда. М., 1979. С. 9.

⁸ *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 5.

гражданина. Личный имущественный вред может выражаться в уменьшении состава имущества гражданина. Например, в дополнительных расходах, необходимых для восстановления здоровья, в том числе на приобретение лекарственных препаратов, расходных материалов, медицинской техники, дополнительного питания; на протезирование, на санаторно-курортное лечение по назначению лечащего врача, на оплату медицинских услуг, не входящих в перечень услуг по системе обязательного медицинского страхования; на оплату учебы для приобретения новой специальности; в расходах на погребение.

Если гражданин не имеет свободных денежных средств для восстановления здоровья, он вынужден взять кредит на лечение. В этом случае дополнительные расходы, понесенные гражданином, будут выражаться в сумме предоставленного кредита и размере процентов.

Исходя из цивилистической доктрины о возмещении вреда и из устоявшейся судебной практики возмещению подлежит имущественный и неимущественный вред, являющийся следствием нарушения прав абсолютного характера субъектов гражданского права, когда управомоченному лицу противостоит неопределенное число обязанных лиц⁹. В последние годы повышенный научный интерес пред-

ставляют вопросы возложения деликтной ответственности за нарушение относительных прав¹⁰.

Неимущественный вред может быть причинен как гражданину, так и юридическому лицу. Неимущественный вред не имеет экономического содержания. Понятие неимущественного вреда, причиненного гражданину, включает в себя физический вред и моральный вред. Применительно к гражданину моральный вред признается законом вредом неимущественным¹¹. В то же время неимущественный вред может быть причинен юридическому лицу. В юридической литературе неимущественный вред, причиненный юридическому лицу, получил название «репутационный», этот термин воспринят и судебной практикой¹².

Понятие неимущественного (репутационного) вреда, причиненного юридическому лицу, имеет иное содержание, нежели понятие неимущественного вреда, причиненного гражданину. На наш взгляд, неимущественный вред, причиненный юридическому лицу, может выражаться в понижении оценки производственно-хозяйственной и иной предпринимательской деятельности юридического лица потенциальными контрагентами, в уменьшении общего числа контрагентов юридического лица и, как результат, в понижении деловой активности

⁹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 ноября 2005 г. по делу № А26-3330/12 ; решение Фрунзенского районного суда города Саратова от 7 октября 2010 г. по делу № 2-2307/2010-М-2419/2010 ; решение Арбитражного суда города Москвы от 25 июня 2015 г. по делу № А40-209873/2014-181-832 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ *Синицын С. А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // *Вестник гражданского права.* 2015. № 1. С. 7—44 ; *Гутников О. В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // *Закон.* 2017. № 1. С. 24—39.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (ред. от 6 февраля 2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». П. 10 // *Российская газета.* № 29. 1995.

¹² Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 29 мая 2008 г. по делу № А68-1053/07-35/17 ; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 декабря 2015 г. по делу № А43-32015/2014 ; постановление арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 мая 2017 г. № Ф03-1470/2017 по делу № А73-10080/2016 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 декабря 2016 г. № Ф05-20375/2016 по делу № А40-4436/2016 ; определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2016 г. № 309-ЭС16-7367 ; определение Верховного Суда РФ от 27 июля 2017 г. № 306-ЭС17-7583 по делу № А57-29630/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

юридического лица, формировании негативного отношения у членов общества и т.д.

Судебная практика Европейского Суда свидетельствует о том, что не исключается присуждение компенсации за понесенный коммерческими компаниями нематериальный вред, который может включать в себя требования, являющиеся в большей или меньшей степени «объективными» и «субъективными». Среди них нужно учитывать такие, как репутация компании, неопределенность в принятии решений, раскол в руководстве компании (для которого нет точного способа подсчета последствий) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобство, причиненные членам и руководству компании¹³. Эта позиция в дальнейшем была подтверждена Конституционным Судом РФ¹⁴ и Высшим Арбитражным Судом РФ¹⁵.

Судебная практика российских судов под вредом, причиненным деловой репутации, понимает всякое ее умаление, которое проявляется, в частности, в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений и иных неблагоприятных последствий в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности¹⁶.

Нормы ст. 151 и 1099 ГК РФ устанавливают разные основания компенсации морального вреда, причиненного гражданину, в зависимости от объекта причинения вреда. Моральный

вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими личные нематериальные блага гражданина, подлежит компенсации во всех случаях при наличии условий деликтной ответственности, а моральный вред, причиненный имущественным и иным правам гражданина, — в случаях, предусмотренных законом. На наш взгляд, нарушенные конституционные права гражданина при наступлении деликтной виновной ответственности должны защищаться равным образом.

Представляется необходимым расширить пределы установления деликтной безвиновной ответственности за причинение не только морального вреда гражданам, но и нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам в сфере государственно-властной деятельности по всем основаниям, предусмотренным ст. 1070 ГК РФ, поскольку это в полной мере соответствует положениям Конституции РФ. Однако действующая редакция ст. 1100 ГК РФ предусматривает наступление деликтной безвиновной ответственности за причинение морального вреда гражданам в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 1070 ГК РФ.

Учитывая доктринальный подход к вопросу о видовом делении вреда, а также сложившуюся судебную практику, представляется целесообразным дополнить § 1 гл. 59 ГК РФ положениями о видовом делении вреда, причиненного субъектам гражданского права, что позволит участникам деликтных обязательств четче опре-

¹³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 апреля 2000 г. по делу «“Комингерсол С. А.” (Comingersoll S. A. v. Portugal) против Португалии» (жалоба № 35382/97); постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 г. по делу «Газета “Орловская искра” (Orlovskaya Iskra v. Russia) против Российской Федерации»; постановление Европейского Суда по правам человека от 21 ноября 2017 по делу «Редакции газеты “Земляки” (Redaksiya Gazety Zemlyaki) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

¹⁵ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 17528/11 по делу № А45-22134/2010 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 1.

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 16 февраля 2017 г.) (ред. от 26 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

делить и в дальнейшем оценить юридически значимые обстоятельства в процессе доказывания размера деликтной ответственности.

Немаловажным является вопрос о соотношении понятий «вред», «ущерб», «убытки». В науке гражданского права соотношение этих правовых категорий рассматривается по-разному. В публичных отраслях законодательства для определения негативных имущественных и неимущественных последствий от противоправных действий (бездействия) в основном употребляется термин «ущерб».

Наиболее актуальным представляется соотношение понятий «вред» и «убытки». Эти понятия различны по содержанию. Судебная практика в некоторых случаях рассматривает причинение убытков как условие наступления деликтной ответственности. Между тем для наступления деликтной ответственности первым и обязательным условием является наличие вреда, а не наличие убытков. Это утверждение верно при причинении как имущественного, так и неимущественного вреда.

Способы возмещения вреда установлены в ст. 1082 ГК РФ. На наш взгляд, эти способы применимы к возмещению имущественного вреда. Возмещение причиненных убытков следует рассматривать как один из способов возмещения имущественного вреда, а не как условие наступления деликтной ответственности за имущественный вред. Имущественный вред может быть возмещен и другими способами, например: возмещение вреда в натуре — выполнить работы по восстановительному ремонту имущества, предоставить вещь того же рода и качества, оказать услугу и т.п.

При избрании способа возмещения имущественного вреда «взыскание причиненных убытков» субъекту нарушенного права следует учитывать новую редакцию ст. 15, 393 ГК РФ. Новеллы указанных статей можно применить к обязательствам вследствие причинения вреда, опираясь на положения п. 2 ст. 307.1 ГК РФ. До

реформы гражданского законодательства суды, как правило, отказывали в удовлетворении исковых требований в части взыскания упущенной выгоды при возмещении причиненного вреда¹⁷.

После вступления в силу новой редакции вышеуказанных статей при определении упущенной выгоды лицо, чье право нарушено, вправе требовать возмещения упущенной выгоды наряду с другими убытками в размере не меньшем, чем доходы, полученные вследствие нарушения права, лицом его нарушившим. Полагаем, это требование будет удовлетворено, если надлежащими средствами доказывания доказано наличие реального ущерба.

При определении упущенной выгоды судом учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления (п. 4 ст. 393 ГК РФ). Таким образом, в процессе доказывания упущенной выгоды кредитор (потерпевший) должен представить доказательства не только обоснованного расчета состава и размера причиненных убытков, но и предпринятых мер к осуществлению конкретных юридических и фактических действий, направленных на получение дохода, как то заключение договора (поставки, аренды, хранения, перевозки, транспортной экспедиции и других договоров), в том числе заключение договора посредством осуществления конкретных действий (п. 3 ст. 438 ГК РФ). О предпринятых мерах к получению дохода, по нашему мнению, свидетельствуют документы по частичному или полному исполнению договорных обязанностей заключенного договора (график поставки товара, таможенные документы, подтверждающие факт пересечения товаром таможенной границы; уплата таможенных пошлин, товарораспорядительные документы, платежные документы об исполнении денежных обязательств, справка банка о постановке на учет внешнеторгового экспортного контракта, документы, подтверждающие аккредитивную форму расчетов и т.д.), свидетельские показания, аудиовидеозапись,

¹⁷ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 17 апреля 2014 г. по делу № 33-5395/2014; постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 апреля 2014 г. № Ф03-1099/2014 г. по делу № А51-4350/2013; постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа № Ф03-1062/2014 по делу № А 04-3724/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

протокол разногласий и т.д. Доказательствами принятия мер по приготовлению к получению дохода могут служить заключенный договор о сотрудничестве (рамочный договор), соглашение о задатке, приобретение оборудования в собственность или во временное пользование, аренда складского помещения, деловая переписка, командировочные удостоверения работников юридического лица, отчет о командировке работника юридического лица и т.п.

Немаловажным является вопрос о субъектном составе рассматриваемых правоотношений. Деликтное обязательство является относительным гражданским правоотношением, поскольку складывается между конкретными лицами вследствие причинения вреда, поэтому как на стороне управомоченного лица (кредитора), так и обязанного лица (должника) могут выступать субъекты гражданского права, включая публично-правовые образования.

В главе 59 ГК РФ не содержится нормы о публично-правовом образовании как о субъекте деликтного обязательства. Учитывая особенности правосубъектности публично-правовых образований и опираясь на нормы ст. 124—126 ГК РФ, представляется необходимым дополнить ст. 1064 ГК РФ нормой о публично-правовых образованиях, имуществу которых может быть причинен вред.

Представляется целесообразным выделить субинститут «обязательства вследствие причинения вреда актами публичной власти» в самостоятельный параграф гл. 59 ГК РФ. В действующей редакции гл. 59 ГК РФ вопросу деликтной ответственности за вред, причиненный актами публичной власти, посвящены ст. 1069—1071, что является крайне недостаточным. Деликтные обязательства, предусмотренные ст. 1069, 1070 ГК РФ, относят к специальным деликтам, поскольку выделяется специальный характер противоправного поведения, особенности причинной связи, специальный субъектный состав, разные условия наступления деликтной ответственности и особенности порядка возмещения причиненного вреда.

Крайняя «скудость» законодательной регламентации отношений в этой сфере государственной деятельности отчасти объясняется наследием гражданского законодательства советского

периода, поскольку в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. эти обязательства были закреплены лишь в ст. 446, 447, которые носили отсылочный характер к специальным правовым актам.

В действующей редакции гл. 59 ГК РФ регламентация гражданских правоотношений по возмещению вреда, причиненного актами публичной власти, в целом не изменилась. Конечно, диспозиция ст. 1069 ГК РФ значительно расширена в сравнении со ст. 446 ГК РСФСР 1964 г., однако правила ст. 1069 ГК РФ отчасти носят отсылочный характер. Представляется необходимым применять правила ст. 1069 ГК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 16 и 1064 ГК РФ.

Представляется неточной действующая редакция ст. 1069 ГК РФ. Из буквального ее толкования не следует, что ответственность в рамках ст. 1069 ГК РФ наступает на общих, а не на специальных основаниях. Однако несмотря на специальный характер противоправного поведения, специальный субъектный состав на стороне деликтанта, деликтная ответственность, предусмотренная ст. 1069 ГК РФ, наступает на общих основаниях, т.е. при наличии всех условий деликтной ответственности, включая вину должностных лиц и государственного органа, принявших незаконный акт власти.

Вина и противоправный характер действий (бездействия) должностных лиц и государственных органов, причинивших вред, презюмируется. Вред возмещается в полном объеме.

В то же время, учитывая специальный характер противоправного действия (бездействия), особенности причинной связи и специальный субъектный состав на стороне деликтанта, нормы ст. 1069 ГК РФ являются специальными по отношению к нормам ст. 1064, 1068 ГК РФ.

Обращает на себя внимание неточная редакция ст. 1069, 1071 ГК РФ о субъектах деликтного обязательства на стороне деликтанта: ст. 1069 ГК РФ устанавливает не субъект ответственности, а только источник возмещения причиненного вреда, речь идет о казне публично-правового образования; ст. 1071 ГК РФ устанавливает субъект возмещения вреда — финансовый орган, которым является распорядитель бюджетных средств (например, Министерство финансов РФ в лице Федерального казначейства; Министер-

ство внутренних дел РФ, Следственный комитет РФ и т.д.), но не определяет субъект ответственности за причиненный вред.

В субъектный состав деликтного обязательства, предусмотренного ст. 1069 ГК РФ, на стороне деликтанта входит: непосредственный причинитель вреда — должностные лица, имеющие распорядительные полномочия, или государственные органы, обладающие соответствующей компетенцией, но эти должностные лица и государственные органы уполномочены выступать и осуществлять распорядительные функции не от собственного имени, а от имени публично-правовых образований: Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, поэтому субъектом ответственности за причиненный вред являются публично-правовые образования, о чем в ст. 1071 ГК РФ не упоминается.

Согласно п. 3 ст. 158 БК РФ распорядители бюджетных средств выступают в суде от имени Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в качестве представителя ответчика по искам к Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или к муниципальным образованиям. В целях создания правовой определенности о субъекте ответственности за причиненный вред представляется целесообразным дополнить ст. 1069 ГК РФ нормой о субъекте ответственности (что согласуется со ст. 126 ГК РФ, ст. 158 БК РФ), перенеся норму об источнике возмещения вреда из ст. 1069 в ст. 1071 ГК РФ.

Возмещению вреда, причиненного в сфере правоохранительной, и прежде всего уголовно-процессуальной, деятельности, посвящена статья 1070 ГК РФ. Действующая редакция ст. 1070 ГК РФ в основном повторяет редакцию ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. Не вдаваясь в дискуссию о правовой природе правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда должностными лицами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, утверждаем, что данные правоотношения имеют гражданско-правовую природу и в регулировании деликтных обязательств в этой государствен-

но-властной деятельности следует применять нормы гражданского законодательства о деликтных обязательствах, а порядку возмещения причиненного вреда придать исключительно гражданско-процессуальную форму, поскольку именно гражданско-процессуальные правоотношения направлены на обеспечение принудительной защиты нарушенного субъективного гражданского права.

Действующая редакция гл. 18 УПК РФ представляет собой совокупность гражданско-правовых и уголовно-процессуальных норм. Однако возмещение вреда, причиненного в сфере уголовно-процессуальной деятельности, по основаниям п. 1 ст. 1070 ГК РФ осуществляется по правилам об исполнении оправдательного приговора (п. 1 ст. 397, 399 УПК РФ), т.е. порядку возмещения вреда придана уголовно-процессуальная форма. По нашему мнению, это искажает правовую природу отношений и порядок принудительной защиты нарушенных субъективных гражданских прав. Ничего подобного в УПК РСФСР 1960 г. не было¹⁸.

Построение деликтной ответственности за вред, причиненный при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, исходит из двух начал построения гражданско-правовой (деликтной) ответственности:

- по правилам п. 1 ст. 1070 ГК РФ наступает повышенная ответственность за причиненный вред, т.е. безвиновная деликтная ответственность;
- по правилам п. 2 ст. 1070 ГК РФ ответственность наступает на общих основаниях со ссылкой на ст. 1069 ГК РФ, вина непосредственного причинителя вреда презюмируется.

Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается на общих основаниях, однако вина судьи не презюмируется, а должна быть установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

В новой редакции гл. 59 ГК РФ представляется необходимым раскрыть содержание условий наступления повышенной ответственности, предусмотренной п. 1 ст. 1070 ГК РФ. В отсутствие нормы-дефиниции единого понятия «вред»

¹⁸ Курс уголовного процесса : учебник / отв. ред. Л. В. Головкин. М., 2016. С. 897.

представляется целесообразным максимально полно перечислить отрицательные имущественные и неимущественные последствия нарушенных субъективных прав граждан и юридических лиц с учетом доктрины об объектах гражданских прав и действующего гражданского законодательства. При этом следует учитывать, что у потерпевшего могут быть нарушены основные конституционные права: право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на защиту чести и доброго имени, деловой репутации, право на труд, право социального обеспечения, право на неприкосновенность жилища, право на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности и т.д.

Пункт 1 ст. 1070 ГК РФ устанавливает перечень действий противоправного характера не только в сфере уголовно-процессуального, но и в сфере административного судопроизводства: незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного аре-

ста, в виде административного приостановления деятельности. Представляется необходимым дополнить п. 1 ст. 1070 ГК РФ нормой о незаконном административном задержании¹⁹, а также об иных незаконно применяемых процессуальных действиях, ограничивающих право на свободу.

По правилам п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу, не повлекший последствий, предусмотренных в п. 1, возмещается на общих основаниях. Представляется целесообразным установить примерный перечень процессуальных действий, совершение которых может нарушить субъективные гражданские права граждан и юридических лиц: личный обыск, освидетельствование, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, обыск, выемка, хранение вещественных доказательств, судебная экспертиза.

Полагаем, что возмещение вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в сфере государственно-властной деятельности, должно происходить исключительно в порядке гражданско-процессуального судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белякова А. М.* Имущественная ответственность за причинение вреда. — М. : Юрид. лит., 1979. — 110 с.
2. *Гутников О. В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. — 2017. — № 1. — С. 24—39.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. — М. : Проспект, 2017. — 975 с.
4. Курс уголовного процесса : учебник / отв. ред. Л. В. Головкин. — М. : Статут, 2016. — 975 с.
5. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М., 1985. — 192 с.
6. *Матвеев Г. К.* Основания гражданско-правовой ответственности. — М., 1970. — 309 с.
7. *Синицын С. А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. — 2015. — № 1. — С. 7—44.
8. *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. — Л., 1983. — 152 с.
9. *Тархов В. А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. — Саратов, 1973. — 456 с.
10. *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. — М., 1951. — 240 с.

Материал поступил в редакцию 11 апреля 2019 г.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-п «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // СЗ РФ. 2009. № 27. Ст. 3382.

AN INSTITUTION OF LIABILITY FOR CAUSING HARM: A CURRENT STATE AND WAYS OF IMPROVEMENT

Larisa K. Ostriкова, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ostrikovalarissa@mail.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. *The concept of harm has been examined in the context of the current legislation, doctrine, judicial practice. The paper has determined characteristic cases of causing harm to the participants of relations regulated under civil law. It is concluded that the absence of a legal definition of the concept of harm has resulted in the confusion of the legal categories "causing harm" and "causing damages" as a condition for tort liability in public law and judicial practice. The author has given her own classification of types of harm and determined classification of property damage. The paper has clarified the content of the concept of non-property (reputational) harm caused to a legal entity. The paper has carried out a comparative study of the concepts harm, damages, and losses. It is causing harm rather than causing damages that gives rise to tort liability. The paper has examined the problems of application of rules on recovery of caused damages. The paper analyzes the substitution, namely, obligations arising as a result of harm caused by acts of public authority in the field of public administration and law enforcement. The author has determined the features of tort liability conditions for damage caused by state authorities, local self-government bodies and their officials and peculiarities of their subject composition. Attention is drawn to the civil law nature of binding legal relations arising as a result of harm in the field of criminal proceedings. The author has determined the features of tort liability for damage caused by officials during criminal procedural activity, subject composition of a tort obligation. It is proposed to introduce a defining norm of the concept harm as a generic concept and norms on specific division of harm. It is proposed to make a number of changes and additions to the substitution of obligation due to damage by acts of public authority.*

Keywords: *tort liability, harm, injury, damage, losses, non-property damage, reputational damage, proof of loss of profit, subject composition, acts of public authority, order of compensation for harm, sphere of criminal judicial proceedings, seizure, personal search, storage.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belyakova A. M. Imushchestvennaya otvetstvennost' za prichinenie vreda. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1979. — 110 s.
2. Gutnikov O. V. Deliktная otvetstvennost' za narushenie otnositel'nyh prav: perspektivy razvitiya v rossijskom prave // Zakon. — 2017. — № 1. — S. 24—39.
3. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraya (postatejnij) / pod red. A. P. Sergeeva. — M. : Prospekt, 2017. — 975 s.
4. Kurs ugolovnogogo processa : uchebnik / otv. red. L. V. Golovko. — M. : Statut, 2016. — 975 s.
5. Malein N. S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'. — M., 1985. — 192 s.
6. Matveev G. K. Osnovaniya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti. — M., 1970. — 309 s.
7. Sinicyn S. A. Absolyutnaya zashchita otnositel'nyh prav: prichiny, posledstviya i sootnoshenie s prinyatoj klassifikaciej sub"ektivnyh prav // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2015. — № 1. — S. 7—44.
8. Smirnov V. T., Sobchak A. A. Obshchee uchenie o deliktных obyazatel'stvah v sovetskom grazhdanskom prave. — L., 1983. — 152 s.
9. Tarhov V. A. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu. — Saratov, 1973. — 456 s.
10. Flejshic E. A. Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya. — M., 1951. — 240 s.

Субъекты и объекты градостроительных правоотношений

Аннотация. В статье обоснована актуальность научного анализа состава градостроительных отношений для дальнейшего развития правового регулирования градостроительной деятельности и повышения эффективности правоприменительной деятельности в сфере градостроительства. На основании изучения научных источников автором делается вывод о недостаточности правовых исследований в области правового регулирования градостроительной деятельности. В работе показано юридическое и научное значение изучения состава и специфики градостроительных отношений для дальнейшего развития градостроительного законодательства и формирования градостроительного права.

На основании системного анализа действующего градостроительного и смежного законодательства дана правовая характеристика субъектов и объектов градостроительных правоотношений с учетом специфики градостроительной деятельности в зависимости от конкретного ее вида, выявлены и показаны их особенности, проблемы определения и идентификации, разграничения со смежными правоотношениями.

Предложена возможная классификация субъектов и объектов градостроительных отношений в зависимости от вида градостроительной деятельности и их характера.

Ключевые слова: градостроительное законодательство, градостроительные отношения, субъекты градостроительных отношений, объекты градостроительных отношений, градостроительная деятельность, развитие территорий, застройка территорий, градорегулирование, наука, право.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.053-061

Активное развитие градостроительного законодательства в Российской Федерации, связанное со стремлением органов власти в максимальной степени урегулировать вопросы застройки различных территорий под лозунгом обеспечения устойчивого их развития, приводит к постоянной дифференциации и усложнению существующих градостроительных отношений, возникновению новых видов со своими субъектами и объектами, что обуслов-

ливает необходимость изучения их специфики для грамотного применения градостроительного законодательства. С теоретической точки зрения анализ градостроительных отношений представляется особенно актуальным в рамках дискуссии о роли и месте градостроительного регулирования в системе правового регулирования общественных отношений. В правовой науке уже достаточно давно высказано мнение о формировании градостроительного права как

© Романова О. А., 2019

* Романова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
romanova_85@inbox.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

самостоятельной отрасли российского права¹, однако данный вопрос остается дискуссионным и недостаточно изученным в правовой доктрине. Определяющим критерием при этом является наличие собственной сферы общественных отношений, не регулируемой другими отраслями права. Поэтому выявление специфических особенностей и признаков градостроительных отношений, правовой анализ их состава необходимы для разграничения градостроительных правоотношений с другими, прежде всего с земельными и гражданскими правоотношениями. Проблема заключается в том, что многие градостроительные отношения имеют сложный комплексный характер, на что обращается внимание в научной литературе. Например, Е. С. Болтанова считает, что «градостроительные отношения — комплексное явление, охватывающее разнообразные по составу общественные отношения»².

Действительно, градостроительные правоотношения охватывают весьма широкий круг общественных отношений, складывающихся в процессе развития и застройки различных территорий, которые включают в себя многие виды деятельности различных субъектов, но объединенные тем не менее одним понятием, которое Градостроительный кодекс Российской Федерации³ (далее — ГрК РФ) определяет как «градостроительную деятельность», подразделяя ее на отдельные виды. Перечень видов градостроительной деятельности сформулиро-

ван как исчерпывающий, однако может дополняться федеральными законами в зависимости от потребности урегулировать законодательно и другие виды общественных отношений, связанных с использованием и развитием территорий. Так, совсем недавно в перечень видов градостроительной деятельности были добавлены такие виды, как «благоустройство территорий»⁴ и «снос зданий, сооружений»⁵.

Поскольку в ГрК РФ градостроительная деятельность определяется путем простого перечисления ее состава, в научной литературе есть попытки дать обобщенное понятие градостроительной деятельности, что необходимо для понимания специфики субъектов и объектов градостроительных отношений. Например, в энциклопедии по архитектуре и градостроительству под градостроительством понимается «...деятельность по пространственной организации систем расселения, планировке и застройке населенных мест, опирающаяся на градостроительное законодательство, нормы и правила, системы научного знания, проектирования и управления»⁶.

Е. А. Махотенко считает, что градостроительная деятельность — это «пространственная организация территории при соблюдении баланса интересов, связанных с ее использованием, с учетом национальных, историко-культурных, экологических, природных особенностей территории, в том числе городов и иных населенных пунктов»⁷.

¹ См.: Анисимов А. П., Юшкова Н. Г. Градостроительное право — новая отрасль в системе российского права // Право и политика. 2008. № 9. С. 2105—2113.

² См., например: Болтанова Е. С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 82.

³ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2017 № 463-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 477.

⁵ Федеральный закон от 03.08.2018 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5133.

⁶ Архитектура и градостроительство. Энциклопедия / гл. ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 2001. С. 241.

⁷ Махотенко Е. А. Правовое понятие градостроительной деятельности // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 128.

Наиболее полно, на наш взгляд, сущность градостроительной деятельности как сферы общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, отражает определение градостроительной деятельности, данное М. Я. Вильнером: «планирование, регулирование и осуществление изменений пространственной организации территории при обустройстве ее для проживания и обслуживания, поддержания здоровья, формирования и развития интеллектуального потенциала граждан, их хозяйственной деятельности и отдыха, поддержания природной историко-культурной среды в состоянии, необходимом для долгосрочного, устойчивого развития общества»⁸. Хотя это определение дано архитектором и имеет неправовой характер, в нем отражены не только ее содержание, но и назначение градостроительной деятельности, основная цель правового регулирования градостроительных отношений, ее преимущественно публичный характер.

В науке существует и другое понимание назначения правового регулирования градостроительной деятельности — как правового инструмента управления недвижимостью⁹, устанавливающего единые прозрачные правила застройки земельных участков их правообладателями. В условиях развития рыночных отношений данный аспект регулирования градостроительной деятельности, безусловно, также имеет важнейшее значение, но направлен на защиту прежде всего частных интересов. Таким образом, в правовой природе градостроительной деятельности заложены не только публично-правовые, но и частноправовые аспекты, что обуславливает наличие объективного конфликта интересов при ее правовом регулировании и осуществлении.

Дуалистический характер градостроительной деятельности проявляется и в специфике объектов и субъектов градостроительных отношений, напрямую связанной с конкретным видом

градостроительной деятельности, указанным в п. 1 ст. 4 ГрК РФ. Хотя все виды градостроительной деятельности определенным логическим и юридическим образом увязаны между собой, однако каждый из них имеет свою специфику, выражающуюся в роли и месте каждого вида в системе градостроительной деятельности, объектном и субъектном составе, содержании, взаимных связях, особенностях правового регулирования.

Общий перечень субъектов градостроительных отношений перечислен в ст. 5 ГрК РФ и ничем не отличается от субъектов других общественных правоотношений, однако возможность участия каждого субъекта в конкретном градостроительном правоотношении и его правовой статус определяются, как было показано выше, видом градостроительной деятельности, в рамках которой складывается данное правоотношение.

Всех субъектов градостроительных отношений в зависимости от их участия в осуществлении градостроительной деятельности условно можно подразделить на «пассивных» и «активных».

К «пассивным» можно отнести субъекты, которые непосредственно не принимают участия в каком-либо виде градостроительной деятельности, но чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при ее осуществлении. К ним относятся граждане, постоянно проживающие в границах соответствующей территории, а также правообладатели земельных участков и других объектов недвижимости. «Пассивные» субъекты могут участвовать в градостроительной деятельности на стадии принятия градостроительных решений, как уже было показано выше, а также имеют право обжаловать в судебном порядке утвержденные градостроительные документы, нормативные правовые акты и решения органов власти в сфере градостроительной деятельности, нарушающие их права и законные интересы.

⁸ Вильнер М. Я. Градостроительный кодекс Российской Федерации: возможность его практического применения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2006. № 9 (60). С. 39.

⁹ См., например: Трутнев Э. К., Бандорин Е. Л., Гудзь Т. В., Сафарова М. Д., Холопик К. В., Якубов М. О. Градорегулирование. Основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости. М.: Институт экономики города, 2008. С. 10, 22—23.

К «активным» субъектам градостроительных отношений относятся субъекты, на профессиональной или предпринимательской основе осуществляющие непосредственно конкретные виды градостроительной деятельности — подготовку и утверждение градостроительной документации, проведение инженерных изысканий, строительство и т.д. Таковыми являются как органы государственной власти и местного самоуправления, осуществляющие конкретные полномочия в сфере градостроительной деятельности, созданные ими юридические лица в виде государственных и муниципальных учреждений, организаций и предприятий, так и частные лица в виде индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, имеющих право на осуществление конкретных видов градостроительной деятельности.

Особую роль в градостроительных правоотношениях играют публичные субъекты, от имени которых выступают органы государственной власти и местного самоуправления в рамках своей компетенции в сфере градостроительных отношений. В отличие от земельных правоотношений, в градостроительной сфере полномочия органов власти не связаны с отношениями права собственности на земли и земельные участки, а носят преимущественно регулятивный и разрешительный характер, содержание которых устанавливается федеральными законами. Однако необходимость привлечения частных инвестиций в развитие и освоение территорий публичных образований обусловили внедрение и договорных форм в градостроительные отношения с участием публичных субъектов. В таких отношениях, носящих договорный характер (например, при развитии застроенных территорий, комплексном освоении территорий и др.), определенные права и обязанности публичного

субъекта или их конкретизация в рамках установленных дискреционных полномочий могут устанавливаться соответствующим договором.

В отдельных случаях специальными федеральными законами может предусматриваться создание специфических субъектов градостроительной деятельности, выступающих от имени публичных образований. Например, Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»¹⁰ в качестве специального субъекта градостроительных отношений, возникающих в связи с реализацией положений указанного Закона, направленных на обеспечение развития жилищного строительства в Российской Федерации, предусматривает создание так называемого Единого института развития¹¹, который наделяется специальными полномочиями в сфере жилищного строительства. Или, например, на территориях особых экономических зон или территориях опережающего социально-экономического развития определенные полномочия в сфере градостроительной деятельности могут передаваться управляющим компаниям в порядке, установленном соответствующими федеральными законами¹².

В отношении частных лиц как субъектов градостроительных отношений градостроительным законодательством также установлены особенности их правового статуса при участии их в различных градостроительных отношениях. Так, граждане могут участвовать в градостроительных отношениях при принятии градостроительных решений в установленных ГрК РФ случаях в качестве правообладателей земельных участков и других объектов недвижимости или в качестве представителей местного населения при проведении общественных обсуждений и публичных слушаний по проектам докумен-

¹⁰ СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3617.

¹¹ Единый институт развития был введен Федеральным законом от 23.06.2016 № 221-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О содействии развитию жилищного строительства” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», до вступления данного закона в силу аналогичный субъект именовался Федеральным фондом содействия развитию жилищного строительства.

¹² См.: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

тов территориального планирования, градостроительного зонирования, документации по планировке территории, при изменении видов разрешенного использования земельных участков, а также непосредственно при застройке принадлежащих им земельных участков для личного использования.

В научной литературе предлагается выделять в качестве отдельного субъекта градостроительной деятельности местное население как общность граждан, постоянно проживающих на конкретной территории¹³, интересы которого должны учитываться при осуществлении градостроительной деятельности органами власти и другими субъектами. По существу, такие формы участия граждан в градостроительной деятельности, как общественные обсуждения и публичные слушания, позволяют выяснить и учесть именно коллективное мнение местного населения по поводу принятия конкретного градостроительного решения в отношении территории, на которой они проживают. Это отражено в позиции Конституционного Суда РФ: «...по градостроительным вопросам, в частности, публичные слушания преследуют цель “выявления именно коллективного мнения либо ясно выраженных расхождений во мнениях, имеющих также коллективный, а не индивидуальный характер”»¹⁴. Следует отметить, что в градостроительном, конституционном и муниципальном законодательстве используется термин не «местное население», а «население» по отношению к конкретной территории публичного образования (население субъекта РФ, население муниципального образования и т.п.). При этом ни «местное население», ни население конкретной территории в градостроительном и ином законодательстве в качестве самостоятельного субъекта правоотношений не выделяется, соответственно, не могут наделяться каки-

ми-либо полномочиями. Заключение публичных слушаний и общественных обсуждений имеют рекомендательный характер для уполномоченных органов власти и не порождают ничьих прав и обязанностей.

Юридические лица могут выступать в градостроительных отношениях, как и граждане, в качестве правообладателей земельных участков и других объектов недвижимости, а также в качестве субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности в сфере градостроительства. В зависимости от вида градостроительного правоотношения и их участия в нем они могут наделяться особым статусом, определяющим их права и обязанности.

Особенностью правового статуса профессионального субъекта градостроительных отношений является наличие в установленных ГрК РФ случаях обязательного членства в саморегулируемых организациях (СРО) в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства. Соответствующие СРО и создаваемые ими органы управления являются особыми субъектами градостроительных отношений, создание, деятельность и членство в которых регулируются гл. 6.1 ГрК РФ.

«Активные» субъекты градостроительной деятельности могут выступать в градостроительных отношениях в качестве застройщиков и технических заказчиков. Согласно ст. 1 ГрК РФ застройщиком может быть любое физическое или юридическое лицо, как правило, являющееся правообладателем земельного участка, подлежащего застройке, который обеспечивает весь комплекс работ, связанных со строительством, реконструкцией, капитальным ремонтом, а также сносом объектов капитального строительства, включая выполнение инженерных

¹³ См., например: *Болтанова Е. С.* Указ. соч. С. 81—91.

¹⁴ См.: определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга “О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге”, статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга “О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

изысканий и подготовку необходимой проектной документации.

Перечисленные права и обязанности застройщик может передавать техническому заказчику, которым, в отличие от застройщика, может быть только юридическое лицо, являющееся членом СРО в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, за исключением случаев, предусмотренных ГрК РФ. Поскольку отношения в сфере строительства, реконструкции, капитального ремонта и сноса объектов капитального строительства регулируются также гражданским законодательством в части заключения и исполнения договоров подряда, на практике возникает проблема соотношения понятий застройщика, технического заказчика с понятиями генерального подрядчика и подрядчика, для разрешения которой следует четко разграничивать градостроительные и гражданские правоотношения.

Важное значение для характеристики градостроительных правоотношений имеет характеристика их объектов. В ГрК РФ отсутствует норма, устанавливающая перечень объектов градостроительных отношений, что вызывает определенные трудности в их выявлении, на что указывают специалисты¹⁵. Наибольшую проблему вызывает разграничение объектов градостроительных отношений с объектами земельных отношений, в силу того что большинство видов градостроительной деятельности осуществляется с использованием земельных участков, по существу являясь разновидностью землепользования.

Объекты градостроительных отношений в полной мере отражают специфику градостроительной деятельности и зависят от ее вида и субъектов, ее осуществляющих. Обобщенно все объекты можно разделить на два вида — имеющие пространственный характер, определяющие границы осуществления конкретного

вида градостроительной деятельности, и создаваемые материальные объекты.

Так, объектами территориального планирования являются территории или части территорий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также объекты федерального, регионального и местного значения, создание которых планируется на соответствующих территориях. К таким объектам, согласно ГрК РФ, относятся объекты капитального строительства, а также иные объекты и территории, которые необходимы для осуществления полномочий по вопросам, отнесенным Конституцией РФ и другим законодательством к федеральному, региональному и муниципальному ведению и которые оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований соответственно.

Объектами градостроительного зонирования являются территории и части территорий поселений, городских округов и субъектов РФ, являющихся городами федерального значения, поскольку в результате градостроительного зонирования устанавливаются правила землепользования и застройки соответствующих муниципальных образований и городов.

Планировка территории осуществляется в отношении тех частей территорий, на которых планируется осуществление комплексной застройки, строительство линейных объектов, развитие застроенной территории и ряд других случаев, установленных ст. 41 ГрК РФ. Такие части территорий могут выделяться в виде элементов планировочной структуры — кварталов, микрорайонов, районов и иных подобных элементов¹⁶. Объектом планировки территории может быть и отдельный земельный участок как часть территории, на котором планируется строительство нескольких объектов капитального строительства и объектов инженерной и коммунальной инфраструктуры.

¹⁵ См.: Болтанова Е. С. Указ. соч. С. 81—91.

¹⁶ Подробнее см.: приказ Минстроя России от 25.04.2017 № 738/пр «Об утверждении видов элементов планировочной структуры» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2017.

Объектами отношений в сфере архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции, сноса объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений являются части территорий в виде элементов планировочной структуры, отдельных земельных участков, зон с особыми условиями использования территорий и др., а также сами объекты капитального строительства, создаваемые и изменяемые в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта и сноса в виде зданий и сооружений.

Среди создаваемых или изменяемых объектов строительства по своим техническим характеристикам и особенностям их размещения и строительства ГрК РФ выделяет объекты капитального строительства и некапитальные объекты, линейные объекты, системы коммунальной инфраструктуры, транспортно-пересадочные узлы, объекты индивидуального жилищного строительства.

Принципиальное значение для градостроительной деятельности, а также смежных отношений (прежде всего земельно-имущественных) имеет разграничение понятий объектов капитального строительства и некапитальных объектов, поскольку к их созданию и размещению устанавливаются принципиально различные требования, имеющие разное юридическое значение для их создателей и правообладателей.

Понятия объекта капитального строительства и некапитальных объектов были введены в ГрК РФ Федеральным законом от 03.08.2018 № 342-ФЗ¹⁷, согласно которому под объектом капитального строительства понимается здание, строение, сооружение, объекты незавершенного строительства, за исключением некапитальных строений, сооружений и неотделимых улучшений земельного участка (замощение, покрытие и др.). К некапитальным объектам относятся строения, сооружения, которые не имеют

прочной связи с землей и конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений). Исходя из установленных признаков именно объекты капитального строительства и являются с точки зрения гражданского законодательства объектами недвижимости со всеми вытекающими юридическими последствиями, а некапитальные объекты не являются таковыми. Однако в гражданском законодательстве отсутствует юридическая связь понятия объекта недвижимости с указанными понятиями градостроительного законодательства, что на практике порождает множество спорных ситуаций, связанных с квалификацией конкретного объекта строительства как объекта недвижимости.

В свою очередь, нельзя признать в достаточной степени определенным приведенное выше понятие объекта капитального строительства, данное ГрК РФ, отсутствует четкий перечень возможных объектов, нет понятия и признаков объекта незавершенного строительства.

Определений здания и сооружения в градостроительном законодательстве также нет, однако данные понятия даны в Федеральном законе от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»¹⁸. Согласно его ст. 2 оба объекта являются результатами строительства, но здания предназначены для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных, а сооружения предназначены для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов.

Классификация объектов строительства исходя из их назначения и технических характеристик имеет существенное юридическое зна-

¹⁷ Федеральный закон от 03.08.2018 № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5135.

¹⁸ СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

чение как для градостроительных отношений (градостроительное законодательство устанавливает различные требования к их размещению, строительству, эксплуатации, возможности изменения и сноса), так и для гражданско- и земельно-правовых, устанавливая юридическую связь данных объектов с земельными участками и определяя правомочия субъектов данных отношений в части самих объектов и соответствующих земельных участков.

Наконец, объектами деятельности по благоустройству, недавно выделенного ГрК РФ в качестве самостоятельного вида градостроительной деятельности, являются части территорий муниципальных образований и населенных пунктов в виде территорий общего пользования, прилегающих к зданиям, строениям и сооружениям территорий, а также сами элементы благоустройства в виде декоративных, технических, планировочных, конструктивных устройств, элементов озеленения, различных видов оборудования и оформления, в том числе фасадов зданий, строений, сооружений, малые архитектурные формы, некапитальные нестационарные строения и сооружения, информационные щиты и указатели, применяемые как составные части благоустройства территории. Требования к благоустройству своих территорий устанавливаются органами местного самоуправления с учетом общих положений ГрК РФ.

Таким образом, субъекты и объекты градостроительных отношений обладают отличительными признаками, отражающими сущность и особенности градостроительной деятельности, которые позволяют разграничить градостроительные правоотношения от смежных правоотношений, что необходимо для дальнейшего развития правового регулирования градостроительной деятельности в Российской Федерации и формирования градостроительного права в качестве самостоятельной отрасли. Конкретный состав градостроительного правоотношения полностью определяется видом градостроительной деятельности и ее спецификой. Однако объективная связь градостроительных правоотношений с другими сферами человеческой деятельности, сложность, громоздкость, процедурный и технический характер российского градостроительного законодательства, находящегося в активной стадии своего развития, недостатки его понятийного аппарата порождают проблемы идентификации градостроительных отношений, четкого разграничения субъектов и объектов. Указанные факторы обуславливают актуальность и необходимость дальнейшего тщательного изучения и научной оценки существующих и формирующихся градостроительных отношений, выявления их отличительных признаков и особенностей, что может служить предметом дальнейших научных правовых исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимов А. П., Юшкова Н. Г. Градостроительное право — новая отрасль в системе российского права // Право и политика. — 2008. — № 9. — С. 2105—2113.
2. Архитектура и градостроительство. Энциклопедия / гл. ред. А. В. Иконников. — М. : Стройиздат, 2001. — 688 с.
3. Болтанова Е. С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал российского права. — 2017. — № 10. — С. 81—91.
4. Вильнер М. Я. Градостроительный кодекс Российской Федерации: возможность его практического применения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2006. — № 9 (60). — С. 34—48.
5. Махотенко Е. А. Правовое понятие градостроительной деятельности // Общество и право. — 2009. — № 1 (23). — С. 127—128.
6. Трутнев Э. К., Бандорин Е. Л., Гудзь Т. В., Сафарова М. Д., Холопик К. В., Якубов М. О. Градорегулирование. Основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости. — М. : Институт экономики города, 2008. — 296 с.

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2019 г.

SUBJECTS AND OBJECTS OF TOWN-PLANNING LEGAL RELATIONS

Olga A. Romanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
romanova_85@inbox.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. *The article substantiates the relevance of scientific analysis of the composition of town-planning relations for further development of legal regulation of town-planning and increase in efficiency of law enforcement activities in the field of urban planning. Based on the study of scientific sources, the author concludes that there is insufficient legal research in the field of legal regulation of urban planning. The paper shows the legal and scientific significance of studying the composition and specifics of town-planning relations for the further development of town-planning legislation and the formation of town-planning law.*

On the basis of the system analysis of the current town-planning and related legislation, the author provides for the legal characteristics of subjects and objects of town-planning legal relations taking into account the specifics of urban planning activity depending on their particular type, their features, problems of definition and identification, differentiation from related legal relations.

The author proposes a possible classification of subjects and objects of town-planning relations depending on the type of town-planning activity and their nature.

Keywords: *town-planning legislation, town-planning relations, subjects of town-planning relations, objects of town-planning relations, town-planning activity, development of territories, urban regulation, science, law.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimov A. P., Yushkova N. G. Gradostroitel'noe pravo — novaya otrasl' v sisteme rossijskogo prava // Pravo i politika. — 2008. — № 9. — S. 2105—2113.
2. Arhitektura i gradostroitel'stvo. Enciklopediya / gl. red. A. V. Ikonnikov. — M. : Strojizdat, 2001. — 688 s.
3. Boltanova E. S. Vidy i sostav gradostroitel'nyh pravootnoshenij // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 10. — S. 81—91.
4. Vil'ner M. Ya. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: vozmozhnost' ego prakticheskogo primeneniya // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. — 2006. — № 9 (60). — S. 34—48.
5. Mahotenko E. A. Pravovoe ponyatie gradostroitel'noj deyatel'nosti // Obshchestvo i pravo. — 2009. — № 1 (23). — S. 127—128.
6. Trutnev E. K., Bandorin E. L., Gudz' T. V., Safarova M. D., Holopik K. V., Yakubov M. O. Gradoregulirovanie. Osnovy regulirovaniya gradostroitel'noj deyatel'nosti v usloviyah stanovleniya rynka nedvizhimosti. — M. : Institut ekonomiki goroda, 2008. — 296 s.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

И. В. Ершова*,
Ю. С. Цимерман**

Государственное и муниципальное имущество: анализ законопроекта

Аннотация. В статье представлен анализ проекта федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе», размещенного на федеральном портале проектов нормативных правовых актов для общественного обсуждения. Представлено видение необходимости разработки и принятия указанного законопроекта, предпринят экскурс в историю проблемы. Обращено внимание на доктринальную позицию и конституционную основу принятия данного акта, а также на его включение в стратегический документ — Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 г. Дана общая характеристика законопроекта, высказаны отдельные замечания относительно его положений. Сделан вывод о том, что принятие федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе» будет способствовать повышению эффективности управления и распоряжения государственной и муниципальной собственностью и упрочению имущественной основы российского государства.

Ключевые слова: государственное и муниципальное имущество, государственная и муниципальная собственность, государственные и муниципальные предприятия, государственный сектор, право хозяйственного ведения, право оперативного управления.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.062-069

На федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен текст проекта федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе»¹. Общественное обсуждение текста законопроекта проходило с 7 по 21 октября 2019 г. В рамках

¹ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95159> (дата обращения: 1 ноября 2019 г.).

© Ершова И. В., Цимерман Ю. С., 2019

* Ершова Инна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации
inna.ershova@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Цимерман Юлий Соломонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), советник ЗАО «Группа компаний Ренова», заслуженный юрист РСФСР
J.Tsimerman@renova-group.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

данного этапа 17 октября 2019 г. на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова состоялся круглый стол «Проблемы повышения эффективности использования государственного и муниципального имущества». Принявшие участие в мероприятии разработчики, представители органов государственной власти, общественных организаций, научной общественности, практикующие юристы обсудили актуальность законопроекта, его концепцию и отдельные положения. Учитывая социально-экономическую значимость проблематики и несовершенство действующего законодательства, что предопределяет необходимость дальнейшего научного осмысления проблемы, авторам статьи как независимым экспертам указанного законопроекта показалось важным и нужным поделиться своими выводами и предложениями с профессиональной общественностью.

Необходимость разработки и принятия Федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе»

Раскрывая данный тезис, остановимся на предпосылках сущностного и формального толка.

Итак, существует ли потребность в принятии такого закона в России? Положительный ответ на этот вопрос никогда не вызывал у авторов сомнения. Российское государство всегда было крупным собственником. Объективно это объясняется особенностями исторического развития — в частности, более поздним, по сравнению с зарубежными странами, возникновением частного предпринимательства.

Российский экономист и государственный деятель М. И. Фридман в 1906 г. отмечал, что «государство является очень крупным хозяином.... Российское государство всегда имело громадное значение как в области управления населением, так и в деле народного хозяйства».

При этом наш соотечественник, приводя данные существенного роста государственных доходов на рубеже XIX—XX вв.², обращался и к независимому мнению американского статистика: «Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем в последнее время в русской истории. Русское правительство владеет и управляет 2/3 всей железнодорожной сети и 7/8 всех телеграфов. Почти 1/3 всей земли и 2/3 лесов находятся в его непосредственном заведении. Русское государство — самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире»³.

Объем государственного сектора красноречиво демонстрируют и статистические показатели, касающиеся размера доходов от использования государственного имущества в доходах бюджета России. Так, от казенных предприятий и имущества в доход государственного бюджета поступило в 1885 г. 80,5 млн руб., в 1905 г. — 1 239,1 млн руб., в 1913 г. — 1 966,2 млн руб. За четверть века их вклад в бюджет вырос более чем в 24 раза, что свидетельствует о расширении государственного сектора. Поступательно росла доля государственного сектора в доходах и расходах бюджета. Например, в 1885 г. в доходах бюджета она составила всего 10 %, в 1900 г. поднялась до 32 %, в 1913 г. — до 45 % и вплоть до Первой мировой войны устойчиво держалась на уровне 60 %⁴.

Заметим, что приведенные цифры официальной статистики относятся к одному из самых рыночных периодов развития российского государства. Что уж говорить о плановой социалистической экономике СССР? Как отмечал М. В. Колганов, «экономическую основу советского строя составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность

² Динамика роста доходов: с 1874 по 1883 г. на 25,71 %, с 1883 по 1892 г. на 38,37 %, с 1892 по 1901 г. на 85 %.

³ Фридман М. И. Доходы и расходы русского государства. М., 1906. С. 4.

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 187.

на орудия и средства производства. Она охватывает 98,7 % всех производственных фондов нашей страны»⁵. Цифры говорят сами за себя.

Нельзя не упомянуть того факта, что отправным пунктом формирования современного российского законодательства является принятие Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР»⁶, создавшего законодательную основу регулирования рассматриваемых отношений. Наряду с Законом РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁷, указанный акт определял и возможности вовлечения в хозяйственный оборот государственного и муниципального имущества, в том числе путем закрепления его за предприятиями на праве хозяйственного ведения (полного хозяйственного ведения) или оперативного управления. Однако названные законы⁸ утратили силу с 1 января 1995 г. в связи с введением в действие части первой Гражданского кодекса РФ⁹. И если отношения по хозяйственному ведению и оперативному управлению государственным и муниципальным имуществом нашли закрепление в Гражданском кодексе РФ, а позднее и в Федеральном законе от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»¹⁰, то в целом правовой режим государственного и муниципального имущества потерял законодательную почву.

Позволим себе сделать вывод о том, развитие правового обеспечения отношений государственной и муниципальной собственности середины 1990-х гг. пошло по пути регресса. По

прошествии четверти века всё более очевидно, что акт частного права, коим должен быть Гражданский кодекс РФ, не может, да и не должен, претендовать на комплексное частно-публичное регулирование отношений государственной и муниципальной собственности. Очевидно, что эту роль призван сыграть специальный закон, проект которого и является предметом нашего обсуждения.

Следует отметить, что на необходимость принятия соответствующего законодательного акта неоднократно обращалось внимание в доктрине. К примеру, В. К. Андреев указывал, что «для регулирования государственной собственности ст. 214 ГК РФ явно недостаточно. Необходим федеральный закон о федеральной собственности и управлении ею»¹¹.

Важно, что принятие указанного закона имеет конституционные основания — согласно п. «д» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находятся федеральная государственная собственность и управление ею.

Необходимость законодательного обеспечения правового режима государственной собственности была подтверждена и Правительством РФ. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года¹², разработанные для реализации положений Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», среди мер государственной политики по достижению национальных целей развития предусматривают разработку и принятие федерального закона «О государствен-

⁵ Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 276.

⁶ Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

⁷ Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

⁸ За исключением ст. 34 и 35 Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности».

⁹ См.: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

¹¹ Андреев В. К. Право государственной собственности в России : учеб. пособие. М. : Дело, 2004. С. 98.

¹² Утв. Правительством РФ 29 сентября 2018 г. Документ опубликован не был. См.: URL: <http://static.government.ru/> (по состоянию на 02.10.2018).

ном и муниципальном имуществе». По мнению Правительства РФ, это позволит повысить эффективность управления и распоряжения государственной и муниципальной собственностью.

Таким образом, принятие федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе» имеет субъективные и объективные предпосылки.

Общая характеристика проекта федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе»

Первый вывод, который можно сделать по результатам изучения представленного для обсуждения законопроекта, — перед нами системообразующий законодательный акт. Действительно, основные концептуальные задачи проект решает. Так, им определены основные принципиальные начала управления, учета, хранения и контроля за использованием и распоряжением государственным и муниципальным имуществом и его перераспределения между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями; представлена система органов, осуществляющих управление государственным и муниципальным имуществом, и их компетенция; предложен перечень имущества, которое может находиться соответственно в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований; дана характеристика распределенного и нераспределенного (казенного) имущества, находящегося в публичной собственности, и механизма его перехода путем передачи при перераспределении; определены основы управления государственным и муниципальным имуществом и контроля за его использованием и распоряжением; закреплены правила учета и хранения государственного и муниципального имущества; установлены особенности управления, учета и контроля за использованием и распоряжением государственным и муниципальным иму-

ществом в корпоративных отношениях, а также регламентированы отношения по управлению, учету и контролю за использованием и распоряжением имущественными правами, принадлежащими Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям; закреплены особенности управления, учета, хранения и контроля за использованием и распоряжением государственным и муниципальным имуществом, расположенным за пределами Российской Федерации.

Очевидно, что даже простой и неисчерпывающий перечень отношений, регулируемых анализируемым законопроектом, позволяет квалифицировать его в качестве комплексного акта, призванного, как гласит пояснительная записка, «занять главенствующее место в системе комплексной отрасли законодательства о государственном и муниципальном имуществе».

Вместе с тем ознакомление с текстом законопроекта позволяет поставить перед научной общественностью некоторые вопросы.

Так, разработчики приняли, по всей видимости, осознанное решение не включать в закон статью, раскрывающую понятийный аппарат. В этой связи многие проблемы, давно обсуждаемые в научной литературе, так и остались таковыми. В частности, не даны понятия имущества вообще и государственного имущества в частности. Не проведено разграничение понятий «собственность» и «имущество» (отсюда возникают такие нормы: «перераспределение публичной собственности является безвозмездной передачей имущества»), не определен состав государственного сектора. А ведь, как справедливо отмечает Е. П. Губин, «нам так важно сегодня понять, какая структура госсектора отвечает нашим стратегическим задачам»¹³. Заметим, что отсутствие в российском законодательстве строгой терминологии применительно к понятиям «государственное имущество», «государственная собственность», «государственный сектор» констатировалось нами еще в 2001 г.¹⁴

¹³ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. С. 48.

¹⁴ Ершова И. В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 70—81.

Кроме того, не даны ответы на важнейшие принципиальные вопросы, давно возникающие и в доктрине, и в правовом регулировании. К таковым, как представляется, можно отнести вопрос о видах имущества, которые могут находиться только в государственной (Российской Федерации или субъекта Российской Федерации) или муниципальной собственности: авторы законопроекта констатировали, что это определяется неким федеральным законом. Но каким, если анализируемый законопроект претендует на статус «системообразующего законодательного акта кодификационного типа»? Заметим, что на нереализованность предписания ГК РФ относительно принятия указанного федерального закона обращалось внимание в научной литературе¹⁵.

В этой связи следует прояснить и понятие законодательства о государственном и муниципальном имуществе. Так, одноименная статья 4 гласит: «Федеральное законодательство о государственном и муниципальном имуществе основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего федерального закона, изданных в соответствии с ним иных федеральных законов». Однако статья 3, закрепляющая основные начала управления, учета, хранения и контроля за использованием и распоряжением государственным и муниципальным имуществом, в числе таковых называет строгое и точное исполнение требований настоящего федерального закона и изданных в соответствии с ним иных федеральных законов, а также других актов федерального законодательства Российской Федерации — видимо тех, которые не входят в состав законодательства о государственном и муниципальном имуществе?

Наконец, вызывает сомнение конституционность столь детальной регламентации правового режима муниципального имущества. Напомним, что согласно ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью.

Отдельные замечания по проекту федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе»

Анализируемый законопроект несвободен от ряда спорных либо недостаточно аргументированных положений. Не претендуя на полную инвентаризацию, обратим внимание на некоторые из них.

Глава II законопроекта носит название «Государственное и муниципальное имущество», текст законопроекта — «О государственном и муниципальном имуществе». Насколько соответствует правилам юридической техники совпадение названия акта и его структурного элемента?

Определяя состав нераспределенного (казенного) имущества, принадлежащего Российской Федерации, ч. 5 ст. 8 законопроекта включает в него «изъятые как излишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество, закрепленное за учреждением или казенным предприятием на праве оперативного управления, *на которое приобретено право собственности Российской Федерации*; имущество, на которое прекращено право хозяйственного ведения унитарного предприятия по основаниям и в порядке, предусмотренном федеральным законом, *и приобретено право собственности Российской Федерации*». Очевидно, что положение о «приобретении» на указанное имущество права собственности Российской Федерации не соответствует действующему законодательству: поскольку указанное право было изначально, оно существует одновременно с правом оперативного управления либо хозяйственного ведения¹⁶. Напомним, что согласно ст. 113 ГК РФ, «имущество государственного или муниципального унитарного предприятия *находится в государственной или муниципальной собственности* и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения или оперативного управления».

¹⁵ Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России : научные очерки. М. : Статут, 2008. С. 43—44 ; Ершова И. В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования. М. : Юриспруденция, 2001. С. 54.

¹⁶ Заметим, что такая же досадная ошибка допущена и в ст. 10, 11 законопроекта.

Статьей 17 законопроекта регулируются отношения по управлению государственным имуществом, принадлежащим Российской Федерации на праве собственности *или на ином праве*, распределенным между федеральными государственными унитарными предприятиями и федеральными государственными учреждениями. Возникает закономерный вопрос: на каком, помимо права собственности, праве может принадлежать Российской Федерации имущество, закрепленное за предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления?

Статья 23 законопроекта «Использование государственного и муниципального имущества» начинается следующей нормой: «государственное и муниципальное имущество *может быть использовано путем передачи* его на праве аренды или безвозмездного пользования». Такое положение вызывает недоумение. Как представляется, названные и иные способы вовлечения государственного и муниципального имущества в хозяйственный оборот раскрывают такое правомочие собственника, как распоряжение, а не пользование. Вероятно, авторы хотели урегулировать различные варианты передачи государственного и муниципального имущества в пользование других лиц, но сделали это некорректно.

Согласно ч. 6 ст. 18 проекта анализируемого закона, «в целях закрепления специальных условий использования закрепленного за федеральным государственным унитарным предприятием, федеральным государственным учреждением государственного имущества, уполномоченный орган, осуществляющий права собственника имущества, заключает с федеральным государственным унитарным предприятием, государственным федеральным учреждением *договор* о закреплении государственного имущества на праве хозяйственного ведения, оперативного управления за федеральным государственным унитарным предприятием, федеральным государственным учреждением». Правомерность заключения такого

договора вызывает сомнение, а его наличие не соответствует правовой природе права хозяйственного ведения и права оперативного управления как производных от права собственности ограниченных вещных прав. Тем более что в той же статье содержится положение, согласно которому «приобретение и прекращение права хозяйственного ведения и права оперативного управления осуществляются на условиях и в порядке, которые предусмотрены Гражданским кодексом РФ для приобретения и прекращения права собственности и иных вещных прав, если иное не предусмотрено настоящим федеральным законом *или не противоречит природе данного вещного права*».

Наконец, требует дополнительной аргументации включение в структуру анализируемого законопроекта главы, регулирующей корпоративные отношения. Но здесь мы возвращаемся к основному вопросу, который виртуозно обошли разработчики, — понятию и составу государственного имущества. Остается ли такое имущество государственным после преобразования, например, федерального государственного унитарного предприятия в акционерное общество, хотя и с участием в нем государства в качестве акционера? Безусловно, это самостоятельная большая проблема, требующая отдельного исследования. В рамках же данной статьи лишь позволим себе солидаризоваться с мнением С. А. Сеницына, высказавшего сомнение относительно принципиальной возможности равноценной замены государственных и муниципальных предприятий хозяйственными обществами с преобладающим публично-правовым участием¹⁷.

Высказанными замечаниями, конечно, не исчерпывается круг положений, требующих дополнительного осмысления либо переосмысления. Но завершить краткий анализ проекта федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе» хотелось бы на возвышенной ноте. Тот факт, что решение о его разработке зафиксировано в документе стратегического планирования, внушает оптимизм и надежду на то, что государственное и муници-

¹⁷ Сеницын С. А. Унитарные предприятия в российском гражданском обороте: анахронизм или естественное следствие участия публичного сектора в экономике // Предпринимательское право. 2019. № 1. С. 13.

пальное имущество, а также государственные и муниципальные предприятия в России будут сохранены. Как справедливо отмечает Е. В. Пустовалов, для вовлечения государственного имущества в гражданский оборот российский правопорядок предлагает конструкцию унитарного предприятия. Несмотря на неоднократно декларировавшиеся планы по ее ликвидации с одновременным исключением из системы вещных прав хозяйственного ведения и оперативного управления, эти юридические конструкции продолжают широко использоваться¹⁸. Подтвердим и собственный вывод, уже обнаруженный в литературе¹⁹: использование го-

сударственного имущества является необходимым элементом рыночной экономики. При этом удельный вес государственной собственности в целом и число государственных предприятий в частности следует коррелировать с качественным состоянием и потребностями экономики на данном конкретном этапе развития государства.

Убеждены, что принятие федерального закона «О государственном и муниципальном имуществе» будет способствовать повышению эффективности управления и распоряжения государственной и муниципальной собственностью и упрочению имущественной основы российского государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии : коллективная монография / отв. ред. М. А. Егорова, И. В. Халевинский. — М. : Юстицинформ, 2018. — Т. 1. — 344 с.
2. Андреев В. К. Право государственной собственности в России : учебное пособие. — М. : Дело, 2004. — 240 с.
3. Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России : научные очерки. — М. : Статут, 2008. — 368 с.
4. Ершова И. В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования. — М. : Юриспруденция, 2001. — 304 с.
5. Ершова И. В. Правовой режим использования государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 442 с.
6. Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1953. — 392 с.
7. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. — М. : Госполитиздат, 1956. — Т. 2. — 728 с.
8. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / отв. ред. Е. П. Губин. — М. : Юстицинформ, 2019. — 664 с.
9. Пустовалов Е. В. Ответственность собственника имущества унитарного предприятия в случае неисполнения обязанности по поддержанию положительного размера чистых активов // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1. — С. 69—76.
10. Синицын С. А. Унитарные предприятия в российском гражданском обороте: анахронизм или естественное следствие участия публичного сектора в экономике // Предпринимательское право. — 2019. — № 1. — С. 11—16.
11. Фридман М. И. Доходы и расходы русского государства. — М., 1906 — 48 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2019 г.

¹⁸ Пустовалов Е. В. Ответственность собственника имущества унитарного предприятия в случае неисполнения обязанности по поддержанию положительного размера чистых активов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 69—70.

¹⁹ Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии: коллективная монография / отв. ред. М. А. Егорова, И. В. Халевинский. М. : Юстицинформ, 2018. Т. 1. С. 192.

STATE AND MUNICIPAL PROPERTY: ANALYSIS OF THE DRAFT LAW

Inna V. Ershova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Lawyer of the Russian Federation
inna.ershova@mail.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9, Moscow, Russia, 125993

Juli S. Tsimerman, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Legal Counsel at ZAO Renova Group of Companies, Merited Lawyer of the Russian Federation
J.Tsimerman@renova-group.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. *The paper has analyzed the draft Federal Law “On State and Municipal Property” placed on the federal portal of draft normative legal acts for public hearing. The authors have presented their understanding of the need to develop and adopt the draft law in question, a retrospective into the history of the problem has been undertaken. Attention is drawn to the doctrinal position and constitutional basis of adoption of this act, as well as its inclusion into the number of strategic document, namely, “The main directions of activity of the Government of the Russian Federation for the period until 2024.” The general characteristics of the draft law are given, some comments on its provisions are made. It is concluded that the adoption of the Federal Law “On State and Municipal Property” will contribute to improving the efficiency of management and disposal of state and municipal property and consolidation of the property basis of the Russian State.*

Keywords: *state and municipal property, state and municipal ownership, state and municipal enterprises, state sector, economic management right, right of operational management.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktual'nye problemy sovremennogo prava i ekonomiki Evropy i Azii : kollektivnaya monografiya / otv. red. M. A. Egorova, I. V. Halevinskij. — M. : Yusticinform, 2018. — T. 1. — 344 s.
2. Andreev V. K. Pravo gosudarstvennoj sobstvennosti v Rossii : uchebnoe posobie. — M. : Delo, 2004. — 240 s.
3. Andreev V. K. Predprinimatel'skoe zakonodatel'stvo Rossii : nauchnye ocherki. — M. : Statut, 2008. — 368 s.
4. Ershova I. V. Pravovoj rezhim gosudarstvennogo imushchestva v hozyajstvennom oborote: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniya. — M. : Yurisprudenciya, 2001. — 304 s.
5. Ershova I. V. Pravovoj rezhim ispol'zovaniya gosudarstvennogo imushchestva v hozyajstvennom oborote: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2001. — 442 s.
6. Kolganov M. V. Sobstvennost' v socialisticheskom obshchestve. — M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. — 392 s.
7. Lyashchenko P. I. Istoriya narodnogo hozyajstva SSSR. — M. : Gospolitizdat, 1956. — T. 2. — 728 s.
8. Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendencii i puti razvitiya : monografiya / otv. red. E. P. Gubin. — M. : Yusticinform, 2019. — 664 s.
9. Pustovalov E. V. Otvetstvennost' sobstvennika imushchestva unitarnogo predpriyatiya v sluchae neispolneniya obyazannosti po podderzhaniyu polozhitel'nogo razmera chistykh aktivov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 1. — S. 69—76.
10. Sinicyn S. A. Unitarnye predpriyatiya v rossijskom grazhdanskom oborote: anahronizm ili estestvennoe sledstvie uchastiya publicnogo sektora v ekonomike // Predprinimatel'skoe pravo. — 2019. — № 1. — S. 11—16.
11. Fridman M. I. Dohody i raskhody russkogo gosudarstva. — M., 1906. — 48 s.

Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях

Аннотация. Добросовестность (*bona fides*) представлена в Гражданском кодексе Российской Федерации в качестве общего принципа и презумпции. Разрешая корпоративные споры, суды руководствуются общими положениями о добросовестности. Однако корпоративные отношения обладают спецификой, обусловленной в том числе и разнообразием корпоративных форм. Можно предположить, что применение положений о добросовестности должно также различаться с учетом особенностей моделей корпоративного устройства, видов и форм корпоративных отношений, субъективных обстоятельств внутрикорпоративного уровня.

Страны общего права разработали систему элементов добросовестности и специальных тестов, позволяющих применить нужное требование добросовестности исходя из контекста. Особое место уделяется фидуциарным отношениям как порождению *fides*. Автор проводит сравнительный анализ положений пленумов ВАС РФ и ВС РФ и правоприменительной практики Германии, США, Великобритании и Канады по вопросам добросовестности при рассмотрении корпоративных споров. Отдельное внимание уделяется соотношению корпоративной этики и права.

На примере рассмотрения ряда ключевых дел из правоприменительной практики судов англо-американской системы права автор обосновывает возможность применения специальных тестов — объективного и субъективного тестов добросовестности для регулирования вопросов, связанных с применением судами норм о добросовестности из Гражданского кодекса и специальных законов при рассмотрении корпоративных споров. Отдельное внимание уделяется роли судов и допустимой дискреции в формировании стандартов правоприменения бланкетных норм и общих принципов права в корпоративных отношениях.

Ключевые слова: добросовестность, фидуциарность, корпорация, корпоративная этика, ответственность, объективный тест, субъективный тест, митигация, недобросовестность, шикана.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.070-080

Введение

Корпоративные отношения — это новая сфера для российской правовой системы, закреплен-

ная законодательно путем официального дополнения содержания четвертой главы Гражданского кодекса РФ статьями 65.1, 65.2, 65.3¹. В то время как действующее общее право Велико-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

© Брисов Ю. В., 2019

* Брисов Юрий Владимирович, LL.M., магистр гражданского права, аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
seo@lfcs.pro
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

британии (common law) апеллирует к прецедентам конца XIX в., в которых начали проявляться зачатки раскрытия принципа добросовестности, хотя и не получившие легального определения, но сформировавшие позитивную тенденцию по его широкому применению в судебной практике. Позже добросовестность найдет свое отражение в законодательных актах Великобритании, Евросоюза, а далее в нормах Гражданского кодекса и специальных законах Российской Федерации². К первым делам, рассмотренным в интересующем нас контексте, обычно относят *Salomon v Salomon & Co Ltd* [1897] AC 33³.

Следует обратить внимание, что большинство правовых положений, сформулированных в вышеприведенном деле и отраженных в объективном тесте (objective test), до сих пор не являются столь очевидными для российской правоприменительной практики. Так, в деле № А43-5622/2016, переданном на основании определения № 301-ЭС18-9388 от 08.11.2018⁴ для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, фактические обстоятельства практически полностью повторяют ситуацию, с которой английское право столкнулось более 100 лет назад.

Безотносительно сути выводов, к которым пришла Судебная коллегия, сам факт рассмотрения подобных вопросов на «высшем уровне» свидетельствует о молодости и неокончателюности сформированности корпоративных отношений, регулирующих их законов и правовых принципов, как и об отсутствии выработанных правоприменительных подходов.

Модели корпораций: их становление, управление и развитие

Для корпоративных компаний (корпораций) российское законодательство предусматривает многообразие организационно-правовых форм, преследующих различные комбинации социальных, деловых, профессиональных, потребительских и предпринимательских целей. Список, представленный частью первой ст. 65.1 ГК РФ, является полным и произвольному расширению не подлежит (numerus clausus).

Абзац второй части первой ст. 65.1 ГК РФ конкретизирует, в виде каких организационно-правовых форм могут создаваться компании, где лица, их формирующие и составляющие костяк управления, в то же время не являются их членами и не принимают в повседневной деятельности организации непосредственного участия (унитарные юридические лица).

Теоретические модели корпораций и корпоративного управления рассматриваются исследователями с учетом национальной специфики. Модель общего права (англо-американская) предполагает «распыление» акций между неопределенным кругом инвесторов (они могут и не являться большими игроками на инвестиционном поле), которые и образуют «костяк» корпорации в лице его выгодополучателей. Текущее управление компанией целиком отдано классу менеджеров, которые являются «проводниками» воли держателей акций. Поскольку круг потенциальных инвесторов абсолютно не ограничен, такую модель корпоративного построения еще называют аутсайдерской⁵, направленной «вовне».

Континентальное корпоративное право (романо-германское) вовлекает в построение корпораций все слои общества и экономики, ко-

² Kelly D. Business Law. 3rd Edition. Routledge, 2017. P. 356.

It merely permitted its application to one-man and private companies. Following the European Community's 12th Directive on Company Law (89/667), which was enacted in the UK in the form of the Companies (Single Member Private Limited Companies) Regulations 1992 (SI 1992/1699), provision was made for the establishment of true one-person companies.

³ Kelly D. Op. cit. P. 325, 355—356.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 15.11.2018 № 301-ЭС18-9388(2) по делу № А43-5622/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Долинская В. В. Общее собрание акционеров : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2016. 160 с.

торые имеют прямую заинтересованность в результатах их деятельности. Это и сами держатели акций, и управляющее звено, и трудовой коллектив. Корпорации преследуют прежде всего созидательные цели, поэтому такая модель получила название инсайдерской или интроспективной⁶.

Японский способ управления корпорацией (восточная модель)⁷ основан на созидательном эффекте: деятельность корпорации должна служить цели процветания общества. В этом данная модель имеет определенное сходство с немецкой, но, в отличие от последней, здесь теснейшая связь с обществом достигается через создание целых конгломератов, «кейрецу» — компаний, чьи действия вплотную сопряжены друг с другом.

Российская модель исторически складывалась по типу инсайдерской модели управления, но в то же время имеет признаки и восточной модели.

По мнению экспертов, до своей полной идентификации система корпоративного управления еще не дошла⁸, поскольку имеет ряд существенных несовершенств и дестабилизирующих систему факторов (например, недостаточное и непостоянное финансовое участие в деятельности корпораций заинтересованных кредитных организаций)⁹.

Ответственность управляющих лиц.

Фидуциарные отношения и добросовестность

Специфика российского корпоративного права заключается в ограниченности развития его

нормативной системы определенным кругом юридических лиц: так, под объектами регулирования корпоративной отрасли понимаются прежде всего (и чаще всего исключительно) хозяйственные товарищества и хозяйственные общества. Лица, ответственные за управление, должны не только добиваться процветания корпорации, но и одобрения их способа действий всеми сосособственниками юридического лица. В хозяйственных обществах наиболее ярко проявляется разделение капитала и управления¹⁰. Именно на примере хозяйственных обществ в исследовании будет рассмотрена проблематика добросовестного несения обязанностей лицами, отвечающими за управление в корпорациях в форме обществ¹¹.

В английском корпоративном праве такие обязанности традиционно называют фидуциарными (fiduciary duties), для которых свойственны две составляющие — обязанность проявлять должную заботу (duty of care) и обязанность преданного отношения к корпорации и ее участникам (duty of loyalty)¹². Однако степень проявления этих составляющих — вопрос, на который англо-американское право до настоящего времени не нашло однозначного ответа. Более того, за последнее десятилетие наметилась тенденция на расщепление фидуциарной обязанности в корпоративных отношениях в США.

Так, в деле *Stone v. Ritter*, которое рассматривалось Верховным судом штата Делавэр, суд указал на то, что лояльность директора по отношению к обществу (duty of loyalty) является независимой обязанностью директора по отно-

⁶ Швец Д., Рожнова А. Производственная диета // Вестник McKinsey. 2003. № 3 (5).

⁷ Корпоративное управление : учебное пособие / под ред. В. Г. Антонова. М. : Норма, Инфра-М, 2006. С. 47, 120.

⁸ Кодекс корпоративного управления Банка России // URL: https://www.cbr.ru/statichitml/File/11991/INf_apr_1014.pdf (дата обращения: 09.11.2018).

⁹ Цепов Г. В. Акционерные общества: теория и практика. М. : Норма, 2006. С. 41—42.

¹⁰ Курбатов А. Я. Доля в уставном капитале как объект доверительного управления: от правовой сущности к решению конкретных вопросов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 42—48.

¹¹ Шиткина И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2. С. 2—26.

¹² Шикин С. А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44—46.

шению к обществу, основанной на объективном требовании добросовестности, а не на фидуциарной обязанности¹³.

В Корпоративном законе штата Делавэр (DGCL) встречается несколько отсылок именно к добросовестности директора как обязанности не совершать действий во вред юридического лица¹⁴. Исследователи права также склоняются к позиции, что фидуциарные обязанности возлагают непомерное бремя ответственности на директора, призывая ограничить эти обязанности требованием не совершать грубых нарушений (*gross negligence*) и умышленных действий, призванных причинить вред юридическому лицу (*acting in bad faith*)¹⁵. Данное определение близко по смыслу континентальной доктрине *шиканы*¹⁶ или принципу объективной добросовестности, выведенному И. Б. Новицким¹⁷.

Корпоративное право Англии также существенно отступило от начал фидуциарности (*fiduciary*) в пользу добросовестности как ограничительного критерия против существенного пренебрежения обязанностями директоров или желания обогатиться в ущерб акционерам¹⁸.

Добросовестность выступает на передний план, отодвигая коммерческий интерес. Действия должностных лиц, которые не ведут к прямой прибыли корпорации, не могут быть сразу оценены как недобросовестные: возможны ситуации, когда именно совокупность предпринимаемых инициатив должностного лица так

или иначе оказывается успешной с коммерческой точки зрения, хотя первоначально общая картина преследуемой стратегии не была очевидной для акционеров¹⁹. Тем более фидуциарные обязанности, которые применимы к отношениям врачей с пациентами²⁰ или адвокатов (юристов)²¹ с доверителями, не должны распространяться на членов совета директоров или менеджмент компании.

Следует заметить, что в Великобритании на основании внутренних корпоративных документов степень ответственности может быть формализована и регламентирована строжайшим образом²². Речь идет лишь о том минимальном стандарте, который требуется по умолчанию на основании прецедентов²³.

Соотношение предпринимательского риска и добросовестности

Согласно российской арбитражной практике одним из существеннейших моментов оценки является соотношение предпринятых действий с границами, устанавливаемыми стандартом разумного предпринимательского риска.

В ряде случаев суды, ссылаясь на недобросовестность участников корпоративных отношений, используют общие понятия и отсылки к законодательству²⁴, которое, в свою очередь, не позволяет с достаточной степенью ограничить

¹³ Stone v. Ritter, 911 A.2d 362, 2006 Del. Lexis 597 (Del. Nov. 6, 2006).

¹⁴ Del. Code Ann. Tit. 8, § 102(b) (7) (2005).

¹⁵ Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory. 89 Cornell L. Rev. 1420, 1426-32 (2004).

¹⁶ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 67.

¹⁷ «Признание принципа доброй совести в качестве руководящего мерила при решении спорных вопросов само по себе не исключает возможности эгоистического отстаивания каждым своих интересов» (Новицкий И. Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124—181).

¹⁸ Stolzenberg & Ors v CIBC Mellon Trust Co Ltd & Ors [2004] EWCA Civ 827 (2004).

¹⁹ Re City Equitable Fire Insurance Co [1925] Ch 407.

²⁰ Sidaway v Board of Governors of the Bethlem Royal Hospital [1985] UKHL 1 (21 February 1985).

²¹ Solicitor Regulation Authority. England and Wales. Version 19 of the Handbook 1 October 2017 Principles. IB. 4.2.

²² Company Directors Disqualification Act 1986, s3, s6, s9.

²³ Companies Act 1989 ; Companies Act 2006, Pt 11 — Pt 25, s21—27.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского

применение норм о добросовестности, допускающая высокую степень судебного усмотрения²⁵.

Непредсказуемость экономических последствий не может остановить деловой оборот и инициативность лиц, ведущих предпринимательскую деятельность. Разумный экономический риск в этом смысле — понятие чрезвычайно размытое, основанное на обычаях делового оборота и индивидуальном судебном анализе деятельности и прибыльности компании в целом. Риск вбирает в себя: 1) неоднозначность обстоятельств, которые сопутствовали ответчику при принятии им анализируемого решения; 2) возможность проявления как благоприятных для организации, так и негативных последствий предпринятых шагов; 3) необходимость выбора стратегии как одного из выражений самого процесса управления компанией. При этом лицо вполне понимает, что объективность не зависит от него и любые его усилия могут привести к совершенно незапланированному результату²⁶. Лицо, осуществляющее управленческие функции в организации, по определению не может продолжительное время выдерживать пассивную позицию: принятие им решений, сопряженных с риском, является канвой его функциональности²⁷.

Разумно предположить, что если законодатель оставил достаточно существенный пробел

в системе корпоративного права, не раскрыв категорию разумного предпринимательского риска в содержании правовых норм, то восполнить данный пробел правового регулирования призваны высшие судебные инстанции страны. Однако следует отметить, что обозначенный процесс не спешит разворачиваться полномасштабно²⁸.

Как итог, в большинстве имеющихся судебных решений можно встретить стандартную ссылку судей на недоказанность истцами: 1) недобросовестности действий ответчика²⁹; 2) их противоречии при сопоставлении с разумным предпринимательским риском³⁰. Поскольку риск по своему смыслу всегда сопряжен с вероятностью, судьи должны быть предельно аккуратными в своих суждениях о вине ответчика в причинении убытков корпорации, помня, что не всегда к убыткам приводят сами действия/бездействие лица. Причины могут носить объективный характер, и ухудшающееся экономическое положение корпорации могло быть создано и усугублено в силу иных причин, не связанных с действиями директора (управляющего, коллегиального исполнительного органа)³¹.

Поэтому чрезвычайно важно исследование в судебном процессе абсолютно всех сопутствующих делу обстоятельств, создающих полную картину происходящих в корпорации процессов.

Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу “ОАО ‘Нефтяная компания «ЮКОС»’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

²⁵ Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 60—113 ; № 10. С. 62—115.

²⁶ Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 327.

²⁷ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 220.

²⁸ Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154—202.

²⁹ Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2018 № 301-ЭС17-19678 по делу № А11-7472/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2018 № 301-ЭС18-15623 по делу № А28-7947/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Кроме того, исходя из правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 30 июля 2013 г. № 62³² (п. 1, абз. 2), в область вопросов, подлежащих разрешению судом, не включается проверка экономической целесообразности действий, предпринимаемых ответчиком, если они вписывались в принятую в бизнес-сообществе степень предпринимательского риска.

Causation. Duty to mitigate, duty of care and duty of loyalty³³

Суду надлежит установить форму вины ответчика: были ли действия/бездействие допущены лицом умышленно либо по неосмотрительности (неосторожности). Это также влияет на вынесение окончательного судебного решения, определяющего размер и порядок компенсации ответчиком убытков обществу.

Следует также отметить, что если корпорация в лице иных уполномоченных лиц сама способствовала увеличению тяжести своих убытков³⁴ путем проведения неблагоприятных для ее финансового положения мероприятий либо не предприняла своевременно активных действий по стабилизации ухудшающейся ситуации, то суд признает, что в наступивших последствиях виноват не только ответчик, но и сама компания, следовательно, тяжесть последствий распределяется между лицами сообразно степени их вовлеченности в причинение реального ущерба. Для ответчика такое суждение суда является в большинстве случаев благоприятным,

поскольку уменьшает размер убытков, подлежащих компенсации за его счет. Представляется очевидным, что, когда потерпевшее лицо, вместо того чтобы приложить все возможные силы для смягчения причиненных ему негативных последствий, сознательно отягощает их, то здесь имеет место смешанная вина как злонамеренного лица, так и лица, от него пострадавшего.

Данная обязанность митигировать убытки (*duty to mitigate*) хорошо знакома английскому праву и часто используется в делах об установлении ответственности директора³⁵. Это отличает институт смешанной вины от категории совместного причинения, при которой вред наносится двумя или более лицами³⁶.

По общему правилу российского корпоративного законодательства доказать вину ответчика должны инициаторы судебного спора³⁷ (абз. 3, 4 п. 1 постановления ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62, п. 5 ст. 10 ГК РФ). Опыт же иностранных моделей корпоративных отношений подходит к интерпретации этого вопроса с разных сторон. Например, правоприменительная практика немецкого государства формируется таким образом, что именно лицо, исполняющее управленческие полномочия, обязано предоставить суду все возможные материалы и убедительные аргументы о своих благонадежных действиях в рамках добросовестности, проводимых в защиту интересов компании³⁸. Слово за управляющим и за ним соответственно закрепляется обязанность доказывания своей непричастности к убыточному состоянию представляемой им компании (например, п. 2 § 93, п. 2 § 117 Акционерного закона ФРГ от 6 сентября 1965 г.)³⁹.

³² Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // *Солидарность*. 2013. 28 авг. № 31.

³³ Причинная связь. Обязанность по смягчению негативных последствий. Должные заботливость и преданность.

³⁴ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 128.

³⁵ *Parabola Investments Ltd v Browallia Cal Ltd (2010)* (sensible limits are imposed by the principles of causation, remoteness and the duty to mitigate loss).

³⁶ Шиткина И. С. Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Кнорус, 2015. С. 424.

³⁷ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2016. Т. 1. С. 323.

³⁸ Коновалов Н. Необычные сделки в зарубежном законодательстве // *ЭЖ-Юрист*. 2012. № 45. С. 8.

³⁹ Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран // Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции : сб. нормативных актов / ред.: М. И. Кулагин, В. К. Пучинский. М. : Изд-во УДН, 1987. С. 63—98.

Американское корпоративное право возлагает обязанность доказывания рассматриваемых фактов на инициаторов процесса. В частности, большинство кейсов имеют в своем основании обвинение лица, которому делегирована исполнительная власть в корпорации, в допущенном им бездействии, которое повлекло за собой тяжелые для корпорации последствия. Истцы должны обосновать прямую связь (causation) между допущенной пассивностью и неблагоприятными последствиями, проявившимися в компании после нее⁴⁰. Так, в деле *Francis v. United Jersey Bank* член совета директоров была обвинена в том, что, хотя и не способствовала, но не приняла действий для предотвращения хищения корпоративного имущества другими членами совета директоров⁴¹.

В представленном деле пассивность, выраженная в бездействии в отношении предотвращения или уменьшения вреда (duty to mitigate), обладающего властными полномочиями в корпорации, стала одним из основных факторов, повлекших нанесение корпорации серьезного финансового урона.

Возвращаясь к российской правовой действительности, будет разумно отметить, что, поскольку корпоративное право является отраслью, отмежевавшейся от гражданского права, на нее распространяются общие нормы последнего.

В вопросах доказывания вины лиц — носителей властных полномочий в корпорации это выражается в распространении на ответчиков п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей требование добросовестности, истинность которой опровергается исключительно в судебном порядке путем доказательных процедур. Данное понимание сформировалось на основе постановления ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62. В нем указывается на обязанность истцов доказывать суду очевидность фактических

обстоятельств, которые неоспоримо свидетельствуют о том, что ответчик прямо нарушал свои обязанности (поступал злонамеренно) либо действовал недобросовестно, что послужило причиной тяжелого урона для акционеров (участников) общества. Здесь следует отметить, что законодатель в свое время предпринял попытку ограничить широту применения ст. 10 ГК РФ. В частности, формулировка ч. 1 ст. 10 ГК РФ была дополнена словом «заведомо» применительно к термину добросовестности, однако на практике это дало скорее обратный эффект. Категория «заведомость» подразумевает умысел, а понятие недобросовестности включает в себя умысел, как представляется, невозможно совершить недобросовестное действие по неосторожности. Такая путаница была бы невозможна в правопорядках, в которых добросовестность непосредственно произносится как «нечистая совесть»: bad faith — английский, mauvaise foi — французский, böser Glaube — немецкий и др.

Так, в деле *September Seventh Entertainment Ltd. v. Feldman Agency* Высший суд провинции Онтарио в рассуждениях на тему определения понятия добросовестности характеризует его как само собой разумеющееся, не требующее специальных пояснений, как любовь⁴². Однако в контексте российского правоприменения доктринальные труды, направленные на разъяснение не только правовой, но и корреспондирующей с ней этимологической сути, представляются весьма уместными, так как понятие «добросовестность» в российской семантике оторвано от привычного понимания, что отмечалось правоведами еще в начале XX в.⁴³

Данная неопределенность не является основной причиной, но тоже, в свою очередь, приводит к отсутствию единообразия в разрешении российскими судами однотипных споров.⁴⁴ Также упомянутая неопределенность рас-

⁴⁰ *Hoffmann Lord. Fairchild and after // Judge and Jurist: Essays in Memory of Lord Rodger of Earlsferry / A. Burrows, D. Johnston, and R. Zimmermann (eds). OUP, 2013. P. 63.*

⁴¹ *Francis v. United Jersey Bank. 87 N.J. 15, 432 A.2d 814, 1981 N.J. Lexis 1652 (N.J. July 1, 1981).*

⁴² *September Seventh Entertainment Ltd. V. Feldman Agency, 2017 ONSC 552, 2017 Carswell Ont 825.*

⁴³ *Брисов Ю. В. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. М. : Директ-Медиа, 2017. С. 32.*

⁴⁴ *Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М. : Спарк, 1996. С. 72.*

ходится с общим вменением добросовестности, установленной в Гражданском кодексе⁴⁵.

Выводы

Российское корпоративное право достаточно молодо, в настоящее время оно интенсивно развивается, но процесс приведения в полное соответствие положений Гражданского кодекса РФ и специальных законов не завершен. Поскольку множество вопросов корпоративного права не получило должной законодательной регламентации, сложившаяся ситуация приводит к формированию в правоприменительной практике противоречащих друг другу подходов в разрешении однородных дел.

В этой связи видится целесообразным ограничить понимание добросовестности в корпоративном праве: 1) как требования, запрещающего приносить умышленный вред (с целью получения выгоды), — применение объективного теста (*objective test*); 2) только в случаях, когда нормы действующего законодательства не позволяют применить закон напрямую или

при применении аналогии закона, — внимательно изучать фактические обстоятельства (*subjective test*), формируя показательные решения. Подобный правоприменительный подход способствует развитию корпоративных отношений, основанных на принципе диспозитивности, что в целом более свойственно для развития данных отношений, как показывает современный правоприменительный тренд и доктрина корпоративного права, нежели ригидный подход, основанный на императивных нормах и завышенных требованиях фидуциарности, применяемых к участникам корпораций.

Также следует заметить, что презумпция недобросовестности не предполагалась разработчиками положений российского корпоративного законодательства. Вопрос о том, имела ли место недобросовестность в действиях исполнительного органа, при недостаточности материалов, представленных истцом, не должен возлагаться на ответчика. В делах о взыскании убытков с ответчика причиной финансовых потерь компании не обязательно должна являться недобросовестность исполнительного органа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брисов Ю. В. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. — М. : Директ-Медиа, 2017. — 182 с.
2. Голубев С. А., Гузнов А. Г., Комиссарова М. В. Система страхования вкладов: вопросы взаимоотношения Банка России и Агентства по страхованию вкладов // Банковское право. — 2005. — № 1. — С. 9—14.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2016. — Т. 1. — 511 с.
4. Гражданское право : учебник : в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 560 с.
5. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран // Законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции : сб. нормативных актов / ред.: М. И. Кулагин, В. К. Пучинский. — М. : Изд-во УДН, 1987. — 260 с.
6. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 736 с.
7. Егоров А. В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 4. — С. 23—27.
8. Коновалов Н. Необычные сделки в зарубежном законодательстве // ЭЖ-Юрист. — 2012. — № 45. — С. 10—13.

⁴⁵ Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. 2013. № 4.

9. Корпоративное право : учебный курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 990 с.
10. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. — 2013. — № 4. — С. 185—192.
11. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — М. : Статут, 2010. — 423 с.
12. Новицкий И. Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124—181.
13. Опыты цивилистического исследования : сборник статей / А. Е. Агеенко, И. И. Акимова, В. А. Волгина [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2018. — Вып. 2. — 368 с.
14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 2001. — 353 с.
15. Российское гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Бек, 2010. — Т. 1. — 704 с.
16. Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 9. — С. 60—113 ; № 10. — С. 62—115.
17. Суханов Е. А. Корпоративное соглашение — это бомба под весь наш оборот / Интервьюер Я. Пискунов // Закон. — 2014. — № 7. — С. 8—13.
18. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М. : Статут, 2014. — 456 с.
19. Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). — М. : Спарк, 1996. — 112 с.
20. Цепов Г. В. Акционерные общества: теория и практика. — М. : Норма, 2006.
21. Швец Д., Рожнова А. Производственная диета // Вестник McKinsey. — 2003. — № 3 (5). — С. 65—89.
22. Шикин С. А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. — 2018. — № 4. — С. 44—46.
23. Шиткина И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». — 2015. — № 2. — С. 2—26.
24. Шиткина И. С. Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Кнорус, 2015. — 500 с.
25. Kelly D. Business Law. — 3rd Edition. — Routledge, 2017.
26. Hoffmann Lord. Fairchild and after // Judge and Jurist: Essays in Memory of Lord Rodger of Earlsferry / A. Burrows, D. Johnston, and R. Zimmermann (eds). — OUP, 2013. — P. 63.
27. Solicitor Regulation Authority. England and Wales. — Version 19 of the Handbook 1. — October 2017. — Principles. IB. 4.2.
28. Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory // Cornell L. Rev. — 2004. — № 89.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2019 г.

IMPLEMENTATION OF THE DOCTRINE OF GOOD FAITH IN CORPORATE LEGAL RELATIONS

Yuriy V. Brisov, LL.M., Master of Civil Law, Postgraduate Student of the Department of Civil Law,
 Russian State University of Justice
 ceo@lfcs.pro
 ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418

Abstract. *Good faith (bona fides) is presented in the Civil Code of the Russian Federation as a general principle and presumption. In resolving corporate disputes, the courts are governed by general principles of good faith. However, corporate relations have a specificity due to, inter alia, the variety of corporate forms. It can be assumed that the*

application of good faith provisions should also vary taking into account the characteristics of corporate patterns, the types and forms of corporate relations, subjective internal corporate circumstances.

Common law countries have developed a system of good faith elements and special tests to apply the required requirement of good faith according to the context. A special place is given to fiduciary relations as a product of bona fides. The author has carried out a comparative analysis of the provisions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the law enforcement practice of Germany, the USA, Great Britain and Canada on the issues of good faith in the consideration of corporate disputes. Special attention is paid to the interrelation between corporate ethics and law.

Examining a number of key cases from the law-enforcement practice of the courts of the Anglo-American system of law, the author substantiates the possibility of applying special tests, namely, objective and subjective good faith tests, to regulate matters related to the application of the rules of good faith from the Civil Code and special laws in dealing with corporate disputes. Special attention is paid to the role of courts and permissible discretion in the formation of standards of enforcement of blanket norms and general principles of law in corporate relations.

Keywords: *good faith, fiduciary, corporation, corporate ethics, responsibility, objective test, subjective test, mitigation, bad faith, chicanery.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Brisov Yu. V. Realizaciya principa dobrosovestnosti v grazhdanskom prave. — M. : Direkt-Media, 2017. — 182 s.
2. Golubev S. A., Guznov A. G., Komissarova M. V. Sistema strahovaniya vkladov: voprosy vzaimootnosheniya Banka Rossii i Agentstva po strahovaniyu vkladov // Bankovskoe pravo. — 2005. — № 1. — S. 9—14.
3. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. — M. : Statut, 2016. — T. 1. — 511 s.
4. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / O. G. Alekseeva, E. R. Aminov, M. V. Bando [i dr.] ; pod red. B. M. Gongalo. 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2018. — T. 2. — 560 s.
5. Grazhdanskoe, torgovoe i semejnoe pravo kapitalisticheskikh stran // Zakonodatel'stvo o kompaniyah, monopoliyah i konkurencii : sb. normativnykh aktov / red.: M. I. Kulagin, V. K. Puchinskij. — M. : Izd-vo UDN, 1987. — 260 s.
6. Dolinskaya V. V. Akcionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendencii. — M. : Volters Kluver, 2006. — 736 s.
7. Egorov A. V. Mnogoznachnost' ponyatiya obyazatel'stva: prakticheskij aspekt // Vestnik VAS RF. — 2011. — № 4. — S. 23—27.
8. Konovalov N. Neobychnye sdelki v zarubezhnom zakonodatel'stve // EZh-Yurist. — 2012. — № 45. — S. 10—13.
9. Korporativnoe pravo : uchebnyj kurs: v 2 t. / E. G. Afanas'eva, V. A. Vajpan, A. V. Gabov [i dr.] ; otv. red. I. S. Shitkina. — M. : Statut, 2018. — T. 2. — 990 s.
10. Kulakov V. V. Osnovnye principy grazhdanskogo prava kak osobaya forma prava // Vestnik Permskogo universiteta. — 2013. — № 4. — S. 185—192.
11. Luk'yanenko M. F. Ochnochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushchestvennost'. — M. : Statut, 2010. — 423 s.
12. Novickij I. B. Princip dobrosovestnosti v proekte obyazatel'stvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — № 1. — S. 124—181.
13. Opyty civilisticheskogo issledovaniya : sbornik statej / A. E. Ageenko, I. I. Akimova, V. A. Volgina [i dr.] ; ruk. avt. kol. i otv. red. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. — M. : Statut, 2018. — Vyp. 2. — 368 s.
14. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — M. : Statut, 2001. — 353 s.
15. Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik / otv. red. E. A. Suhanov. — M. : Bek, 2010. — T. 1. — 704 s.
16. Stepanov D. I. Dedloki v nepublichnykh korporacijah: vozmozhnye varianty razvitiya zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2015. — № 9. — S. 60—113 ; № 10. — S. 62—115.

17. Suhanov E. A. Korporativnoe soglasenie — eto bomba pod ves' nash oborot / Interv'yuer Ya. Piskunov // *Zakon*. — 2014. — № 7. — S. 8—13.
18. Suhanov E. A. *Sravnitel'noe korporativnoe pravo*. — M. : Statut, 2014. — 456 s.
19. Syrodоеva O. N. *Akcionerное pravo SShA i Rossii (sravnitel'nyj analiz)*. — M. : Spark, 1996. — 112 s.
20. Cepov G. V. *Akcionerные obshchestva: teoriya i praktika*. — M. : Norma, 2006.
21. Shvec D., Rozhnova A. *Proizvodstvennaya dieta* // *Vestnik McKinsey*. — 2003. — № 3 (5). — S. 65—89.
22. Shikin S. A. *Fiduciarnye obyazannosti direktorov korporacij v rossijskom i anglo-amerikanskom prave* // *Grazhdanskoe pravo*. — 2018. — № 4. — S. 44—46.
23. Shitkina I. S. *Imushchestvennaya otvetstvennost' v korporativnyh pravootnosheniyah (na primere hozyajstvennyh obshchestv) (lekciya v ramkah uchebnogo kursa «Predprinimatel'skoe pravo»)* // *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes»*. — 2015. — № 2. — S. 2—26.
24. Shitkina I. S. *Korporativnoe pravo : uchebnik / otv. red. I. S. Shitkina*. — M. : Knorus, 2015. — 500 s.
25. Kelly D. *Business Law*. — 3rd Edition. — Routledge, 2017.
26. Hoffmann Lord. *Fairchild and after* // *Judge and Jurist: Essays in Memory of Lord Rodger of Earlsferry* / A. Burrows, D. Johnston, and R. Zimmermann (eds). — OUP, 2013. — P. 63.
27. Solicitor Regulation Authority. *England and Wales*. — Version 19 of the Handbook 1. — October 2017. — Principles. IB. 4.2.
28. Lubben S. J. *Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory* // *Cornell L. Rev*. — 2004. — № 89.

Источники формирования имущества публично-правовой компании

Аннотация. В рамках реформирования гражданского законодательства самостоятельной формой некоммерческих организаций признана публично-правовая компания. Занимаемое ею промежуточное положение между юридическим лицом как субъектом частного права и органом государственной власти свидетельствует о наличии особенностей в способах формирования ее имущества. В статье автор анализирует источники формирования имущества публично-правовой компании, исследует доктринальные подходы к пониманию сущности источников формирования имущества организации. Выявляются также особенности формирования имущественной основы действующих в России публично-правовых компаний. По результатам анализа автором сделан вывод о преимущественно публичном характере имущественной составляющей публично-правовых компаний, основным источником формирования которых является государственное имущество либо средства, поступающие в силу предписаний закона. Заинтересованность учредителя в имущественной составляющей публично-правовой компании поставлена автором в зависимость от реализации ею государственных и общественных интересов, возложенных на нее публично-правовых функций. На основе исследования выявлена коллизия в законодательстве, регулирующем инвестирование временно свободных средств публично-правовой компании как приносящую доход деятельность, внесены предложения по ее разрешению.

Ключевые слова: публично-правовая компания, организационно-правовая форма, некоммерческая организация, источники, имущество, приносящая доход деятельность, имущественный взнос, основание приобретения, право собственности.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.081-091

В связи с реформированием российского гражданского законодательства о юридических лицах круг возможных организационно-правовых форм юридических лиц был расширен, в качестве одной из самостоятельных форм выделена публично-правовая компания (далее также — компания), правовой статус которой урегулирован Федеральным законом от

03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон о ППК). Общие нормы Закона о ППК конкретизируются специальными нормативными правовыми актами о создании публично-правовых компаний, предусматривающих определенные особенности

¹ СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4169.

© Зайцева Ю. А., 2019

* Зайцева Юлия Анатольевна, аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
julia_82x@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

правового статуса отдельных компаний, исходя из их конкретных целей деятельности.

В настоящее время в России действуют два юридических лица в организационно-правовой форме публично-правовой компании:

- 1) публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» (далее — Фонд), особенности правового статуса которого установлены Федеральным законом от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее — Закон о Фонде);
- 2) публично-правовая компания по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор» (далее — экологический оператор), созданная на основании Указа Президента РФ от 14.01.2019 № 8 «О создании публично-правовой компании по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами “Российский экологический оператор”»³ (далее — Указ об экологическом операторе).

Порядок формирования имущества публично-правовых компаний имеет определенные особенности, обусловленные наличием у них признаков юридического лица публичного права, а также целями создания этих юридических лиц, которые преследуют государственные и общественные интересы, но в отличие от целей государственных корпораций и государственных компаний не носят стратегического характера. В этой связи представляется интересным рассмотреть вопрос об источниках формирования имущества публично-правовых компаний.

Имущественная обособленность является одним из основополагающих признаков юридического лица, дающим ему возможность участвовать в гражданском обороте от своего имени. Сама конструкция юридического лица, закрепленная в гражданском законодательстве, предполагает наличие у него обособленного имущества. Нельзя не согласиться с мнением некоторых авторов о том, что юридическое лицо без имущества, закрепленного на любом вещном праве, создает угрозу для гражданского оборота и поэтому не имеет права на существование⁴, поскольку обособленным имуществом юридическое лицо должно в том числе отвечать по своим обязательствам перед кредиторами.

Порядок формирования имущества юридического лица является одной из составляющих правового режима имущества, согласно его традиционному пониманию⁵. Вопросы приобретения права собственности публично-правовой компании вызывают как теоретический, так и практический интерес, поскольку с ними непосредственным образом связана стабильность участия данной организации в гражданском обороте и, как следствие, — выполнение поставленных перед ней государством целей и задач.

В нормативных правовых актах, регулирующих деятельность и правовой статус публично-правовых компаний, равно как и в нормативных правовых актах применительно к некоммерческим организациям, отсутствуют нормы, определяющие основания приобретения права собственности у таких организаций. Вместо данного термина используется формулировка «источники формирования имущества», применяемая в специальной литературе при описании института права собственности некоммерческих организаций⁶.

² СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.

³ СЗ РФ. 2019. № 3. Ст. 234.

⁴ *Авилов Г. Е., Суханов Е. А.* Юридические лица в современном российском гражданском праве // *Вестник гражданского права.* 2006. № 1. С. 18.

⁵ См., например: *Качанова В. В., Коняев Н. И., Рузанова В. Д.* Субъекты хозяйственного права и правовой режим их имущества. Куйбышев, 1982. С. 60.

⁶ См.: *Барков А. В.* Гражданская правосубъектность общественного объединения инвалидов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Впервые данный термин был упомянут в советской цивилистической науке применительно к праву собственности общественных организаций. Так, под источниками формирования собственности понималось формирование находящегося в собственности организации имущества⁷, вступительные и членские взносы и доходы от приносящей доход деятельности⁸. Некоторые ученые к основаниям возникновения права собственности некоммерческих организаций относили перечень поступлений средств⁹. В современной юридической литературе предпринимаются попытки разграничить термины «источники формирования имущества» и «основания возникновения права собственности». Например, Д. Ю. Лялин под первыми предлагал понимать имущество лиц, за счет которых может происходить присвоение имущества некоммерческими организациями, а под основаниями возникновения права собственности — юридические факты, влекущие возникновение субъективного права собственности¹⁰. Однако очевидно, что одного только имущества лиц, за счет которых может формироваться имущество организации, недостаточно, поскольку для возникновения права собственности, помимо имущества, необходимы также и волевые действия субъектов гражданского права как специально направленные на определенные правовые последствия. При этом важны не только действия лица, право собственности которого прекращается, но и согласованные действия прежнего собственника и приобретателя (например, передача имущества). В этой связи следует признать, что понятия «источники формирования

имущества» и «основания приобретения права собственности» не тождественны: если в первом случае речь идет о перечислении способов поступления средств в имущество организации, то во втором — о юридических фактах, с которыми закон связывает возникновение этого права.

Имущество публично-правовой компании формируется различными способами, обусловленными прежде всего характером ее целей. В общем виде перечень источников формирования имущества публично-правовой компании приведен в ст. 6 Закона о ППК и включает в себя:

- 1) имущественный взнос Российской Федерации;
- 2) имущество, полученное в порядке правопреемства в результате преобразования юридических лиц в публично-правовую компанию;
- 3) добровольные имущественные взносы;
- 4) доходы, полученные публично-правовой компанией от осуществления своей деятельности;
- 5) иные не запрещенные законодательством РФ поступления.

Поскольку цели создания государством публично-правовых компаний отражают публичные интересы, а сами компании способны обеспечить реализацию этих интересов, очевидно, что заинтересованность государства в формировании имущественной основы публично-правовой компании высока. В связи с чем наиболее значимым из источников имущества публично-правовой компании является имущественный взнос Российской Федерации.

Состав имущественного взноса Российской Федерации определяется Правительством РФ исходя из целей, функций и задач, которые стоят

⁷ См.: Кудрявцева Г. А. Материальная основа деятельности общественных организаций на современном этапе (правовой аспект). М., 1988. С. 62.

⁸ См.: Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений : учеб. пособие. Л., 1986. С. 97.

⁹ См.: Качанова В. В. Право собственности добровольных обществ в СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 59 ; Мищенко Г. В. Право собственности общественных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 123.

¹⁰ См.: Гражданское право : учебник в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 625 (автор — Н. Н. Аверченко) ; Лялин Д. Ю. Право собственности государственных корпораций : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 114 ; Хаскельберг Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности (общие вопросы) // Цивилистические исследования: ежегодник гражданского права / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. М., 2006. Вып. 2. С. 342.

перед публично-правовыми компаниями. Внешение имущественного взноса Российской Федерацией не связано с фактом создания компании и может быть осуществлено как при создании компании, так и в процессе ее последующей деятельности. Так, при создании Фонда в 2017 г.¹¹ его имущество было сформировано в основном за счет имущества преобразуемой некоммерческой организации «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства», а в последующем — за счет обязательных отчислений (взносов) застройщиков. Решение об имущественном взносе Российской Федерации в данную публично-правовую компанию было принято позже: на период 2019—2020 гг. Фонду предоставлен имущественный взнос Российской Федерации в виде субсидий из федерального бюджета для осуществления мероприятий по финансированию завершения строительства объектов незавершенного строительства — многоквартирных домов¹². Имущественный взнос Российской Федерации составляет основу имущества и второй публично-правовой компании — экологического оператора.

Законом не установлено каких-либо ограничений относительно имущества, которое может быть передано публично-правовой компании в качестве имущественного взноса Российской Федерации. В связи с чем полагаем, таким имуществом могут быть любые объекты гражданских прав, предусмотренные гражданским законодательством, находящиеся в федеральной собственности. При этом средства федерального бюджета для формирования имущества публично-правовой компании осуществляются в соответствии с бюджетным законодательством (п. 2.1 Закона о ППК).

Не установлено законодательством и каких-либо особенностей, связанных с моментом

возникновения права собственности публично-правовой компании на передаваемое ей Российской Федерацией в качестве имущественного взноса имущество. Полагаем, что момент возникновения имущества в данном случае будет связан с видом поступающего в собственность компании имущества: право на недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, будет возникать с момента такой регистрации (ст. 131 ГК РФ). В случае правопреемства при реорганизации юридического лица право собственности у правопреемника возникает с момента завершения реорганизации (п. 2 ст. 218 ГК РФ). На денежные средства такое право будет возникать с момента их поступления на счет компании в соответствии с бюджетным законодательством.

Правовая природа имущественного взноса Российской Федерации в имущество публично-правовой компании, являющегося, по сути, отчуждением государственного имущества в частную собственность юридического лица, имеет некоторое сходство с приватизацией, однако таковой не является, поскольку под последней, согласно Федеральному закону от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»¹³ (далее — Закон о приватизации), понимается возмездное отчуждение государственного имущества. Кроме того, статьей 3 указанного Закона исключены из сферы его действия отношения по передаче федерального имущества некоммерческим организациям в качестве имущественного взноса Российской Федерации. В указанном случае нельзя не согласиться с высказываемым некоторыми учеными мнением о том, что приобретение права собственности некоммерческой организации при передаче ей федерального имущества в собственность в качестве имуще-

¹¹ Постановление Правительства РФ от 07.10.2017 № 1231 «О публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» // СЗ РФ. 2017. № 42. Ст. 6169.

¹² Постановление Правительства РФ от 26.12.2018 № 1675 «Об утверждении Правил предоставления в 2019—2020 годах из федерального бюджета субсидий в виде имущественного взноса Российской Федерации в имущество публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» для осуществления мероприятий по финансированию завершения строительства объектов незавершенного строительства — многоквартирных домов» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. II). Ст. 8704.

¹³ СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

ственного взноса Российской Федерации может квалифицироваться как специальное основание приобретения права собственности, отличное от приватизации¹⁴.

Что касается имущественного взноса Российской Федерации в виде субсидии, то основанием ее предоставления, а значит, и основанием приобретения права собственности публично-правовой компании на передаваемые бюджетные средства является соглашение о предоставлении субсидии, существенные условия которого указаны в ст. 78.3 Бюджетного кодекса РФ¹⁵ (далее — БК РФ).

Вторым указанным в Законе о ППК источником формирования имущества публично-правовой компании является имущество, полученное в порядке правопреемства в результате преобразования юридических лиц в публично-правовую компанию. Таким образом, законодательством единственным возможным способом создания публично-правовой компании посредством реорганизации определено преобразование юридических лиц, что исключает возможность создания новой публично-правовой компании путем реорганизации в иных формах и может рассматриваться как установленное федеральным законом ограничение реорганизации юридического лица (абз. 4 п. 1 ст. 57 ГК РФ).

Вместе с тем под правопреемством традиционно понимается переход прав и обязанностей от одного лица к другому¹⁶. В то же время при преобразовании юридическое лицо сохраняет неизменность своих прав и обязанностей, не передавая их другому юридическому лицу, что следует из п. 5 ст. 58 ГК РФ. Аналогичной позиции придерживается и судебная практика¹⁷. В связи с чем указание в п. 1 ст. 6 Закона

о ППК на правопреемство при преобразовании публично-правовой компании представляется некорректным, что, однако, не исключает значимости такого источника формирования имущества публично-правовой компании, как имущество преобразованного в компанию юридического лица, — в случае создания публично-правовой компании путем реорганизации действующего юридического лица в иной организационно-правовой форме. Так, при создании Фонда его имущество было сформировано в основном за счет преобразованной в Фонд некоммерческой организации «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства», осуществлявшей до преобразования свою деятельность в организационно-правовой форме фонда. Что касается экологического оператора, то особенностью формирования его имущества является отсутствие имущества, полученного в результате преобразования юридических лиц, в перечне источников формирования имущества, что обусловлено способом создания данной публично-правовой компании — создание нового юридического лица, в отличие от Фонда, который создан путем реорганизации.

Еще одним важным источником формирования имущества публично-правовой компании могут быть добровольные имущественные взносы. Законодательством не предусмотрено каких-либо положений относительно того, кто может внести данные взносы, конкретизировано лишь, что их может сделать в том числе публично-правовое образование (п. 1 ст. 4 Закона о Фонде, ст. 6 Указа об экологическом операторе). Из чего следует сделать вывод о возможности любого физического или юридического лица, публично-правового образования при

¹⁴ *Сойфер Т. В.* Концепция некоммерческих организаций в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 288 ; *Ивашкина С. Г.* Гражданско-правовой статус государственной корпорации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 201 с.

¹⁵ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹⁶ См.: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : Спарк, 1995. С. 61 ; *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. М. : Статут, 1997. Ч. 2. С. 114 ; *Иоффе О. С.* Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. Т. 3 : Обязательственное право. С. 72.

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 310-КГ18-1418 по делу № А08-9098/2016 ; определение Верховного Суда РФ от 19.07.2016 по делу № 310-КГ16-1802 // Доступ из «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2019).

желании такой взнос сделать в добровольном порядке.

Добровольные имущественные взносы являются источником формирования имущества для любой некоммерческой организации, при этом их правовая природа отлична от пожертвований, выделяемых в качестве отдельного вида источника формирования имущества некоммерческих организаций¹⁸. И если на пожертвования не требуется чьего-либо разрешения или согласия, то для добровольных имущественных взносов данные положения не установлены.

В Законе о ППК нет четких положений либо ограничений применительно к возможным субъектам добровольного имущественного взноса, из чего следует, что им может являться любой субъект гражданского права. Так, установленный Законом о приватизации запрет на отчуждение государственного и муниципального имущества физическим и юридическим лицам на безвозмездной основе не применяется к отношениям, возникающим при передаче государственного и муниципального имущества некоммерческим организациям в качестве имущественного взноса (пп. 8 п. 1 ст. 3 Закона о приватизации). Как Закон о Фонде, так и Указ об экологическом операторе допускают участвующие в гражданском обороте публично-правовые образования (кем является и Российская Федерация) в качестве субъектов добровольного имущественного взноса наравне с гражданами и юридическими лицами.

С учетом того, что цели создания публично-правовой компании соответствуют публичным интересам, появляется заинтересованность государства в укреплении ее имущественной основы, что способствует оказанию публично-правовой компании экономической поддержки в различных формах. Такой формой могут быть субсидии. При этом субсидии из федерального бюджета могут быть предоставлены публично-правовой компании как в виде имущественного взноса Российской Федерации, так и не в качестве такового — на осуществление компанией государственных полномочий (функ-

ций), на оказание ею государственных услуг; на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности публично-правовых компании и др. (п. 1 ст. 78.3 БК РФ). В последнем случае следует предположить, что такое поступление будет являться добровольным имущественным взносом, вносимым Российской Федерацией.

Источником формирования имущества публично-правовой компании также могут быть доходы, полученные компанией от осуществления приносящей доход деятельности в соответствии с поставленными перед ней целями. Общественно полезная сущность такой деятельности не позволяет рассматривать ее в качестве предпринимательской деятельности и свидетельствует о ее определенной специфике. Такой деятельностью является приносящее прибыль производство товаров, оказание услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, приобретение и реализация имущественных и неимущественных прав. При этом направления расходования средств публично-правовой компании, полученных в результате приносящей доход деятельности, определяются решением о создании публично-правовой компании (ст. 3 Закона о ППК). Так, решением о создании экологического оператора установлено, что денежные средства, полученные от осуществления приносящей доход деятельности, расходуются на реализацию ее функций и полномочий, которые, в свою очередь, четко определены специальным законом о создании данной публично-правовой компании. Направления расходования средств Фонда, полученных в результате приносящей доход деятельности, устанавливается Правительством РФ, однако в настоящее время такие направления еще не утверждены, несмотря на то что Фонд реализует возложенные на него задачи уже более года. С одной стороны, данное обстоятельство осложняет участие Фонда в гражданском обороте, с другой стороны, ставит под сомнение легитимность расходования средств от приносящей доход деятельности в случае, если таковая имеется.

¹⁸ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». П. 1 ст. 26 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

Виды приносящей доход деятельности публично-правовой компании не ограничены законом, однако такую деятельность компания вправе осуществлять только в случае, если это предусмотрено как решением о ее создании, так и ее уставом (п. 6 ст. 5 Закона о ППК). Природа приносящей доход деятельности публично-правовой компании, как и любой некоммерческой организации, специфична. С одной стороны, она сочетает в себе некоторые признаки предпринимательской деятельности, содержащиеся в ст. 2 ГК РФ: извлечение прибыли на свой риск, под свою имущественную ответственность. С другой стороны, данная деятельность имеет вспомогательный характер по отношению к основной деятельности некоммерческой организации; расходование доходов, полученных от такой деятельности, осуществляется в соответствии со стоящими перед публично-правовой компанией целями и задачами, и такие доходы являются дополнительными по отношению к источникам финансирования самим учредителем.

К видам приносящей доход деятельности Фонда отнесены инвестирование временно свободных средств и выпуск облигаций. Законом о Фонде в п. 4 ст. 4 четко определены объекты инвестирования — активы, куда могут направляться временно свободные средства Фонда. В то же время, согласно п. 2 ст. 18 Закона о ППК, перечень разрешенных объектов инвестирования временно свободных средств публично-правовой компании определяется Правительством РФ. Так, постановлением Правительства РФ от 22.12.2016 № 1432 «Об инвестировании временно свободных средств публично-правовой компании»¹⁹ установлено, что перечень разрешенных объектов инвестирования временно свободных средств публично-правовой компании определяются в соответствии с Правилами инвестирования временно свободных средств государственной корпорации,

государственной компании²⁰ (далее — Правила инвестирования средств госкорпораций). Следует отметить, что в этом документе относительно объектов инвестирования указаны условия, только при наличии которых в данные объекты возможны инвестиции средств компании. При этом данные условия отсутствуют в Законе о Фонде (п. 3 ст. 4).

В частности, согласно п. 5 Правил инвестирования средств госкорпораций государственные ценные бумаги РФ могут быть объектом инвестирования только при условии, если срок их погашения не истек и если они допущены к обращению на организованных торгах или специально выпущены для размещения средств институциональных инвесторов, а также при их первичном размещении, если условиями выпуска ценных бумаг предусмотрено обращение на организованных торгах. Государственные ценные бумаги субъектов РФ, облигации российских эмитентов, ипотечные ценные бумаги, помимо указанного условия, дополнительно должны соответствовать требованиям, касающимся кредитного рейтинга выпуска ценных бумаг и эмитенту биржевых облигаций или программ облигаций, в рамках которых выпускаются биржевые облигации²¹. Акции российских эмитентов, созданных в форме открытых акционерных обществ, должны быть включены в котировальный список первого (высшего) и уровня хотя бы одной из российских бирж или список для расчета индекса ММВБ. Ценные бумаги международных финансовых организаций могут быть объектом инвестирования только при условии соблюдения требований к кредитному рейтингу не ниже уровня, установленного в п. 7 названных Правил. Депозиты в российской и иностранной валюте в российских кредитных организациях могут быть объектом инвестирования также при определенных условиях, установленных в п. 11 Правил инвестирования средств госкорпораций.

¹⁹ СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I). Ст. 168.

²⁰ Утверждены постановлением Правительства РФ от 21.12.2011 № 1080 «Об инвестировании временно свободных средств государственной корпорации, государственной компании» // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 125.

²¹ Наличие у кредитной организации собственных средств в размере не менее 1 млрд руб.; наличие в договоре, на основании которого инвестируются временно свободные средства в депозиты, определенных условий и др. (п. 8 Правил инвестирования средств госкорпораций).

Таким образом, одним федеральным законом (п. 2 ст. 18 Закона о ППК) установлено, что перечень объектов инвестирования временно свободных денежных средств публично-правовых компаний определяется Правительством РФ, которым такой перечень четко и установлен; другим федеральным законом (п. 3 ст. 4 Закона о Фонде) законодатель сам определяет виды объектов инвестирования таких средств применительно к Фонду, однако без дополнительных вышеуказанных условий, только при наличии которых возможно инвестирование. То есть в настоящее время перечень объектов инвестирования временно свободных средств Фонда несколько шире перечня таких объектов, установленного для всех публично-правовых компаний общим Законом о ППК. Здесь можно говорить о коллизии норм права равной юридической силы, разрешение которой возможно посредством применения правила соотношения общего и специального законов, которым для Фонда является Закон о Фонде, поскольку более широкий выбор объектов инвестирования временно свободных средств Фонда обусловлен целями, поставленными перед данной компанией государством. Однако в этом случае подлежит корректировке п. 15 Устава Фонда, согласно которому при определении права Фонда инвестировать временно свободные средства в активы (объекты финансирования) имеется ссылка на оба не соответствующих друг другу в рассматриваемой части нормативных правовых акта: Закон о Фонде и постановление Правительства РФ от 22.12.2016 № 1432.

Необходимо отметить, что каких-либо специальных положений об инвестировании временно свободных средств экологического оператора нормативный правовой акт о его создании не содержит.

Перечень возможных источников формирования имущества публично-правовой компании является открытым, ими могут быть любые

иные не запрещенные законодательством РФ способы его поступления, например наследование имущества, получение вознаграждения за использование третьими лицами созданных компанией результатов интеллектуальной деятельности, пожертвование и др.

Однако не любое имущество может поступать в собственность публично-правовой компании: не подлежит передаче имущество, изъятое из оборота (ст. 129 ГК РФ). Так, учитывая, что при передаче в собственность компании имущества Российской Федерацией последняя утрачивает вещные права на него, не может передаваться имущество, составляющее исключительно государственную собственность²².

Приведенный в Законе о ППК перечень источников формирования имущества публично-правовой компании является общим и конкретизируется специальными законами применительно к отдельным создаваемым публично-правовым компаниям, прежде всего исходя из целей их деятельности и принципов их достижения.

Необходимо отметить преимущественно публичный характер источников формирования имущества действующих публично-правовых компаний, так как значительная часть имущества поступает в собственность компаний либо от государства (имущественный взнос Российской Федерации, предоставляемый при создании экологического оператора, а также в виде субсидий Фонду), либо на основании обязывающих предписаний закона (обязательные отчисления (взносы) застройщиков в Фонд). Очевидно, что имущества преобразованной в Фонд некоммерческой организации «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» недостаточно для реализации поставленных перед Фондом целей по реализации жилищной политики государства и повышению гарантии защиты прав и законных интересов граждан — участников долевого

²² Например, лесные участки в составе земель лесного фонда (ст. 8 Лесного кодекса РФ), водные объекты, за исключением пруда и обводненного карьера в границах земельного участка, принадлежащего лицу на праве собственности (ст. 8 Водного кодекса РФ), недра, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы (ст. 1.2 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»).

строительства. Цели создания экологического оператора²³ также предполагают значительное государственное финансирование.

В частноправовом порядке имущество также может передаваться в собственность публично-правовой компании, однако такое отчуждение будет зависеть исключительно от воли самих физических и юридических лиц, что не может являться стабильной материальной основой для обеспечения возложенных на компанию публично-правовых функций. Приносящая доход деятельность тоже не должна быть для публично-правовой компании как некоммерческой организации основной, поскольку компания создается только в интересах государства и общества, а целью последних никак не может быть извлечение прибыли. В противном случае это поставит под угрозу интересы ее учредителя.

Формирование имущества публично-правовой компании определяется прежде всего интересами государства и общества, выражающимися в тех целях, которые поставлены перед ней при ее создании, и только в последнюю очередь интересами самой компании. В связи с чем, полагаем, имеется прямая связь между соответствием целей и задач компании интересам государства и общества и заинтересованности государства в укреплении материальной основы публично-правовой компании: чем больше цели создания компании соответствуют общественным и государственным интересам, тем большие имущественные вливания от государства должна получать публично-правовая компания. Ведь чем устойчивее ее материальное состояние, тем эффективнее она участвует в гражданском обороте и достигает поставленных перед ней целей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авилов Г. Е., Суханов Е. А.* Юридические лица в современном российском гражданском праве // *Вестник гражданского права*. — 2006. — № 1. — С. 3—11.
2. *Барков А. В.* Гражданская правосубъектность общественного объединения инвалидов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 27 с.
3. *Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева*. — М., 2008. — Т. 1. — 776 с.
3. *Егоров Н. Д.* Гражданско-правовое регулирование экономических отношений : учеб. пособие. — Л., 1986. — 214 с.
4. *Ивашкина С. Г.* Гражданско-правовой статус государственной корпорации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 201 с.
5. *Иоффе О. С.* Избранные труды : в 4 т. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — Т. 3 : Обязательственное право. — 835 с.
6. *Качанова В. В.* Право собственности добровольных обществ в СССР : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1974. — 159 с.
7. *Качанова В. В., Коняев Н. И., Рузанова В. Д.* Субъекты хозяйственного права и правовой режим их имущества. — Куйбышев, 1982. — 85 с.
8. *Кудрявцева Г. А.* Материальная основа деятельности общественных организаций на современном этапе (правовой аспект). — М., 1988. — 185 с.
9. *Лялин Д. Ю.* Право собственности государственных корпораций : дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2005. — 196 с.
10. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. — М. : Статут, 1997. — Ч. 2. — 455 с.
11. *Мищенко Г. В.* Право собственности общественных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1969.
12. *Сойфер Т. В.* Концепция некоммерческих организаций в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 476 с.

²³ См.: Указ об экологическом операторе. П. 3.

13. Хаскельберг Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности (общие вопросы) // Цивилистические исследования : ежегодник гражданского права / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. — М., 2006. — Вып. 2. — 688 с.
14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М. : Спарк, 1995. — 556 с.

Материал поступил в редакцию 31 марта 2019 г.

SOURCES OF PROPERTY FORMATION OF A PUBLIC NOT-FOR-PROFIT COMPANY

Yulia A. Zaytseva, Postgraduate Student of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
julia_82x@mail.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. *As part of the civil legislation reform, a public not-for-profit company is recognized as an independent form of non-profit organizations. Its intermediate position between a legal entity as a subject of private law and a public authority shows the existence of features in the methods of its property formation. In the article the author has analyzed the sources of formation of the property of the public not-for-profit company, investigated doctrinal approaches to understanding the essence of the sources of formation of the property of the organization under consideration. The peculiarities of property formation of public law companies operating in Russia have also been determined.*

According to the results of the analysis, the author has drawn the conclusion about a predominantly public nature of the property component of public not-for-profit companies, the main source of formation of which is the state property or funds received under statutory provisions. The author makes the interest of the founder in the property component of a public not-for-profit company conditional upon implementation of the state and public interests and public law functions imposed on it. On the basis of the study, the author has determined a conflict in the legislation regulating the investment of temporarily free funds of a public not-for-profit company as a revenue-producing activity and has made proposals to resolve it.

Keywords: *public law company, organizational and legal form, non-profit organization, sources, property, income-generating activities, property contribution, basis of acquisition, ownership.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avilov G. E., Suhanov E. A. Yuridicheskie lica v sovremennom rossijskom grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — № 1. — S. 3—11.
2. Barkov A. V. Grazhdanskaya pravosub"ektnost' obshchestvennogo ob"edineniya invalidov : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — М., 2002. — 27 s.
3. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 3 t. / pod red. A. P. Sergeeva. — М., 2008. — Т. 1. — 776 s.
3. Egorov N. D. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenij : ucheb. posobie. — М., 1986. — 214 s.
4. Ivashkina S. G. Grazhdansko-pravovoj status gosudarstvennoj korporacii : dis. ... kand. jurid. nauk. — М., 2011. — 201 s.
5. Ioffe O. S. Izbrannye trudy : v 4 t. — SPb. : Yuridicheskij centr-Press, 2004. — Т. 3 : Obyazatel'stvennoe pravo. — 835 s.

6. Kachanova V. V. Pravo sobstvennosti dobrovol'nyh obshchestv v SSSR : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 1974. — 159 s.
7. Kachanova V. V., Konyaev N. I., Ruzanova V. D. Sub"ekty hozyajstvennogo prava i pravovoj rezhim ih imushchestva. — Kujbyshev, 1982. — 85 s.
8. Kudryavceva G. A. Material'naya osnova deyatel'nosti obshchestvennyh organizacij na sovremennom etape (pravovoj aspekt). — M., 1988. — 185 s.
9. Lyalin D. Yu. Pravo sobstvennosti gosudarstvennyh korporacij : dis. ... kand. jurid. nauk. — Ryazan', 2005. — 196 s.
10. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo : v 2 ch. — M. : Statut, 1997. — Ch. 2. — 455 s.
11. Mishchenko G. V. Pravo sobstvennosti obshchestvennyh organizacij : dis. ... kand. jurid. nauk. — Sverdlovsk, 1969.
12. Sojfer T. V. Konceptsiya nekommercheskih organizacij v rossijskom grazhdanskom prave : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2013. — 476 s.
13. Haskel'berg B. L. Osnovaniya i sposoby priobreteniya prava sobstvennosti (obshchie voprosy) // Civilisticheskie issledovaniya : ezhegodnik grazhdanskogo prava / pod red. B. L. Haskel'berga, D. O. Tuzova. — M., 2006. — Vyp. 2. — 688 s.
14. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. — M. : Spark, 1995. — 556 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Н. Л. Лютов*

Трудовые инспекции в постсоветских государствах: деградация ради мифа об экономической эффективности?

Аннотация. В статье рассматривается политика по ограничению полномочий и ресурсов, выделяемых трудовым инспекциям, в 10 постсоветских государствах (Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан и Украина), которая осуществляется под лозунгами защиты бизнеса от избыточной регуляторной нагрузки и привлечения инвестиций. Целью исследования было определить масштаб ограничений и тенденции развития законодательства и правоприменительной практики названных государств в данном отношении. В задачи исследования входило выявление конкретных ограничений, закреплённых как в нормативных правовых актах, так и в практической деятельности государственных органов и негосударственных структур в указанных государствах.

Методология работы включала в себя как изучение правовых актов, так и коммуникацию с экспертами в странах региона, а также выездные опросы участников трудовых отношений и социальных партнёров.

В результате исследования выявлено существенное количество ограничений, часть из которых находится в прямом противоречии с требованиями приоритетных конвенций МОТ об инспекции труда, а часть хотя и не противоречит им напрямую, в совокупности с другими ограничениями и конкретным подходом к их применению на практике крайне деструктивно сказывается на эффективности инспектирования условий труда работников.

Среди важнейших ограничений трудовых инспекций можно выделить: ограничение предмета проверок только вопросами соблюдения норм безопасности и гигиены труда; установление в законодательстве обязательного требования о предупреждении работодателя со стороны инспекции о проводимой проверке и/или обязанность инспекции согласовывать проверку с иными государственными органами (прокуратурой, судами и др.); установление в качестве обязательного условия проверки трудовой инспекцией наличия жалоб со стороны работников и др.

Ключевые слова: трудовые инспекции, международные трудовые стандарты, контроль за применением законодательства, Международная организация труда, реформирование законодательства.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.092-106

© Лютов Н. Л., 2019

* Лютов Никита Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), экстраординарный профессор Школы индустриальной психологии и управления человеческими ресурсами Северо-Западного университета (Почеструм, ЮАР)

nlljutov@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Переход к рыночной экономике в постсоветских государствах очень существенно затронул важнейший институт трудового права — систему инспекции труда. В ходе своего визита в Россию в апреле 2019 г. генеральный директор Международного бюро труда Г. Райдер выступил с необычно резким для должностного лица такого уровня заявлением¹, в котором говорилось о том, что радикальное сокращение трудовых инспекций представляет собой большую ошибку. Это заявление касалось и России, и других постсоветских стран.

В настоящей статье рассматриваются основные ограничения в отношении государственных инспекций труда, применяемые в последние годы в 10 государствах Восточной Европы и Центральной Азии, ранее входивших в состав Советского Союза: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Именно в этих государствах ослабление систем трудовых инспекций наиболее заметно.

Законодательство и правоприменительная практика всех 10 государств региона в той или иной степени не соответствуют требованиям ключевых конвенций МОТ об инспекции труда — Конвенции 1947 г. об инспекции труда в промышленности и торговле (№ 81) и Конвенции 1969 г. об инспекции труда в сельском хозяйстве (№ 129), притом что из 10 государств только Грузия и Узбекистан не несут юридических обязательств ни по одной из этих конвенций, хотя в обоих государствах рассматривает-

ся перспектива ратификации хотя бы Конвенции № 81.

Виды ограничений, налагаемых на деятельность инспекций

Самая радикальная мера по ограничению функций трудовых инспекций — *полная отмена или временный мораторий* на проведение инспекционных проверок. В этом контексте особое место в регионе занимает *Грузия*, где в результате принятия нового Трудового кодекса 2006 г. государственные инспекции труда были в принципе ликвидированы, и до 2013 г. какой бы то ни было контроль за соблюдением работодателями трудового законодательства не осуществлялся².

Временные моратории на проведение проверок государственными инспекциями труда были установлены законодательством *Азербайджана* (мораторий введен в конце 2016 г. на 2016—2017 гг. и продлен в 2017 г. до ноября 2021 г.) и *Таджикистана* (с 2012 по 2019 гг. — по вопросам охраны труда, с 2018 по 2021 гг. — в целом по контролю за соблюдением трудового законодательства)³. В *Армении* отсутствие мероприятий по контролю за соблюдением трудового законодательства с 2014 по 2016 г. было связано с реструктуризацией системы инспекции труда. *Украина* устанавливала моратории на проверки в 2017 и 2018 г., а в настоящее время контрольная деятельность инспекций труда столкнулась

¹ Radical cuts to labour inspectorates a 'serious mistake' — ILO Director-General, Guy Ryder, warned of the negative consequences of radical reforms to labour inspectorates, in a speech to the conference of the Regional Alliance of Labour Inspections of the Commonwealth of the Independent States and Mongolia. ILO site 23 April 2019. Available at: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_697175/lang--en/index.htm.

² Здесь и далее в этой статье информация по Грузии привод. по: *Tchanturidze G. Abolition of Labour Inspection in Georgia. Consequences for Workers and the Economy. September 2018. Friedrich Ebert Stiftung, 2018 // URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?langId=en&docId=20181&>*.

³ В Азербайджане мораторий был введен Законом Азербайджанской Республики «О регулировании проводимых в сфере предпринимательства проверок и защите интересов предпринимателей» и Законом Азербайджанской Республики «О приостановлении проверок в сфере предпринимательства» (см.: сайт Министерства экономики Азербайджанской Республики. URL: <https://www.economy.gov.az/article/sahibkarlarin-huquqlarinin-mudafiesi/21394>); в Таджикистане — на основании Закона Республики Таджикистан «О моратории на проверки деятельности субъектов предпринимательства в производственных сферах» от 21.02.2018 № 1505 (см.: База законодательства стран СНГ. URL: <https://base.spinform.ru>).

с препятствиями вследствие судебного запрета⁴. В *Российской Федерации* начиная с 2016 г. установлен мораторий на проведение плановых проверок работодателей, относящихся к малому и среднему бизнесу, не отнесенных к высокой категории риска⁵, которые не привлекались к административной ответственности за грубые нарушения закона в течение последних трех лет. Последний раз подобный мораторий был заново установлен в конце 2018 г. на период 2019—2020 гг.⁶

Еще один радикальный тип сужения полномочий государственных инспекций труда связан с *ограничением предмета проверок только вопросами безопасности и гигиены труда*. Так, в настоящее время нормы об инспекциях труда восстановлены в законодательстве *Грузии*, но они применяются только в отношении безопасности и гигиены труда⁷. Аналогичным образом полномочия государственных инспекций труда ограничены в *Армении*⁸. Такой подход приводит к тому, что соблюдение работодателем важнейших трудовых прав работников, помимо собственно охраны жизни и здоровья работников, может быть защищен практически исключительно в рамках судебной защиты прав. Излишне говорить, что, во-первых, работники не всегда должным образом осведомлены о своих трудовых правах, они чаще всего не готовы вступать в конфликт с работодателем, неизбежный при обращении в суд, могут просто избегать потери времени и моральных сил на взаимодействие с работодателем через суд. Это означает, что

подавляющее большинство нарушений трудовых прав работников со стороны работодателя в такой ситуации останется не только безнаказанным, но и просто не будет прекращено.

Менее радикальный, но также приводящий к угрозе нарушения требований Конвенций МОТ № 81 и 129 способ защиты от «избыточной» регуляторной нагрузки со стороны контролирующих органов — установление «*каникул*», *освобождающих вновь зарегистрированных работодателей от проверок* государственных инспекций труда в течение определенного срока с момента регистрации. Такие «каникулы» предусмотрены законодательством *Украины, Молдовы, Казахстана*. Поскольку «каникулы» освобождают от проверок в отношении соблюдения не только трудового законодательства, но и налогового, а также от контроля за соблюдением ряда других требований, предусмотренных законом, недобросовестные предприниматели заинтересованы в периодической перерегистрации юридических лиц, снова и снова становясь «новым бизнесом». Соответственно, чем больше объем нарушений у предпринимателя, тем выше у него мотивация пройти перерегистрацию. Таким образом, наиболее злостные нарушители трудовых прав работников оказываются фактически неподконтрольными в отношении своих злоупотреблений применительно к работникам.

В *Узбекистане* предусмотрен альтернативный вариант такого рода «каникул» — запрет инспекционных визитов к работодателю в тече-

⁴ Решение 6-го апелляционного административного суда по иску ООО «Бизнес Лигал Сервис Груп», физического лица — предпринимателя Доротича С. И. (председатель Общественного совета при Государственной регуляторной службе Украины), физического лица — предпринимателя Карпенко А. П. к Кабинету министров Украины // URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2213240202095246&id=100002278640361&comment_id=2220909044661695&ref=bookmarks.

⁵ См. далее о риск-ориентированном подходе к контролю за соблюдением трудового законодательства.

⁶ На основании Федерального закона от 25.12.2018 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля” и статью 35 Федерального закона “О водоснабжении и водоотведении”» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8406.

⁷ С 2018 г., на основании Органического закона Грузии о безопасности и гигиене труда от 3 июля 2018 г. — только в отношении рабочих мест с тяжелыми и опасными условиями труда, с 1 сентября 2019 г. — в отношении любых рабочих мест (на основании Органического закона Грузии о безопасности труда от 19 апреля 2019 г.).

ние трех лет после положительных результатов проверки государственной инспекцией труда⁹. Этот вариант менее проблематичен с точки зрения злоупотреблений со стороны работодателя, однако риски повышения количества нарушений прав работников при такого рода «каникулах» все равно присутствуют.

Почти во всех странах региона вводится или уже введена система так называемого *риск-ориентированного подхода к инспекции труда*. Риск-ориентированный подход предполагает перемещение акцента в деятельности инспекций от наказаний к профилактике нарушений, что само по себе можно назвать положительной тенденцией. Это особенно важно с учетом исторических особенностей подхода к контролю за соблюдением трудового законодательства в рассматриваемых странах. Системной проблемой, доставшейся странам региона от их советского прошлого, можно назвать оценку эффективности деятельности трудовых инспекций не через снижение производственного травматизма и количества трудовых споров, рассматриваемых в судах, а через формально-статистический учет выявленных нарушений со стороны работодателей. Этот подход провоцирует трудовые инспекции сосредотачивать свои контрольные усилия на бюрократических аспектах кадрового делопроизводства, где можно выявить наибольшее количество нарушений со стороны работодате-

лей. При этом подавляющее большинство выявленных нарушений такого рода не представляет реальной угрозы ни с точки зрения безопасности и гигиены труда, ни с точки зрения обеспечения трудовых прав работников, а носит чисто оформительский характер.

Риск-ориентированный подход подразумевает разделение работодателей на группы риска (от высокого к низкому), как правило, касающегося безопасности и гигиены труда. В зависимости от категории риска устанавливается максимальная частота проверок за определенный календарный период. Например, в законодательстве *Украины* предусматривается, что инспекция может быть проведена для работодателей с высокой степенью риска не чаще одного раза в год, со средней степенью — одного раза в три года, с незначительной степенью — одного раза в пять лет¹⁰. В *Азербайджане* максимальная частота инспекций составляет один раз в год для работодателей высокой степени риска, не чаще одного раза в два года в группе среднего риска и не более одного раза в три года в группе низкого риска¹¹. В *Российской Федерации* ограничения частоты проверок в зависимости от риска предусмотрены для плановых проверок¹². Для категории высокого риска максимальная частота проверок составляет один раз в два года, значительного риска — один раз в три года, среднего риска — не чаще чем один раз в пять

⁸ В соответствии с Законом Республики Армения от 30.12.2014 № 256 «О внесении изменений в трудовой кодекс Республики Армения и признании закона Республики Армения “О государственной инспекции по труду” утратившим силу» // Сайт Парламента Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5172&lang=rus>.

⁹ Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 27.04.2017 № 246 «О дальнейшем развитии рынка услуг в области охраны труда». П. 5 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 17. С. 305. URL: <http://lex.uz/docs/3184926#3185127>.

¹⁰ Закон Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности» от 05.04.2007 № 877-V // Сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/877-16>.

¹¹ Sahibkarlıq sahəsində aparılan yoxlamaların tənzimlənməsi və sahibkarların maraqlarının müdafiəsi haqqında (неофициальный перевод наименования — Закон Республики Азербайджан 2015 г. «О надзоре за предпринимательской деятельностью и защите интересов предпринимателей») // Сайт Министерства экономики Азербайджанской Республики. URL: <https://www.economy.gov.az/article/sahibkarlarin-huquqlarinin-mudafiesi/21394>.

¹² Постановление Правительства РФ от 16.02.2017 № 197 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1361.

лет, умеренного риска — не чаще чем один раз в шесть лет. В отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, деятельность которых отнесена к категории низкого риска, плановые проверки не проводятся вообще. В *Молдове* предельная частота плановых проверок составляет один раз в течение года, но достаточно сложная система баллов, присваиваемых работодателям, ограничивает эту частоту как для плановых, так и для внеплановых проверок¹³.

Практически во всех странах региона законодательство предусматривает *разделение проверок на плановые и внеплановые*. Плановые проверки осуществляются в соответствии с заранее утвержденным графиком, о котором уведомляется работодатель. Так, в *Казахстане* работодателя должны предупредить о проведении плановой проверки. При этом в ходе реформы трудовой инспекции около 60 % работодателей были освобождены от плановых проверок¹⁴. В *Кыргызстане* о проведении проверки в области соблюдения трудового законодательства работодатель должен быть предупрежден не позднее, чем за десять рабочих дней¹⁵. Аналогичный срок предусмотрен *украинскими* правовыми актами¹⁶, а в *Таджикистане* работодателя предупреждают о проверке не позднее чем за пять рабочих дней¹⁷.

Важный негативный аспект плановых проверок с предупреждением работодателя — упрощение для недобросовестных работодателей задачи по сокрытию нарушений. Только выезд-

ная проверка без предупреждения может выявить ситуацию, когда работодатель осознанно и намеренно допускает наиболее серьезные нарушения трудовых прав работников. Поэтому ст. 12 Конвенции МОТ № 81 и ст. 16 Конвенции МОТ № 129 предусматривают право инспекторов труда беспрепятственного прохода без предварительного уведомления и в любое время суток на любое предприятие, охватываемое контролем инспекции, а также входить в дневное время во все здания, которые они имеют достаточные основания считать подпадающими под контроль инспекции; осуществлять любые проверки, контроль и расследования, которые они могут счесть необходимыми, чтобы удостовериться в том, что законодательные положения эффективно соблюдаются. Очень важная оговорка, содержащаяся в этих же статьях Конвенций № 81 и 129, заключается в том, что инспектор уведомляет работодателя о своем присутствии, только если считает, что это не нанесет ущерба эффективности проверки.

Законодательство практически всех рассматриваемых стран не соответствует этому требованию. Так, в *Российской Федерации* инспектор имеет возможность лично оценить условия труда, не предупреждая о проверке работодателя, только в рамках внеплановой выездной проверки. В нарушение ратифицированной Россией Конвенции № 81 такая проверка может быть осуществлена только с санкции органов прокуратуры¹⁸. Единственное исключение из этого

¹³ Закон Молдавской Республики от 08.06.2012 № 131 «О государственном контроле за предпринимательской деятельностью» // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54354.

¹⁴ Шестьдесят процентов казахстанских предпринимателей освобождено от проверок // Информационный сайт Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/4680043-60-kazakhstanskikh-predprinimatelej.html>.

¹⁵ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 06.11.2007 № 533 «О порядке проведения проверок субъектов предпринимательства и определении перечня уполномоченных органов, имеющих право на проведение проверок субъектов предпринимательства» (в ред. от 31 марта 2016 г.) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/58694>.

¹⁶ Закон Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности» от 05.04.2007 № 877-V.

¹⁷ Закон Республики Таджикистан от 25.12.2015 № 1269 «О проверках деятельности хозяйствующих субъектов». Ст. 5.

¹⁸ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Ч. 8 ст. 12 // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

правила — проведение проверки на основании жалобы в отношении нарушения трудового законодательства. Но в этой ситуации трудовая инспекция не выступает инициатором проверки и зависит от наличия соответствующей жалобы. Аналогичным образом законодательство *Узбекистана* предусматривает возможность осуществления внеплановых выездных проверок только при условии существования жалоб в отношении конкретных нарушений со стороны работодателя¹⁹, а законопроект по реформированию системы трудовых инспекций, разработанный Генеральной прокуратурой Республики Узбекистан²⁰, предусматривает введение в законодательство обязанности трудовой инспекции предварительно согласовывать такие проверки с вышестоящими органами власти. Необходимость согласования проведения выездных внеплановых инспекций и ограниченный перечень оснований для их проведения предусмотрен и законодательством *Украины*²¹.

Вне зависимости от того, подвергается ли реструктуризации система государственной инспекции труда в конкретной стране или нет, количество инспекторов, выделяемых им ресурсов и проводимых ими проверок имеет тенденцию к существенному сокращению практически во всех странах региона. Например, в *Российской Федерации* количество инспекторов труда за период с 1995 по 2010 г. сократилось на 31 %, а с 2010 по 2016 г. количество инспекторов снизилось еще больше, чем за предшествующие 15 лет²². В *Кыргызстане* количество инспекто-

ров за последние несколько лет снизилось более чем в два раза.

При этом следует иметь в виду, что в разных странах региона ситуация с ресурсами, которыми обладают трудовые инспекции, очень неравномерная. Если в *Российской Федерации*, *Казахстане* и *Молдове* ежегодно проводятся тысячи проверок, то в *Таджикистане* всего в инспекции труда занято 60 человек, из которых 29 работают в центральном аппарате и не заняты непосредственными проверками работодателей²³, а в *Кыргызстане* в инспекции занято всего 23 человека.

Сложная ситуация с ресурсами, финансирование трудовых инспекций по остаточному принципу, регулярная реструктуризация приводят к тому, что уровень профессиональной подготовки инспекторов далеко не всегда соответствует стоящим перед ними задачам и зачастую имеет тенденцию к снижению. Это замечание применимо практически ко всем рассматриваемым государствам.

Особую озабоченность вызывает и то, что в ряде государств региона законодательство или правоприменительная практика исходят из приоритета предпринимательского права и защиты прав предпринимателей перед нормами трудового законодательства и трудовыми правами работников. Так, осуществление проверок работодателей осуществляется в *Казахстане* по правилам, предусмотренным Предпринимательским кодексом. *Украинский суд* (см. выше) признал незаконной реструкту-

¹⁹ Положение о Государственной инспекции по охране и экспертизе условий труда Министерства занятости и трудовых отношений, утвержденное постановлением Кабинета Министров от 19.02.2010 № 29 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2010. № 8. С. 61.

²⁰ Проект Закона Республики Узбекистан «О государственном контроле деятельности субъектов предпринимательства» № 1472. Вынесен на публичное обсуждение 12 декабря 2018 г. // Сайт «Обсуждение проектов нормативно-правовых документов Республики Узбекистан». URL: <https://regulation.gov.uz/ru/document/1472>.

²¹ Закон Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности» от 05.04.2007 № 877-V.

²² См.: *Ерёмкин В. А., Баранова В. А.* Зачем нужно реформировать государственный контроль и надзор в сфере труда в России? // Вопросы управления. 2016. № 6. С. 55.

²³ Численность установлена Указом Президента Республики Таджикистан от 19.11.2013 № 12 «О совершенствовании структуры исполнительных органов государственной власти Республики Таджикистан» // Сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://president.tj/ru/node/5654>.

ризации инспекции труда, потому что она не соответствовала требованиям законодательства о защите прав предпринимателей. При этом ни в одном случае ни судами, ни органами законодательной или исполнительной власти не принимается во внимание тот факт, что ограничительные меры в отношении трудовых инспекций противоречат требованиям Конвенции № 81, ратифицированной большинством рассматриваемых государств, в конституциях которых повсеместно предусмотрен принцип приоритета международных договоров с участием этих государств по отношению к национальным правовым актам.

Динамизм изменения системы инспекций труда в регионе

В государствах региона происходит динамичное изменение системы трудовых инспекций. Частота модификаций структуры и функций трудовых инспекций в разных странах региона различается, однако ни одно из государств не миновало тех или иных значимых структурных изменений. Вероятно, наименее стабильна система трудовых инспекций *Кыргыстана*, где руководители органов власти (называющихся по-разному в разные периоды), отвечающих за вопросы труда, с момента обретения государством независимости в 1991 г. менялись 17 раз. Кадровые смены сопровождались, как правило, и структурными изменениями, затрагивавшими в том числе и инспекцию труда.

Сама частота перестроек системы трудовых инспекций оказывает воздействие на сложность восприятия системы работниками и на эффективность применения процедур, связанных со структурой, функциями и полномочиями трудовых инспекций. В системе функций и полномочий конкретных государственных органов, осуществляющих надзор за соблюдением трудового законодательства, сложно разобраться даже профессиональным юристам. Очевидно, что для обычных работников понимание того, к кому обратиться за консультацией или с жалобой по поводу нарушения своих трудовых прав, еще более затруднительно.

Как правило, трудовые инспекции в регионе подвергаются реструктуризации под лозунгами оптимизации и повышения эффективности использования бюджетных средств. Реструктуризация может происходить очень по-разному. Среди форм преобразования трудовых инспекций в регионе можно найти и слияние, и присоединение, и разделение. Так, в *Молдове* реорганизация трудовой инспекции привела к раздроблению функций трудовой инспекции между большим количеством не связанных друг с другом структур. При этом раздробление деятельности трудовых инспекций произошло не только функционально, между различными органами власти, но и территориально — путем перевода инспекции на локальный уровень с централизованного.

В *Кыргыстане* произошел обратный процесс: трудовая инспекция утратила свою самостоятельность и стала частью Государственной инспекции по экологической и технической безопасности при Правительстве. Функции трудовой инспекции в новой структуре в настоящее время исполняются Управлением по охране труда и трудовых отношений. Однако в обоих случаях реструктуризация имела целью не повышение эффективности контроля за соблюдением трудового законодательства, а экономию бюджетных средств и снятие «излишнего» контрольного бремени с работодателей.

Украина осуществила слияние двух ранее действовавших параллельных структур, Государственной трудовой инспекции и Государственной службы горного надзора и промышленной безопасности, в Государственную службу Украины по вопросам труда. Однако дублирование инспекционных функций в сфере труда на этом не прекратилось, поскольку инспектирование может осуществляться в этой стране не только централизованно, но и местными властями. В настоящее время реструктуризация инспекции труда была признана украинским судом незаконной, что вообще ставит вопрос о дальнейшей судьбе контроля за соблюдением трудового законодательства в этой стране.

В *Армении* реструктуризация инспекции труда привела к ее переподчинению Министерству здравоохранения и, как следствие, ограниче-

нию сферы контроля за трудовым законодательством только вопросами здоровых и безопасных условий труда. В *Азербайджане* реформирование системы инспекции труда было осуществлено с акцентом на ограничение полномочий инспекций с целью защиты предпринимателей от регуляторной нагрузки. В *Грузии* вообще не было реструктуризации системы инспекций, трудовые инспекции на волне нелиберальных реформ президента М. Саакашвили были просто отменены в 2006 г., и только через несколько лет были созданы новые структуры, компетенция которых в настоящее время ограничена сферой охраны труда.

Инициаторы реформ трудовых инспекций и их мотивы

Трансформация системы трудовой инспекции в рассматриваемых государствах осуществляется под лозунгами не только оптимизации системы государственного управления и экономии бюджетных средств, но и снижения регуляторной нагрузки на бизнес с целью повышения его экономической эффективности. Тезис о том, что снижение издержек в отношении работников за счет ограничения их трудовых прав полезно для экономики, никогда не был доказан ни теоретически, ни эмпирически²⁴. Действительно, работодатели получают краткосрочную экономию от сокращения издержек, но на макроэкономическом уровне урезание трудовых прав

работников либо механизмов их реализации приводит не только к социально-политическим проблемам, связанным с угрозой стабильности общества и государства, но и к экономическому тупику, вызываемому подрывом базы экономики — платежеспособного спроса населения.

Не последнюю роль в рассуждениях об экономической эффективности и о трудовых правах работников как о негативном факторе для экономики занимают соображения привлекательности экономики конкретного государства для прямых иностранных инвестиций. С целью определения инвестиционной привлекательности того или иного государства международные финансовые структуры ранжируют страны, используя в качестве индикатора степень регуляторной нагрузки на предпринимателей, в том числе в виде необходимости соблюдения трудовых прав работников. Наиболее известен в этом отношении индикатор *Doing Business*, который ведется Всемирным банком²⁵. Вряд ли можно назвать случайным совпадением тот факт, что *Грузия* после принятия нового, состоящего из всего 55 статей Трудового кодекса, отменившего почти все трудовые права работников как «избыточные», заодно ликвидировавшая трудовые инспекции вообще, «взлетела» в индексе *Doing Business* со 112-го места в 2006 г. на 37-е в 2007 г. Сейчас эта страна находится в данном рейтинге уже на 6-м месте в мире, правда, эпитет «почетное» к этому высокому месту с учетом его социальной составляющей вряд ли применим.

²⁴ См. об этом подробнее: Лютов Н. Л. Социальные и трудовые отношения в условиях экономического кризиса: соблюдение баланса интересов // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 30—38 ; а также Adams Z., Bishop L., Deakin S., Fenwick C., Martinsson S., Rusconi G. Labour Regulation over Time: New Leximetric Evidence // Paper prepared for the 4th Conference of the Regulating for Decent Work Network, Developing and Implementing Policies for a Better Future for Work. ILO: Geneva. URL: http://www.rdw2015.org/uploads/submission/full_paper/382/labour_regulation_over_time_rdw.pdf; Adascalitei D., Morano C. P. Labour Market Reforms Since the Crisis: Drivers and Consequences, International Labour Office, Research Department. Geneva : ILO, 2015. Research Department working paper, No. 5. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_414588.pdf.

²⁵ См. анализ применимости этих и сходных индексов жесткости законодательства о защите занятости: Aleksynska M., Cazes S. Composite indicators of labour market regulations in a comparative perspective // IZA Journal of Labor Economics. 2016. Vol. 5, No. 3. Pp. 1—33 ; Aleksynska M., Cazes S. Comparing indicators of labour market regulations across databases: A post scriptum to the employing workers debate, International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. Geneva : ILO, 2014. Pp. 1—2.

Не является новостью, что снижение издержек за счет ослабления защиты работников путем как снижения объема трудовых прав, так и ухудшения контроля за соблюдением уже установленных трудовых стандартов провоцирует так называемую «гонку на дно» между развивающимися странами²⁶, направленную на подрыв социально-трудовых стандартов. В последнее время в литературе отмечается, что «гонка на дно» чаще проявляется не в виде лобового сокращения трудовых прав, закрепленных в трудовом законодательстве, а путем менее заметного ослабления контроля за его соблюдением²⁷.

Практически во всех рассматриваемых государствах можно найти структуры, лоббирующие и успешно осуществляющие дерегулирование системы трудовых инспекций под лозунгами снижения регуляторной нагрузки на бизнес. В такой «оптимизации» системы государственного контроля нередко принимают участие консультанты со стороны международных финансовых структур, а также частные компании. В некоторых случаях государственные органы осуществляют реформы системы трудовых инспекций самостоятельно, но с ориентацией на эти структуры, дающие рекомендации в отношении повышения инвестиционной привлекательности экономики соответствующих стран.

Так, например, в *Армении* Международная финансовая корпорация (IFC) — структура, аффилированная с Всемирным банком, с 2011 по 2018 г. осуществляла Проект по реформе ин-

вестиционного климата²⁸. В 2019 г. Всемирный банк в качестве одного из успехов данного проекта указал, что в *Армении* цель снижения регулятивной нагрузки в отношении бизнеса была «по большей части достигнута»²⁹. Этот «успех» не в последнюю очередь достигнут за счет того, что с декабря 2014 г. государственная инспекция труда в *Армении* была ликвидирована, а функции по контролю и надзору в сфере труда были возложены на Уполномоченный орган Правительства Республики *Армения* по вопросам обеспечения безопасности труда, причем вместо контроля за соблюдением трудового законодательства в целом в этой стране была сохранена лишь система контроля за нормами безопасности и гигиены труда, а количество проверок работодателей с 2012 по 2018 г. сократилось в 6,5 раз³⁰.

В *Молдове* та же самая Международная финансовая корпорация также инициировала проект по реформе инвестиционного климата³¹. В рамках этого проекта консалтинговая фирма Jacobs, Cordova & Associate провела исследование инспекционных и контрольных функций государственных органов с точки зрения интересов бизнеса в *Молдове*. Отчет этой фирмы был использован в качестве основания для реформирования системы трудовых инспекций в *Молдове*, приведшей к распылению функций по контролю за трудовым законодательством между 11 структурами вместо единой системы трудовых инспекций, существовавшей ранее.

²⁶ См.: Kelly J. E. *Industrial Relations: critical perspectives on business and management*. London and New York : Routledge, 2002. Pp. 192—193.

²⁷ Davies R. B., Vadlamannati K. C. A race to the bottom in labour standards? An empirical investigation // *Journal of Development Economics*. 2013. No. 103. Pp. 1—14.

²⁸ International Finance Corporation. World Bank Group and Armenia Cooperate to Reduce Administrative Barriers for Entrepreneurs // URL: <https://ifcextapps.ifc.org/ifcext/pressroom/ifcpressroom.nsf/0/8413036A7A0A92788525799E00479342?OpenDocument>.

²⁹ The World Bank Group. Report No. 123902-AM. Country Partnership Framework for the Republic of Armenia for the Period FY19—FY23 February 28, 2019. P. 70 // URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/523501552357219076/pdf/armenia-cpf-fy19-fy23-february-27-final-update-3-4-19-03062019-636876792405788612.pdf>.

³⁰ ILO: Labour Inspection Reform in the Countries from Eastern Europe and Central Asia (Unpublished, 2019).

³¹ World Bank. Moldova Investment Climate Reform Project No. 600467. Terms of Reference. Legal and Institutional Review of Inspection Functions/Official Controls in The Republic of Moldova // URL: <https://wbgeconsult2.worldbank.org/wbgeconsult/download?uuiid=0c22aca2-7ddf-4541-aed4-862517933692>.

Еще один пример дерегулирующих реформ с целью повышения экономической эффективности — *Кыргызская Республика*. В этой стране действует Совет по регуляторной реформе³², возглавляемый премьер-министром, сотрудничающий с Министерством экономики и получающий поддержку Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Указанный Совет предложил правительству страны отменить действующий закон об охране труда, основываясь на не соответствующей действительности посылке, что он, якобы, дублирует нормы Трудового кодекса Кыргызской Республики. Кроме того, этот орган предложил отменить целый ряд правовых актов, касающихся трудовых стандартов, как налагающих избыточные ограничения в отношении предпринимательской деятельности³³. Слияние трудовой инспекции Кыргызской Республики с другими контролирующими органами, существенное понижение ее статуса и ослабление возможностей было осуществлено в Кыргызстане в рамках идеологии односторонних и несбалансированных реформ, предлагаемых этим Советом.

Аналогичным образом в *Азербайджане* продление приостановки проверок, проводимых государственной инспекцией труда, на

период 2018—2021 гг. было осуществлено по инициативе Центра анализа экономических реформ и коммуникации. Центр создан на основании Указа Президента Азербайджанской Республики от 20 апреля 2016 г., а председателем его наблюдательного совета является помощник Президента по вопросам экономической политики и промышленности³⁴. Среди приоритетов Центра — продвижение Азербайджана в рейтинге *Doing Business*³⁵. Даже когда экономическое развитие рассматривается Центром через призму социального благосостояния, оно подается через неолиберальную призму — как повышение эффективности рынка труда. Например, одним из направлений такого повышения Центр рассматривает «поддержку перехода от пассивной социальной защищенности к активной самозанятости»³⁶. При этом тот факт, что такая «активная самозанятость» неразрывно связана с ростом неустойчивой занятости, так называемой прекарризацией труда³⁷, экспертами Центра явно не принимается в расчет.

В *Республике Таджикистан* мораторий на проверки, осуществляемые трудовыми инспекциями, демонстрируется в качестве одного из важных достижений Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным

³² Постановление Правительства Кыргызской Республики от 12.01.2015 № 4 «О реализации проекта по регулятивной реформе «Системный анализ регулирования» // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/97249?cl=ru-ru>.

³³ См. об этом подробнее: *Раманкулов К. С.* К вопросу о некоторых преобразованиях в области правового регулирования охраны труда (на примере Кыргызстана и России) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 4. С. 129—139; *Он же.* Проблемы трудового законодательства Кыргызской Республики в контексте современных реформ и международных трудовых стандартов // Там же. 2019. Т. 5. № 1. С. 103—120.

³⁴ См. информацию на сайте Центра. URL: http://ecoreform.az/pages/musahide_surasi-8.

³⁵ См.: Центр анализа экономических реформ и коммуникации. Обзор экономических реформ Азербайджана. Специальный выпуск о реформах отчета «*Doing Business*». Март 2018 г. // URL: http://ecoreform.az/store//media/documents/doing%20business/DOING_BUSINESS_ENG.pdf.

³⁶ Центр анализа экономических реформ и коммуникации. Экономика Азербайджана. Обзор экономических реформ. 2018. Р. 17 // URL: http://ecoreform.az/store//media/islakat_icmali/2018/dekabr/Islihat_avqust_RUS.pdf.

³⁷ См. об этом, например: *Бобков В. Н.* Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. № 2. С. 91—104; Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения : научная монография / кол. авт. ; под ред. В. Н. Бобкова. М. : Кнорус, 2018. 342 с.

имуществом Республики Таджикистан³⁸, подчиняющегося Правительству Таджикистана. Судя по всему, эта мера призвана продемонстрировать улучшение инвестиционного климата в стране, которое входит в число полномочий данного Государственного комитета³⁹. Однако эта мера вряд ли будет содействовать целям Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., среди которых заявлено, помимо прочего, снижение социального неравенства, расширение продуктивной занятости и содействие возвращению на родину граждан Республики Таджикистан, вынужденных работать за рубежом⁴⁰.

В *Российской Федерации* реформы, связанные с облегчением регуляторной нагрузки, включая деятельность инспекций труда, координируются Президентским советом по Стратегическому развитию и приоритетным проектам. Одной из ключевых структур, отвечавших до 2018 г. за снижение регуляторной нагрузки и коррупционной составляющей при проведении государственного контроля, в том числе в сфере труда, было «Открытое правительство». Его возглавлял предприниматель М. Абызов, в настоящее время сам обвиненный в коррупции и арестованный.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к тревожному выводу о том, что общий уровень трудовых инспекций в 10 рассматриваемых государствах в настоящее время можно оценить как недостаточный для эффективного исполнения возложенных на них функций и для того, чтобы требования Конвенций МОТ № 81 и 129

выполнялись в этих странах в полной мере. Несмотря на то что за исключением Узбекистана и Грузии все государства региона ратифицировали Конвенцию МОТ № 81, законодательство ни одного из этих государств в полной мере не соответствует требованиям этой Конвенции.

К сожалению, в подавляющем большинстве стран региона можно четко выявить тенденцию к деградации системы инспекций труда, осуществляемой под лозунгами защиты прав работодателей от регуляторной нагрузки, борьбы с коррупцией, бюджетной экономии.

Политика, направленная на ослабление системы трудовых инспекций, во-первых, подрывает возможности эффективной реализации закрепленных в законодательстве трудовых прав работников, а зачастую приводит к угрозе жизни и здоровью людей и, во-вторых, наносит ущерб перспективам долгосрочного устойчивого социального и экономического развития рассматриваемых государств.

К мерам, направленным на ослабление деятельности трудовых инспекций, можно отнести те, которые находятся в прямом противоречии с требованиями Конвенций МОТ об инспекции труда № 81 и 129. Среди таких мер можно выделить:

- полную отмену системы инспекций как таковых;
- временный мораторий на проведение инспекционных проверок;
- ограничение предмета проверок только вопросами соблюдения норм безопасности и гигиены труда;
- установление в законодательстве обязательного требования о предупреждении работодателя со стороны инспекции о проводимой проверке;

³⁸ См. сайт Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан. URL: http://ijozat.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=295&Itemid=4&lang=ru.

³⁹ См.: Положение о Государственном комитете по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан, утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28.12.2006 № 590. П. 4 // URL: <https://investcom.tj/ru/aboutcom/96-polozhenie.html>.

⁴⁰ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. Утверждена постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 01.12.2016 № 636 // URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/taj170774.pdf>.

- введение в законодательство обязанности инспекции согласовывать проверку с иными государственными органами (прокуратурой, судами и др.);
- установление в качестве обязательного условия проверки трудовой инспекцией наличия жалоб со стороны работников;
- ослабление роли централизованного управления системой инспекций путем территориальной децентрализации и институционального раздробления служб инспекций;
- неисполнение в законодательстве требования Конвенций № 81 и 129 о том, что инспекторы труда должны обладать статусом государственных служащих, статус и условия работы которых обеспечивают стабильность занятия ими должности и делают их независимыми от любых изменений в правительстве или любого неправомерного внешнего влияния.

Меры, которые сами по себе не противоречат требованиям конвенций об инспекции труда, но их расширенное применение, особенно в комплексе с другими мерами, несет риски нарушения конвенций и снижения эффективности трудовых инспекций, включают:

- сокращение количества трудовых инспекторов, выделяемых им для работы ресурсов и количества проводимых проверок;
- реорганизация инспекций с целью «оптимизации» государственного управления, в результате которой или функции инспекций распределяются между большим количеством непрофильных государственных структур, или инспекция присоединяется к другим контрольным органам таким образом, что функции и структура инспекций становятся настолько непрозрачными и сложными, что это существенно затрудняет обращение работников в инспекции с жалобами;
- установление максимального срока проводимых инспекциями проверок, который может

быть настолько коротким, что не даст возможности провести эффективную проверку работодателя;

- установление «каникул», освобождающих вновь зарегистрированных работодателей от проверок государственных инспекций труда в течение определенного срока с момента регистрации;
- применение риск-ориентированного подхода к инспекции труда таким образом, что существенное количество или даже большинство работодателей в стране в принципе выводится из сферы охвата проверками либо проверяется крайне редко.

Всем рассматриваемым в статье государствам следовало бы пересмотреть указанные меры и ограничения и выработать план действий в отношении повышения эффективности контроля за соблюдением трудовых прав, сопровождаемый конкретными целевыми показателями. Эти показатели должны быть связаны не с количеством актов о привлечении работодателей к административной или уголовной ответственности, а с улучшением ситуации в отношении производственного травматизма и профессиональных заболеваний населения, а также общим уровнем удовлетворенности работников в отношении защиты их трудовых прав. Представляется также, что государственные власти стран региона изолированно не смогут наладить эффективный контроль за соблюдением трудового законодательства, соответствующий требованиям Конвенций МОТ об инспекции труда: для полноценной реализации их положений власти необходимо осуществлять и реальные, а не формальные консультации с социальными партнерами, прежде всего с профсоюзами⁴¹, заинтересованными в повышении эффективности работы трудовых инспекций, и осуществлять международное сотрудничество как с МОТ, так и с другими государствами региона, которые сталкиваются со сходными вызовами⁴².

⁴¹ См. об этом: Лушников А. М., Лушникова М. В. Охрана труда и трудовая инспекция (надзор) : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2014. С. 193.

⁴² *García-Muñoz Alhambra M. A., ter Haar B., Kun A. Harnessing Public Institutions for Labour Law Enforcement: Embedding a Transnational Labour Inspectorate within the ILO // International Organization's Law Review, 2019. Forthcoming.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобков В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. — 2019. — № 2. — С. 91—104.
2. Ерёмкин В. А., Барина В. А. Зачем нужно реформировать государственный контроль и надзор в сфере труда в России? // Вопросы управления. — 2016. — № 6. — С. 48—57.
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Охрана труда и трудовправовой контроль (надзор) : научно-практическое пособие. — М. : Проспект, 2014. — 248 с.
4. Люттов Н. Л. Социальные и трудовые отношения в условиях экономического кризиса: соблюдение баланса интересов // Журнал российского права. — 2016. — № 1 (229). — С. 30—38.
5. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения : научная монография / кол. авт. ; под ред. В. Н. Бобкова. — М. : Кнорус, 2018. — 342 с.
6. Раманкулов К. С. К вопросу о некоторых преобразованиях в области правового регулирования охраны труда (на примере Кыргызстана и России) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 129—139.
7. Раманкулов К. С. Проблемы трудового законодательства Кыргызской Республики в контексте современных реформ и международных трудовых стандартов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 103—120.
8. Шестьдесят процентов казахстанских предпринимателей освобождено от проверок // Zakon.kz. — URL: <https://www.zakon.kz/4680043-60-kazakhstanskikh-predprinimatelej.html>.
9. Adams Z., Bishop L., Deakin S., Fenwick C., Martinsson S., Rusconi G. Labour Regulation over Time: New Leximetric Evidence // Paper prepared for the 4th Conference of the Regulating for Decent Work Network, Developing and Implementing Policies for a Better Future for Work. — Geneva : ILO. — URL: http://www.rdw2015.org/uploads/submission/full_paper/382/labour_regulation_over_time_rdw.pdf.
10. Adascalitei D., Morano C. P. Labour Market Reforms Since the Crisis: Drivers and Consequences, International Labour Office, Research Department. — Geneva : ILO, 2015. Research Department working paper, No. 5. — URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_414588.pdf.
11. Aleksynska M., Cazes S. Composite indicators of labour market regulations in a comparative perspective // IZA Journal of Labor Economics. — 2016. — Vol. 5. — No. 3. — Pp. 1—33.
12. Aleksynska M., Cazes S. Comparing indicators of labour market regulations across databases: A post scriptum to the employing workers debate, International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. — Geneva : ILO, 2014. — Pp. 1—28.
13. Davies R. B., Vadlamannati K. C. A race to the bottom in labour standards? An empirical investigation // Journal of Development Economics. — 2013. — № 103. — Pp. 1—14.
14. García-Muñoz Alhambra M. A., ter Haar B., Kun A. Harnessing Public Institutions for Labour Law Enforcement: Embedding a Transnational Labour Inspectorate within the ILO // International Organization's Law Abstract. 2019. Forthcoming.
15. Kelly J. E. Industrial Relations: critical perspectives on business and management. — London and New York : Routledge, 2002.
16. Radical cuts to labour inspectorates a 'serious mistake' — ILO Director-General, Guy Ryder, warned of the negative consequences of radical reforms to labour inspectorates, in a speech to the conference of the Regional Alliance of Labour Inspections of the Commonwealth of the Independent States and Mongolia // ILO site. 23 April 2019. — URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_697175/lang--en/index.htm.
17. Tchanturidze G. Abolition of Labour Inspection in Georgia. Consequences for Workers and the Economy. September 2018. Friedrich Ebert Stiftung, 2018. — URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?langId=en&docId=20181&>.

Материал поступил в редакцию 22 июля 2019 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00517. Автор выражает глубокую благодарность И. В. Войтковской (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия), М. Ю. Гасанову (Ташкентский государственный юридический университет, Узбекистан), Е. С. Калинкиной (НИУ ВШЭ, Россия), К. С. Раманкулову (Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Кыргызстан), Г. А. Сарибекяну (Российско-Армянский университет, Армения), З. Швелидзе (Тбилисский государственный университет, Грузия), М. Х. Хасенову (Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Казахстан) за неоценимую помощь в сборе и обобщении информации, легшей в основу этой статьи.

LABOR INSPECTIONS IN POST-SOVIET STATES: DEGRADATION FOR THE SAKE OF THE MYTH ABOUT ECONOMIC EFFICIENCY?

Nikita L. Lyutov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labor Law and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Extraordinary Professor at the School of Industrial Psychology and Human Resource Management, North-West University (Potchefstroom, South Africa)

nlljutov@msal.ru

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. *The paper discusses the policy to limit the powers and resources allocated to labor inspectorates in 10 post-Soviet states (Armenia, Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia, Tajikistan, Uzbekistan and Ukraine). This policy is carried out under the slogans of protecting businesses from excessive regulatory burden and attracting investment. The aim of the study is to determine the extent of restrictions and trends in the development of legislation and law enforcement practices of these states in this regard. The objectives of the study are to identify specific limitations enshrined both in regulatory legal acts and in the practical activities of state bodies and non-state structures in these states.*

The methodology includes both the study of legal acts, and communication with experts in the countries of the region, as well as field surveys involving participants in labor relations and social partners.

The study reveals a significant number of restrictions, some of which are in direct conflict with the requirements of the ILO priority conventions on labor inspection. Some, although not in direct contradiction with them, in combination with other restrictions and the specific approach to their application in practice, destroy the efficiency of the working conditions of workers inspection.

Among the most important restrictions of labor inspections are: limiting the subject of inspections only to issues of compliance with safety and health standards; establishing in the legislation of a mandatory requirement to warn the employer on the part of the inspection about the inspection being carried out and / or the obligation of the inspection to coordinate the inspection with other state bodies (prosecutors, courts, etc.); establishing the occurrence of workers' complaints as a prerequisite for the labor inspectorate, etc.

Keywords: *labor inspections, international labor standards, control over the legislation application, International Labor Organization, legislation reform.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bobkov V. N. Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i napravleniya snizheniya // Narodonaselenie. — 2019. — № 2. — S. 91—104.
2. Eryomkin V. A. Barinova V. A. Zachem nuzhno reformirovat' gosudarstvennyj kontrol' i nadzor v sfere truda v Rossii? // Voprosy upravleniya. — 2016. — № 6. — S. 48—57.

3. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Ohrana truda i trudopravovoj kontrol' (nadzor) : nauchno-prakticheskoe posobie*. — M. : Prospekt, 2014. — 248 s.
4. Lyutov N. L. Social'nye i trudovye otnosheniya v usloviyah ekonomicheskogo krizisa: soblyudenie balansa interesov // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2016. — № 1 (229). — S. 30—38.
5. Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, ocenivanie i vektor sokrashcheniya : nauchnaya monografiya / kol. avt. ; pod red. V. N. Bobkova. — M. : Knorus, 2018. — 342 s.
6. Ramankulov K. S. K voprosu o nekotoryh preobrazovaniyah v oblasti pravovogo regulirovaniya ohrany truda (na primere Kyrgyzstana i Rossii) // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. — 2017. — T. 3. — № 4. — S. 129—139.
7. Ramankulov K. S. Problemy trudovogo zakonodatel'stva kyrgyzskoj respubliki v kontekste sovremennyh reform i mezhdunarodnyh trudovyh standartov // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. — 2019. — T. 5. — № 1. — S. 103—120.
8. Shest'desyat procentov kazahstanskikh predprinimatelej osvobozhdeno ot proverok // *Zakon.kz*. — URL: <https://www.zakon.kz/4680043-60-kazahstanskikh-predprinimatelejj.html>.
9. Adams Z., Bishop L., Deakin S., Fenwick C., Martinsson S., Rusconi G. *Labour Regulation over Time: New Leximetric Evidence* // Paper prepared for the 4th Conference of the Regulating for Decent Work Network, Developing and Implementing Policies for a Better Future for Work. — Geneva : ILO. — URL: http://www.rdw2015.org/uploads/submission/full_paper/382/labour_regulation_over_time_rdw.pdf.
10. Adascalitei D., Morano C. P. *Labour Market Reforms Since the Crisis: Drivers and Consequences*, International Labour Office, Research Department. — Geneva : ILO, 2015. Research Department working paper, No. 5. — URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_414588.pdf.
11. Aleksynska M., Cazes S. *Composite indicators of labour market regulations in a comparative perspective* // *IZA Journal of Labor Economics*. — 2016. — Vol. 5. — No. 3. — Pp. 1—33.
12. Aleksynska M., Cazes S. *Comparing indicators of labour market regulations across databases: A post scriptum to the employing workers debate*, International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. — Geneva : ILO, 2014. — Pp. 1—28.
13. Davies R. B., Vadlamannati K. C. *A race to the bottom in labour standards? An empirical investigation* // *Journal of Development Economics*. — 2013. — № 103. — Pp. 1—14.
14. García-Muñoz Alhambra M. A., ter Haar B., Kun A. *Harnessing Public Institutions for Labour Law Enforcement: Embedding a Transnational Labour Inspectorate within the ILO* // *International Organization's Law Abstract*. 2019. Forthcoming.
15. Kelly J. E. *Industrial Relations: critical perspectives on business and management*. — London and New York : Routledge, 2002.
16. *Radical cuts to labour inspectorates a 'serious mistake'* — ILO Director-General, Guy Ryder, warned of the negative consequences of radical reforms to labour inspectorates, in a speech to the conference of the Regional Alliance of Labour Inspections of the Commonwealth of the Independent States and Mongolia // ILO site. 23 April 2019. — URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_697175/lang--en/index.htm.
17. Tchanturidze G. *Abolition of Labour Inspection in Georgia. Consequences for Workers and the Economy*. September 2018. Friedrich Ebert Stiftung, 2018. — URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?langId=en&docId=20181&>.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-18-00517. The author wishes to express his deep and sincere appreciation and gratitude to I.V. Voitkovskaya (Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia), M. Yu. Gasanov (Tashkent State Law University, Uzbekistan), E.S. Kalinkina (NRI Higher School of Economics, Russia), K. S. Ramankulov (Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Kyrgyzstan), G. A. Saribekyan (Russian-Armenian University, Armenia), Z. Shvelidze (Tbilisi State University, Georgia), M. Kh. Khasenov (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan) for their invaluable help and assistance in collection and integration of the information that has formed the basis of this paper.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

А. Н. Калюжный*

Использование корреляционных зависимостей между личностными свойствами преступников и потерпевших в установлении обстоятельств совершения посягательств, направленных на свободу личности

***Аннотация.** Данные криминалистической характеристики преступлений образуют относительно устойчивую, взаимосвязанную систему. Наличие одного ее элемента позволяет с высокой вероятностью утверждать о наличии другого, этим обусловлена необходимость исследования корреляционных связей между элементами. Анализ данных криминалистической характеристики посягательств на свободу личности выявил наличие в контактах потерпевших и преступников характерных взаимосвязей, образующих значимые для расследования этих преступлений обстоятельства. Обосновывается, что данные о личности потерпевшего от посягательств на свободу личности выступают мотивационной основой совершения исследуемых преступлений, детерминируя механизм преступного поведения виновных; проводится классификация жертв анализируемых преступлений: предполагающих эксплуатацию потерпевших и не предполагающих эксплуатацию потерпевших — и обосновываются социально-демографические, нравственно-психологические и биологические свойства личности потерпевших, характерные для каждой из выделенных групп. Дается классификация личностных свойств преступников, посягающих на свободу личности, — «похитителей», «работодателей» и «зачетчиков» — и исследуется качественное своеобразие личностных свойств каждой группы. Для обоснования корреляционных зависимостей преступников и потерпевших анализируются материалы судебной практики, делаются выводы и подводятся итоги исследования.*

***Ключевые слова:** посягательства на свободу личности, корреляция данных, криминалистическая характеристика, личностные свойства, преступник, потерпевший, расследование преступлений, классификация, взаимосвязи преступников и их жертв.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.107-113

© Калюжный А. Н., 2019

* Калюжный Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России (г. Орел)

kaluzniy-a-n@yandex.ru

302034, Россия, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35

Расследование посягательств на свободу личности немислимо без опоры на достижения криминалистической науки и исследования материалов судебно-следственной практики, синтезом которых является криминалистическая характеристика преступлений, выступающая информационной моделью анализируемых преступных посягательств.

Данные криминалистической характеристики посягательств на свободу личности образуют в своей совокупности организованную, упорядоченную систему¹, изменение содержания одного из элементов которой приводит к воздействию на остальные, что предполагает исследование корреляционных связей между данными криминалистической характеристики и выявление закономерностей, позволяющих обоснованно предполагать направления установления обстоятельств совершения исследуемых преступлений.

Не образуя обособленного элемента криминалистической характеристики преступлений, корреляционные связи между ее данными позволяют установить возникающие взаимосвязи², и при наличии одного из элементов с вероятностью можно утверждать о наличии другого. Тем самым исследование содержания и характера корреляций данных криминалистической характеристики посягательств на свободу личности позволяет обосновать их место в структуре информационной модели рассматриваемых преступлений, выявив способность одного элемента влиять на содержание другого.

Анализ данных криминалистической характеристики посягательств на свободу личности свидетельствует о наличии характерных взаимосвязей в контактах потерпевших и преступников, образуя имеющие значение для расследования исследуемых преступлений обстоятельства³. Взаимодействие фигурантов преступления представляет криминалистический интерес, определяя выбор преступником обстановки и способа совершения исследуемых посягательств, а также обуславливая оставленные им следы⁴.

Корреляционная зависимость преступника и потерпевшего проявляется прежде всего в том, что последний выступает средством достижения преступного результата, направленного в 80 % изученных нами уголовных дел⁵ на улучшение своего материального положения, незаконное обогащение и реализацию иных корыстных побуждений. Вместе с тем потерпевший характеризуется наличием конкретных свойств (инвалидность, молодость, социальная обеспеченность и т.п.), определяющих совершение в отношении него преступных посягательств на свободу личности. Таким образом, именно личность потерпевшего является одним из центральных элементов криминалистической характеристики посягательств на свободу личности, данные о которой выступают мотивационной основой совершения исследуемых преступлений, детерминируя механизм преступного поведения виновных⁶.

Проведенное исследование посягательств на свободу личности позволило нам условно

¹ *Баринев С. В.* Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступные нарушения неприкосновенности частной жизни // *Актуальные проблемы российского права.* 2018. № 1 (86). С. 143.

² *Антонов О. Ю.* Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // *Актуальные проблемы российского права.* 2018. № 9 (94). С. 165.

³ *Грибунов О. П.* Личностный аспект характеристики преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, и взаимосвязь преступника и жертвы // *Юрист-правовед.* 2015. № 3 (70). С. 56.

⁴ *Лаврухин С. В.* Криминалистическая концепция механизма поведения преступника // *Библиотека криминалиста.* 2015. № 3 (20). С. 257.

⁵ Автором были изучены материалы 320 архивных уголовных дел о посягательствах на свободу личности, предусмотренных ст. 126—128 УК РФ, в 24 субъектах Российской Федерации.

⁶ *Акчурун А. В.* Осужденный как источник криминалистически значимой информации // *Библиотека криминалиста.* 2015. № 6 (23). С. 189—190.

разделить все составы анализируемых преступлений на две группы:

- а) предполагающие эксплуатацию потерпевших — торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ);
- б) не предполагающие эксплуатацию потерпевших — похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ).

Взаимосвязь потерпевших и преступников первой группы обусловлена личностными свойствами будущих жертв, предопределяющими выбор преступников: как правило, лица женского пола — 84,8 %, молодого возраста (до 25 лет) — 77,2 %, со средним уровнем образования — 71,2 %, не имеющие постоянного источника дохода — 40,9 %. Виктимность личностных свойств потерпевших по делам данной категории возрастает в связи с присущими им криминогенными факторами, среди которых: доверчивость, социальная незащищенность потерпевших, антиобщественный образ жизни, отсутствие постоянного места работы и другие, провоцирующие виновных на совершение преступлений.

Например, О. Н. Павлюк из корыстной заинтересованности, выражающейся в стремлении получить материальную выгоду от использования занятия проституцией другими лицами, путем злоупотребления доверием, обмана, обещаний и уговоров, под предлогом трудоустройства сроком на три месяца с высоким денежным заработком (более 100 долл. за один день работы) склонила Е. А. Русинову к даче согласия на поездку в Грецию для работы в одном из баров, с целью занятия «консумацией» — составление компании посетителям клубов и баров для того, чтобы вызвать у них желание заказывать

больше спиртных, прохладительных напитков и еды. Завербовав потерпевшую, О. Н. Павлюк осуществила ее продажу соучастникам в Греции, зная, что Е. А. Русинова попадет в долговую кабалу и вынуждена будет отрабатывать деньги, затраченные на приобретение ей проездных билетов, оказанием сексуальных услуг⁷.

Значительное влияние на положительный результат при вербовке и последующей продаже жертвы оказала корреляционная зависимость ее личностных свойств со свойствами преступника: чрезмерная уверенность и наглость; упрощенное восприятие социальных норм; невысокий уровень морально-нравственной цензуры; высокие коммуникативные и психологические способности; отсутствие постоянных источников дохода и др.

Превалирование потерпевших-женщин в исследуемой группе посягательств на свободу личности объясняется возможностью их эксплуатации в секс-индустрии, в то время как мужчины наиболее востребованы в строительном бизнесе или иных видах работ, предусматривающих применение физической силы.

Неочевидность корреляционных связей преступников и их жертв нацеливает субъекты расследования на выявление личностных свойств фигурантов дела, анализ которых позволяет ограничить круг виновных, установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и изобличить преступников.

Корреляционная зависимость потерпевших и преступников второй группы также обусловлена личностными свойствами будущих жертв: работающие мужчины — 85,6 %, возрастная категория от 25 до 45 лет — 73,2 %, имеющие стабильное материальное положение. Виктимность личностных свойств потерпевших по делам данной категории возрастает в связи с присущими им криминогенными факторами, среди которых: материальная обеспеченность потерпевших и их родственников; социальная

⁷ Приговор Амурского городского суда Хабаровского края по уголовному делу № 1-98/2013 по обвинению Павлюк О. Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г», «д», «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ // ГАС «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=09f7b8d9120c8ea7bb21_9a0e75b1507a&shard=Уголовные%20дела&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p (дата обращения: 28.09.2018).

защищенность жертв или их родственников; наличие дорогостоящей собственности; одинокий образ жизни; злоупотребление алкоголем и другие критерии, выделяющие их из общей массы населения. Взаимосвязи преступников с анализируемой группой жертв более очевидны, поскольку обусловлены характером родства или знакомства жертвы с преступником или его окружением.

Проведенный анализ посягательств на свободу личности свидетельствует, что взаимосвязь преступника и потерпевшего предопределена не только личностными свойствами жертвы, но и личностными свойствами самих виновных, выстраивающих образ виктимности жертвы⁸. Исследование личностных свойств преступников позволяет выявить их корреляционные связи с другими элементами криминалистической характеристики, установив обстоятельства, имеющие значение для дела, поскольку личность преступника обоснованно считают творцом «события преступления»⁹.

Характерные особенности личностных свойств преступников, посягающих на свободу личности, предполагают их классификацию на три группы: «похитители», «рабовладельцы» и «заточители», обладающие качественным своеобразием их личностных свойств.

«Похитителями» выступают субъекты преступной деятельности, совершающие такие посягательства на свободу личности, как похищение человека и незаконное лишение свободы (ст. 126—127 УК РФ). Корреляционная связь преступника и жертвы проявляется в личностных свойствах преступников, которыми являются лица мужского пола — 84,4 %, получившие среднее образование — 78,6 %, не имеющие пост-

янного места работы — 72,2 %, умысел которых направлен на незаконное вознаграждение путем предъявления требований к родственникам или друзьям жертвы. Высокий удельный вес безработных среди преступников данной группы объясняется социально-экономической ситуацией в стране, а также необходимостью свободного времени для контроля за процессом лишения свободы потерпевшего.

Взаимосвязь «похитителей» и жертвы определяется и их знакомством с потерпевшим, его родственниками, соседями, знакомыми, в силу чего они осведомлены о материальном и социальном положении своих жертв и их родственников, что обуславливает корыстный мотив в 80 % изученных нами уголовных дел.

Например, Н. А. Малиновская, действуя из корыстных побуждений, вступила в преступный сговор с лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, на совершение незаконного лишения свободы И. И. Прохоровой с целью выдвигания к ней требований о передаче денежных средств в размере 1 000 000 руб. Разработав план и распределив роли, Н. А. Малиновская под обманном предлогом демонстрации квартиры и организации дальнейшей продажи встретила с потерпевшей и перевезла ее в квартиру, где совместно с лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, незаконно удерживали, применяя физическое насилие и требуя от последней передать им денежные средства в размере 1 000 000 руб.¹⁰ Материалы уголовного дела свидетельствуют, что И. И. Прохорова и Н. А. Малиновская неоднократно встречались с целью купли-продажи квартиры и последняя понимала, что потерпев-

⁸ Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 111.

⁹ Скориков Д. Г., Шувалов Н. В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практики. 2016. № 2 (36). С. 151.

¹⁰ Приговор Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга по уголовному делу № 1-197/2011 по обвинению Малиновской Н. А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «в» ч. 2 ст. 127, п. «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ // ГАС «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=e7aa898919075bb779309218499f189c&shard=Уголовные%20дела&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p (дата обращения: 28.09.2018).

шая располагает денежными средствами, что выступило ключевым фактором в совершении преступления и выборе жертвы.

Указанные особенности свойств личности преступника и потерпевшего должны нацеливать субъекты расследования на круг лиц, причастность которых необходимо отработать, составляя в совокупности с другими элементами криминалистической характеристики систему корреляционных связей преступников и потерпевших по посягательствам на свободу личности.

При расследовании преступных деяний, предусмотренных ст. 127.1 «Торговля людьми» и ст. 127.2 «Использование рабского труда» УК РФ, субъекты расследования должны обращать внимание на связи жертв с «рабовладельцами», составляющими около 5 % от общего количества преступников, посягающих на свободу личности и имеющих характеризующие их свойства личности. Специфическими свойствами данной группы выступает преобладание организованного характера преступной деятельности¹¹, направленного на эксплуатацию (более характерно сексуальную) жертвы преступниками или иными лицами.

Гендерный признак личности преступников данной группы распределился с небольшим перевесом в сторону мужчин — 57 % против 43 % женщин, что обусловлено спецификой преступлений данной группы и преимущественной эксплуатацией жертв в сексуальной индустрии. Изучение дел данной категории указывает на более высокий уровень образования преступников данной категории: 47,5 % из них имели высшее образование и 67,5 % были задействованы на работе.

Связь данной группы преступников с жертвами проявляется и в работе большинства преступников в организациях, осуществляющих незаконную эксплуатацию потерпевших или являющихся посредниками в этом: брачные и туристические агентства, бани и сауны, фир-

мы, предоставляющие услуги по поиску работы и т.п., в которые непосредственно обращались потерпевшие, будучи вовлеченными в механизм преступления.

Из всех посягательств на свободу личности менее 1 % составляют «заточители», которыми выступают лица, совершающие незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ). Как и в ранее проанализированных нами группах посягательств на свободу личности, корреляционные связи преступников и потерпевших характеризуются местом и временем совершения исследуемых преступлений, а также их личностными свойствами.

Среди исследуемых преступников преобладают лица женского пола — 82 %, что обусловлено особенностями сферы деятельности — психиатрией. «Заточители» имеют высшее образование, являясь врачами, возрастной категории от 30 до 50 лет — 76 % по изученным нами делам, со 100 % выраженной корыстной заинтересованностью. Взаимосвязь преступников и потерпевших по делам данной категории проявляется через родных и родственников жертв данных преступлений, желающих вступить в наследство, распорядиться их имуществом, снять с себя бремя заботы и опеки.

Подводя итоги прямых и обратных связей потерпевших и преступников по посягательствам на свободу личности, отметим, что интерес их криминалистического изучения обусловлен: а) личностными свойствами рассматриваемых субъектов, обуславливающих виктимологическую зависимость друг от друга; б) выбором способа совершения преступлений и обстановкой его совершения; в) вносимыми ими изменениями в окружающую обстановку и оставленными ими следами; г) определением направлений расследования, позволяющих получить криминалистически значимую информацию.

¹¹ Шруб М. П. Механизм совершения преступлений в сфере криминальной торговли женщинами для сексуальной эксплуатации // Государственно-правовое строительство в Республике Беларусь в контексте европейских правовых процессов : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 20—21 марта 2004 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред. И. В. Гущин. Гродно, 2004. Ч. 2. С. 153.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акчурин А. В. Осужденный как источник криминалистически значимой информации // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 6 (23). — С. 187—192.
2. Антонов О. Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9 (94). — С. 161—170.
3. Баринов С. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступные нарушения неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1 (86). — С. 142—150.
4. Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 256 с.
5. Грибунов О. П. Личностный аспект характеристики преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, и взаимосвязь преступника и жертвы // Юрист-правовед. — 2015. — № 3 (70). — С. 56—60.
6. Лаврухин С. В. Криминалистическая концепция механизма поведения преступника // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 3 (20). — С. 255—266.
7. Скориков Д. Г., Шувалов Н. В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 2 (36). — С. 149—153.
8. Телешова Л. В. Взаимосвязь особенностей личности серийного убийцы с выбором жертвы // Викимология. — 2016. — № 2 (8). — С. 12—15.
9. Шруб М. П. Механизм совершения преступлений в сфере криминальной торговли женщинами для сексуальной эксплуатации // Государственно-правовое строительство в Республике Беларусь в контексте европейских правовых процессов : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 20—21 марта 2004 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред. И. В. Гуцин. — Гродно, 2004. — Ч. 2. — С. 152—156.

Материал поступил в редакцию 4 января 2019 г.

**USE OF CORRELATION DEPENDENCIES BETWEEN CRIMINALS' AND VICTIMS' PERSONALITIES
IN ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF THE ENCROACHMENT ON PERSONAL FREEDOM**

Aleksandr N. Kalyuzhnyy, Cand. of Sci. (Law), Docent, Officer of the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Oryol)
kaluzniy-a-n@yandex.ru
ul. Priborostroitel'naya, d. 35, Orel, Russia, 302034

Abstract. *The forensic characteristics of crimes form a relatively stable, interconnected system. The presence of one of its elements makes it possible to state the presence of another one. This necessitates the study on correlation relationships between the elements. The analysis of the data on forensic characteristics of encroachment on personal freedom revealed that between victims and criminals there are specific relationships that form significant circumstances for the investigation of these crimes. It is substantiated that data on the identity of the victim of encroachment on personal freedom are the motivational basis for the commission of the investigated crimes, determining the mechanism of criminal behavior of the perpetrators. The author gives classification of victims of the analyzed crimes: those involving the exploitation of victims and not involving exploitation of the victims. Socio-demographic, moral, psychological and biological traits of victims' personality distinctive of each of the identified groups are substantiated. The classification of the personality traits of criminals encroaching on personal freedom,*

i.e. “captors,” “slave owners,” and “imprisoners,” is given; the qualitative uniqueness of the personality traits of each group is investigated. To justify the correlation dependencies of criminals and victims, the materials of court practice are analyzed, conclusions are drawn and the results of the study are summarized.

Keywords: *encroachment on personal freedom, data correlation, forensic characteristics, personality traits, offender, victim, investigation of crimes, classification, relationships of criminals and their victims.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akchurin A. V. Osuzhdennyj kak istochnik kriminalisticheski znachimoj informacii // Biblioteka kriminalista. — 2015. — № 6 (23). — S. 187—192.
2. Antonov O. Yu. Kriminalisticheskaya struktura vzaimosvyazannyh vidov prestuplenij: sodержanie, klassifikaciya i ispol'zovanie v celyah razrabotki kompleksnyh metodik rassledovaniya prestuplenij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 9 (94). — S. 161—170.
3. Barinov S. V. Kriminalisticheskaya harakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupnye narusheniya neprikosновенности chastnoj zhizni // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 1 (86). — S. 142—150.
4. Bessonov A. A. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2016. — 256 s.
5. Gribunov O. P. Lichnostnyj aspekt harakteristiki prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemyh na transporte, i vzaimosvyaz' prestupnika i zhertvy // Yurist-pravoved. — 2015. — № 3 (70). — S. 56—60.
6. Lavruhin S. V. Kriminalisticheskaya koncepciya mekhanizma povedeniya prestupnika // Biblioteka kriminalista. — 2015. — № 3 (20). — S. 255—266.
7. Skorikov D. G., Shuvalov N. V. Lichnost' prestupnika i lichnost' poterpevshego kak vzaimosvyazannye elementy kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij ekstremistkoj napravlenosti // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktiki. — 2016. — № 2 (36). — S. 149—153.
8. Teleshova L. V. Vzaimosvyaz' osobennostej lichnosti serijnogo ubijcy s vyborom zhertvy // Viktimologiya. — 2016. — № 2 (8). — S. 12—15.
9. Shrub M. P. Mekhanizm soversheniya prestuplenij v sfere kriminal'noj trgovli zhenshchinami dlya seksual'noj ekspluatatsii // Gosudarstvenno-pravovoe stroitel'stvo v Respublike Belarus' v kontekste evropejskih pravovyh processov : materialy Mezhdunar. nauch. konf., Grodno, 20—21 marta 2004 g. : v 2 ch. / Grodn. gos. un-t ; otv. red. I. V. Gushchin. — Grodno, 2004. — Ch. 2. — S. 152—156.

В. С. Соловьев*,
М. Н. Урда**

Значение сети Интернет в детерминации незаконной миграции и миграционных преступлений

Аннотация. Цель статьи — выявление корреляции между незаконной миграцией, миграционными преступлениями и использованием интернет-ресурсов. Контент-анализ рекламных сайтов, социальных сетей в сочетании с другими методами исследования выявил активное продвижение в виртуальном пространстве услуг, способствующих незаконной миграции, и широкий спрос на них. По результатам исследования авторами разработаны следующие предложения по совершенствованию мер противодействия незаконной миграции в Глобальной сети. 1. Стратегически важным направлением противодействия незаконной миграции должна стать корректировка миграционной политики государства посредством установления корреляции между этим феноменом и использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий для организации и развития криминального бизнеса по оказанию услуг по обеспечению незаконных въезда, пребывания (проживания), фиктивной регистрации, постановки на миграционный учет и др. 2. Противодействие незаконной миграции в киберпространстве должно осуществляться на основе комплексного подхода. С позиции уголовного права необходимо дополнение ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за квалифицированный состав организации незаконной миграции, признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)». С позиции криминологии — выявление и фиксирование реальной обусловленности развития незаконной миграции, миграционных преступлений и использования сети Интернет для их совершения; совершенствование статистической отчетности о преступности посредством включения в отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, сведений об организации незаконной миграции, совершенной с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Ключевые слова: внутренняя и внешняя миграция, миграционные преступления, противодействие незаконной миграции, интернет-ресурсы, киберпространство, информационно-телекоммуникационная среда.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.114-122

© Соловьев В. С., Урда М. Н., 2019

* Соловьев Владислав Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России
vladsolovyev@mail.ru

350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128

** Урда Маргарита Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета
urda.ru@rambler.ru

305040, Россия, г. Курск, 50 лет Октября, д. 94

Процессы информатизации общественных отношений неминуемо привели к тому, что информационные технологии стали использоваться при совершении преступлений. Исключением не стали и деяния, связанные с незаконной миграцией. К сожалению, криминологическая наука, призванная реагировать на криминальную пораженность отдельных социальных сфер, не связывает корреляционной зависимостью явление незаконной миграции с процессами, происходящими в информационно-телекоммуникационной среде. В диссертациях последних лет, где исследовались криминологические аспекты незаконной миграции, нет ни слова об использовании коммуникационных возможностей сети Интернет для совершения миграционных преступлений¹. Индифферентным отношением к этой проблеме характеризуется и современная государственная политика. Ни Концепцией государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, ни пришедшей на смену ей Концепцией государственной миграционной политики РФ на 2019—2025 годы, утвержденной Указом Президента РФ 31 октября 2018 г. № 622², не определяется необходимость принятия мер

противодействия незаконной миграции в информационно-телекоммуникационной среде. В Стратегии национальной безопасности России 2015 г. также отсутствует взаимосвязь и взаимообусловленность этих явлений³.

Между тем исследование информационного пространства сети Интернет позволило выявить корреляцию незаконной миграции и миграционных преступлений с использованием Глобальной сети. Контент-анализ рекламных сайтов, социальных сетей в сочетании с другими методами исследования выявил активное продвижение в виртуальном пространстве «услуг», способствующих незаконной миграции, и широкий спрос на них⁴.

Многие сайты содержат предложения по фиктивной постановке на миграционный и регистрационный учет, а также иные «услуги» по организации незаконного въезда и пребывания иностранных граждан (лиц без гражданства) на территории РФ. Их исследование позволило сделать ряд криминологически значимых наблюдений.

Первое наблюдение касается масштабов поиска информации, связанной как с внешней, так и внутренней миграцией в сети Интернет⁵.

¹ Ахмедов М. Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 281 с. ; Исаков А. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 201 с. ; Соков В. С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной миграцией : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 224 с.

² Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

³ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁴ Для получения объективных результатов применялись различные средства анализа информационного пространства сети Интернет: программа «СайтСпутник», предназначенная для автоматизации и организации профессионального поиска, сбора, мониторинга и анализа информации, размещенной в сети Интернет; средства анализа поисковых запросов Google Trends и «Яндекс Wordstat»; «ручной» поиск по поисковым системам Google и «Яндекс», сайтам объявлений «Авито», «Юла», «Из рук в руки», группам в социальной сети «ВКонтакте»; «ручной» поиск по форумам mega darknet market, hydra, matanga, narnia, o3shop, medusa, darkseller, blackmart, являющимся крупными торговыми площадками в Darknet — теневом сегменте сети Интернет, предлагающими нелегальные товары и услуги. Техническая часть исследования, связанная непосредственно с получением информации из сети Интернет, проводилась в период с 1 по 17 февраля 2019 г.

⁵ Оценка этих масштабов проводилась при помощи сервисов двух наиболее популярных в российском сегменте сети Интернет поисковых ресурсов: Google Trends и «Яндекс Wordstat». Семантическое ядро

При помощи сервиса Google Trends⁶ была получена следующая информация:

1. Запрос «временная регистрация» демонстрирует непрерывный рост в течение пяти лет, а также сезонные закономерности. Ежегодно наибольшие значения приходятся на конец лета. Пик запросов пришелся на конец 2018 г.: показатель достиг 100 баллов, в конце лета 2017 г. он составлял 96 баллов.

2. Запрос «вид на жительство» также демонстрировал рост в течение пяти лет, однако максимальное количество запросов приходилось на январь 2015 г. В марте и мае 2018 г. был зафиксирован второй по величине показатель — 91 балл.

3. Запрос «разрешение на временное проживание» характеризовался тенденцией к снижению. Максимальные значения приходились на 2014 г. и начало 2015 г. Наибольший показатель был зафиксирован в 2018 г. и составил 34 балла.

4. Динамике запроса «патент на работу» также была присуща тенденция к снижению. Максимум запросов приходился на начало 2015 г. В дальнейшем произошел существенный спад, и показатель запросов в конце лета 2017 г. и 2018 г. составил 21 и 23 балла соответственно.

При помощи сервиса «Яндекс Wordstat»⁷ установлено следующее:

1. В период с 2017 по 2018 г. включительно на 16,5 % увеличилось число запросов по словам «временная регистрация». Если в 2017 г. их количество составило 181 211, то уже в 2018 г. — 211 160.

2. Число запросов по словам «вид на жительство» в исследуемый период оставалось

относительно стабильным. В среднем за месяц в 2017 г. пользователи оставляли 169 987 таких запросов, а в 2018 г. — 176 785 (+ 4 %).

3. Динамика запросов по словосочетаниям «разрешение на временное проживание» и «патент на работу» в течение двух последних лет демонстрировала стабильно невысокие показатели. В первом случае количество запросов увеличилось с 12 574 в 2017 г. до 12 670 в 2018 г., во втором случае — уменьшилось с 28 819 до 28 622.

Масштабы запросов по искомым ключевым словам демонстрируют наибольшую востребованность информации, связанной с временной регистрацией. Увеличивающееся число поисковых запросов свидетельствует о том, что Интернет является достаточно привлекательной площадкой для поиска услуг, связанных как с внутренней (для российских граждан), так и внешней миграцией (для иностранных граждан (лиц без гражданства)), а потому используется для предложения таких услуг, носящих противоправный характер. В данном случае можно говорить о действии экономического закона, в соответствии с которым спрос рождает предложение.

Второе наблюдение связано с распространением рекламных объявлений об оказании услуг, способствующих незаконной миграции.

На сайте «Авито» было обнаружено 1 868 объявлений, связанных с предложением оказать содействие в регистрации как российских, так и иностранных граждан без фактического предоставления им помещения для проживания.

исследования включало в себя четыре словосочетания: «временная регистрация», «вид на жительство», «патент на работу», «разрешение на временное проживание».

⁶ Посредством использования сервиса Google Trends можно оценить уровень интереса к определенному поисковому запросу по условной 100-балльной шкале, где 100 баллов — наивысшая степень популярности искомой информации, а 0 баллов — отсутствие поисковых запросов в исследуемый период. К примеру, если максимальное количество поисковых запросов на интересующую тему равнялось 1 000, то именно 1 000 запросов принимается за 100 баллов. Соответственно, 500 запросов будет равняться 50 баллам, 100 запросов — 10 баллам и т.д. Анализ данных осуществлялся за последние пять лет — с февраля 2014 г. по февраль 2019 г.

⁷ Сервис «Яндекс Wordstat» позволяет определить точное количество запросов по искомым словам в течение месяца. Функционал используемого сервиса дает возможность исследовать динамику запросов лишь за двухлетний период.

Наибольшее количество объявлений размещено в крупных привлекательных для миграции регионах: г. Москва — 327 объявлений (17,5 %); Краснодарский край — 256 объявлений (13,7 %); Московская область — 182 объявления (9,7 %); г. Санкт-Петербург — 123 объявления (6,6 %). На остальные субъекты Российской Федерации приходится в общей сложности 52,5 % объявлений.

Стоимость услуг по временной регистрации граждан варьируется от 500 до 2 000 руб. в месяц. Максимальные цены на них зафиксированы в Москве. Стоимость услуги по постоянной регистрации начинается от 25 000 руб.

Типичным является объявление, размещенное на сайте «Авито», следующего содержания: «От собственника через МФЦ с вашим присутствием Оформляем прописку в Москве и МО, для родителей с детьми особо выгодные условия. Временную регистрацию для граждан РФ от 3 месяцев до 5 лет. Для иностранных граждан от 3 месяцев до года. Регистрацию по РВП и ВНЖ. Не дорого! Оформление легальное через МФЦ с вашим присутствием. Помощь в получении РВП, ВНЖ, гражданства»⁸.

На других сайтах объявления об оказании подобного рода услуг практически отсутствуют (на сайте «Из рук в руки» их найдено всего 9, 6 из которых — в Москве; на сайте «Юла» таких объявлений нет).

Анализ групп социальной сети «ВКонтакте» позволил обнаружить 1 130 сообществ, где рекламируются услуги по временной и постоянной регистрации российских граждан и регистрации иностранцев без фактического предоставления им помещения для проживания, объединяющих 802 338 пользователей. 16 групп насчитывают более 10 000 подписчиков и объединяют в себе свыше 400 000 пользователей. Самая многочисленная включает в себя 91 045 подписчиков. Во всех группах предлагаются услуги по регистрации: в 10 — на территории Москвы; в 6 — в Санкт-Петербурге. Самое крупное сообщество, где распространена реклама данного вида услуг

не в Москве и не Санкт-Петербурге, насчитывает 4 200 участников и предлагает регистрацию в Краснодаре.

Обобщенно наполнение таких групп выглядит следующим образом:

1. Описание оказываемых услуг, их цены и сроки предоставления.

В одной из групп фигурируют следующие предложения:

«1. Основание РВП (от 3 месяцев до 3 лет). 2. Основание ВНЖ (от 3 месяцев до 5 лет). 3. Миграционный учет (3 месяца). 4. Продление по патенту (от 3 месяцев до 1 года). 5. Продление по трудовому договору (до года)»².

2. Фото-, видео- и текстовые информационные материалы, разъясняющие отдельные аспекты миграционного учета, новостные материалы о незаконной миграции, образцы документов.

3. Предложения о сотрудничестве для собственников жилья. «Уважаемые собственники жилья! Если вы являетесь собственником квартиры или дома в Москве или Московской области, мы предлагаем вам взаимовыгодное сотрудничество! Выгодные условия! Не упустите шанс получить дополнительную прибыль в ваш бюджет. Легально, безопасно и конфиденциально. Приглашаем собственников квартиры в Москве к сотрудничеству, по следующим направлениям: 1. Временная регистрация граждан РФ. 2. Временная регистрация граждан СНГ. 3. Временная регистрация по РВП. 4. Временная регистрация по ВНЖ. 5. Постоянная прописка в Москве. Номера контактных телефонов, WhatsApp, Viber»⁹.

4. Отзывы клиентов о работе группы.

5. Обращения клиентов, написанные в микроблоге (на «стене») группы.

6. Предупреждения о риске стать жертвой мошеннических действий при оформлении документов. Примером может послужить следующее сообщение: «Внимание! Уважаемые подписчики и гости сообщества, обращаем ваше внимание на то, что данная груп-

⁸ Сайт объявлений «Авито». URL: https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug/vremennaya_registratsiya_i_propiska_v_moskve._rvpvnzh_1166373855 (дата обращения: 06.02.2019).

⁹ Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/mfcrealgistaqs993> (дата обращения: 07.02.2019).

па не занимается изготовлением поддельных документов! Остерегайтесь мошенников. Я не встречаюсь рядом со станциями метро, не забираю у вас документы, не привожу курьером. Такие варианты — развод! Вся помощь в оформлении временной регистрации строго в вашем присутствии с собственником жилья, в паспортном столе. Вместе подаем документы!!!»¹⁰.

7. Контакты администраторов и иных лиц, оказывающих «миграционные услуги».

Третье наблюдение касается объявлений с предложениями об оказании содействия иностранным гражданам стран безвизового режима в пересечении Государственной границы РФ. На сайте «Авито» обнаружено 842 подобных объявления. В них содержится информация о том, что пересечение границы осуществляется для «обновления» миграционных карт тех иностранцев, срок пребывания которых на территории РФ истек. Для того чтобы срок начал течь заново, им необходимо выехать за пределы государства, а затем снова въехать.

Согласно абз. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹¹ непрерывный срок временного пребывания в РФ иностранного гражданина, прибывшего в порядке, не требующем получения визы, не может превышать 90 суток. Законодатель исходит из того, что такой иностранец по истечении указанного срока пребывания на российской территории должен выехать за ее пределы. Абзац 2 ч. 1 ст. 5 того же Закона определяет, что срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина страны безвизового режима не может превышать 90 суток суммарно в течение каждого периода в 180 суток. Следовательно, он обязан выехать за пределы России как минимум на 90 суток.

Отсюда напрашиваются два предположения. Первое — лица, осуществляющие перевозку

безвизовых иностранцев с сопутствующими услугами по «обновлению» миграционных карт, могут вводить их в заблуждение относительно легальности таких процедур. Второе — решая вопрос с псевдообновлением миграционных карт для иностранцев по истечении определенного срока их пребывания на территории РФ, они фактически обеспечивают пересечение последними Государственной границы РФ с нарушением установленного порядка въезда. Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях таких перевозчиков признаков организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) в форме организации незаконного въезда иностранных граждан на территорию государства.

Наибольшее количество объявлений подобного рода размещено в следующих субъектах Российской Федерации: г. Москва — 140 (16,6 %); г. Санкт-Петербург — 125 (14,8 %); Московская область — 93 (11 %); Краснодарский край — 51 (6 %). На остальные субъекты Российской Федерации приходится 51,6 % объявлений. Стоимость услуг зависит от населенного пункта отправления и пункта пограничного контроля. Поездка от Москвы до границы с Украиной в среднем стоит от 2 500 до 3 000 руб., от Москвы до границы с Латвией — 5 000 руб., от Москвы до границы с Казахстаном — от 4 000 руб.

Типичное объявление об оказании таких услуг выглядит следующим образом: «Пересечение границы, въезд-выезд, миграционная карта. Для граждан стран: Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Армения. 7 000 р. Санкт-Петербург — Казахстан — Санкт-Петербург. Платить больше ничего не нужно. Время в пути 3 дня. Помогаем с просроченной миграционной картой, потерянной миграционной картой. Гарантированное получение миграционной карты при въезде в Россию. Полное сопровождение в пути. Отправление ежедневно. Срочный выезд на любую границу. Новые автомобили. Русские водители. Помощь с проблемами, индивидуальный подход к каждому

¹⁰ Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/@propiskarussiya33-vazhno-znat8> (дата обращения: 07.02.2019).

¹¹ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

клиенту. Помогаем с доставкой посылок на границу»¹².

В социальной сети «ВКонтакте» обнаружено 18 групп, предлагающих услуги по пересечению Государственной границы России в обоих направлениях для «обновления» миграционных карт, объединяющих 5 562 пользователя. Самая многочисленная группа включает в себя 4 122 участника.

Четвертое наблюдение касается изучения предложения услуг, связанных с незаконной миграцией, в теневом сегменте сети Интернет — Darknet. Для этого был проведен контент-анализ Darknet-сайтов, представляющих собой торговые площадки для оборота нелегальных товаров и услуг. Установлено, что при внушительных масштабах этой незаконной деятельности и разнообразии предложений ни на одном из сайтов нет ничего, что могло бы прямо указывать на организацию незаконной миграции, фиктивную постановку на миграционный учет и фиктивную регистрацию российских граждан. Единственное, что может быть использовано для совершения миграционных правонарушений, — это подложные документы, изготовление и продажа которых предлагаются в теневом сегменте Сети. На сайтах в Darknet были обнаружены предложения о продаже паспорта гражданина России, военного билета, трудовой книжки, водительского удостоверения. В то же время эти документы могут быть использованы и в иных целях, не связанных с незаконной миграцией, например для конспирации той же противоправной деятельности в сети Интернет. Можно констатировать, что в настоящее время из-за отсутствия должного внимания со стороны государства лицам, совершающим миграционные правонарушения, нет необходимости использовать Darknet. Продажа услуг по легализации пребывания, проживания иностранных граждан (лиц без гражданства)

и других осуществляется на легальных площадках Сети.

Таким образом, миграционные преступления получили развитие в киберпространстве. Предложение услуг по регистрации граждан РФ или иностранцев (лиц без гражданства) без фактического предоставления помещения для проживания (пребывания) следует расценивать как приготовление к совершению преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ. Учитывая, что они относятся к категории небольшой тяжести, сама по себе реклама подобного рода услуг уголовно-правовой оценки не влечет. Но те же самые действия при определенных обстоятельствах следует трактовать как элемент более широкого посягательства — организации незаконной миграции.

В доктринальных источниках отсутствует единство во мнениях относительно сущности этого деяния. В то же время отчетливо наметилась тенденция к определению его как совершения разнообразных действий, направленных на обеспечение въезда, транзитного проезда, пребывания или проживания на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства при отсутствии у них необходимых документов¹³. При этом действительность соответствующих документов презюмируется. Исходя из этого, помимо фиктивной постановки на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства), элементами организации незаконной миграции являются незаконное оформление миграционных карт, патентов, трудовых договоров, видов на жительство и др., предложения о совершении которых наводнили сеть Интернет.

Как справедливо отмечает О. М. Сафонов, «сложность обнаружения действий компьютерного преступника и его возможности совершать преступления в киберпространстве, не имеющем государственных границ, многократно

¹² Сайт объявлений «Авито». URL: https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug/peresechenie_granitsy_vezdvyez_d_1401274636 (дата обращения: 07.02.2019).

¹³ *Байбурина Э. Р.* Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 77 ; *Щербаков А. В.* Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 104 ; *Филиппов П. А.* Преступления против порядка управления: закон, теория, практика. М. : Зерцало-М, 2017. С. 346, 347, 351.

увеличивают степень общественной опасности таких деяний»¹⁴.

С учетом данных обстоятельств, а также распространенности организации незаконной миграции в киберпространстве целесообразно дополнить ч. 2 ст. 322.1 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)».

В заключение отметим следующее.

1. Мониторинг киберпространства обнаруживает связь использования сети Интернет с нарушениями регистрационного и миграционного режимов в части фиктивной регистрации российских граждан и постановки на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства), а также обеспечения последним незаконного въезда и пребывания на территории российского государства. Их признаками являются оформление необходимых документов (миграционных карт, видов на жительство, патентов, трудовых договоров и др.) и оказание услуг по перевозке иностранных граждан (лиц без гражданства) через Государственную границу РФ в нарушение установленных требований. Спрос на услуги подобного рода и их реклама в сети Интернет детерминирует развитие внешней и внутренней незаконной миграции, способствует совершению миграционных преступлений, поэтому государство не должно оставаться безучастным к этим процессам.

2. Стратегически важным направлением противодействия незаконной миграции должна стать корректировка миграционной политики государства посредством установления корреляции между этим феноменом и использованием современных информационно-телекоммуни-

кационных технологий для организации и развития криминального бизнеса по обеспечению незаконных въезда, пребывания (проживания), фиктивной регистрации, постановки на миграционный учет и др.

3. Оказание услуг по перевозке иностранных граждан стран безвизового режима за пределы РФ с последующим их ввозом на ее территорию, сопровождающееся оформлением документов в нарушение ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» («маятниковые перевозки»), содержит признаки организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ).

4. Противодействие незаконной миграции в киберпространстве должно осуществляться на основе комплексного подхода. С позиции уголовного права необходимо дополнение ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за квалифицированный состав организации незаконной миграции, признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)». С позиции криминологии — выявление и фиксирование реальной обусловленности развития незаконной миграции, миграционных преступлений и использования сети Интернет для их совершения; совершенствование статистической отчетности о преступности посредством включения в отчет о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, ГИАЦ МВД России (форма 1-ВТ) сведений об организации незаконной миграции, совершенной с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

¹⁴ Сафонов О. М. Уголовно-правовая оценка использования компьютерных технологий при совершении преступлений: состояние законодательства и правоприменительной практики, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахмедов М. Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 281 с.
2. Байбурина Э. Р. Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 208 с.
3. Исхаков А. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции : дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2018. — 207 с.
4. Сафонов О. М. Уголовно-правовая оценка использования компьютерных технологий при совершении преступлений: состояние законодательства и правоприменительной практики, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 22 с.
5. Соков В. С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной миграцией : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2015. — 224 с.
6. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика. — М. : Зерцало-М, 2017. — 512 с.
7. Щербakov А. В. Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 168 с.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2019 г.

IMPORTANCE OF THE INTERNET IN ILLEGAL MIGRATION AND MIGRATION CRIMES DETERMINATION

Vladislav S. Solovyev, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
vladsolovyev@mail.ru
ul. Yaroslavskaya, d. 128, Krasnodar, Russia, 350005

Margarita N. Urda, Cand. of Sci. (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law of Southwest State University
urda.ru@rambler.ru
ul. 50 let Oktyabrya, d. 94, Kursk, Russia, 305040

Abstract. *The purpose of the paper is to identify the correlation between illegal migration, migration crimes and the use of the Internet resources. The content analysis of advertising sites, social networks in combination with other research methods has revealed that in the virtual space there is both active promotion of services facilitating illegal migration and a wide demand for them. Based on the results of the study, the authors develop the following proposals for improving measures to combat illegal migration in the global network. 1. A strategic direction for countering illegal migration should be the adjustment of the state's migration policy through the establishment of a correlation between this phenomenon and the use of modern information and telecommunication technologies aiming at organizing and developing a criminal business providing illegal entry, stay (residence) services, fictitious registration, and registration on migration registration, etc. 2. The counteraction to illegal migration in cyberspace should be implemented through an integrated approach. From the perspective of criminal law, it is necessary to add the element "using the media or information and telecommunication networks (including the Internet)" into Part 2 of Art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for the crime elements of the organization of illegal migration. From the perspective of criminology it is important to identify and record the real conditionality of the development of illegal migration, migration crimes and the use of the Internet to commit them; to improve statistical reporting on crime by including information on the organization of illegal migration*

committed via the media or information and telecommunication networks (including the Internet) in the report of the State Automated Police Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on crimes committed in the field of telecommunication and computer information.

Keywords: *internal and external migration, migration crimes, counteraction to illegal migration, Internet resources, cyberspace, information and telecommunication environment.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ahmedov M. N. Protivodejstvie nelegal'noj migracii: ugovovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 281 s.
2. Bajburina E. R. Organizaciya nezakonnoj migracii: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dis. ... kand. jurid. nauk. — Chelyabinsk, 2010. — 208 s.
3. Iskhakov A. M. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty organizacii nezakonnoj migracii : dis. ... kand. jurid. nauk. — Kazan', 2018. — 207 s.
4. Safonov O. M. Ugolovno-pravovaya ocenka ispol'zovaniya komp'yuternyh tekhnologij pri sovershenii prestuplenij: sostoyanie zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noj praktiki, perspektivy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 22 s.
5. Sokov V. S. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s nezakonnoj migraciej : dis. ... kand. jurid. nauk. — Volgograd, 2015. — 224 s.
6. Filippov P. A. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: zakon, teoriya, praktika. — M. : Zercalo-M, 2017. — 512 s.
7. Shcherbakov A. V. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: nauchno-prakticheskij kommentarij k glave 32 UK RF. — M. : Yurlitinform, 2011. — 168 s.

БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества¹

***Аннотация.** БРИКС — относительно новое явление в современной международной политической и экономической жизни, набирающее обороты и привлекающее к себе все большее внимание юристов. Центральными вопросами при этом выступают, во-первых, правовая природа самой группы пяти государств — Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, а во-вторых, место, характер, содержание принципов, на которых основано международное сотрудничество данного образования. Соответственно этому указанные вопросы рассматриваются в статье через призму теоретического анализа с позиций международно-правовой науки, в рамках которого выявление правовой природы взаимодействия стран БРИКС служит не только предпосылкой, но и, в сущности, фундаментом для решения проблемы юридической квалификации принципов сотрудничества между ними, а следовательно, и ответа на вопрос о соотношении последних с иными принципами в системе международного права. В этих целях за основу в ходе исследования принято два альтернативных варианта: статус международной институции — в случае установления наличия у БРИКС признаков международной организации или интеграционного объединения; и признание в качестве параорганизации — в случае отсутствия таковых.*

***Ключевые слова:** БРИКС, принципы, основные принципы, *jus cogens*, отраслевые принципы, международное право, правовая природа, параорганизация, интеграционное объединение, международная межправительственная организация.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133

На фоне развертывания процессов глобализации и интеграции сближение ряда стран на основе общности и консолидации национальных интересов стало все более заметным. Речь идет прежде всего о Бразилии, России, Индии, Китае и ЮАР — государствах, образовавших новый формат международных отношений (БРИКС). Вследствие этого обозна-

чилась тенденция к полицентричности, постепенно обретающая черты устойчивости. Именно подъем Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР как растущих экономик вызвал в последнее десятилетие глубокую трансформацию международных отношений, мировой политики и права, приведшей к изменениям в векторах политического влияния, перераспределению

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060.

© Ануфриева Л. П., 2019

* Ануфриева Людмила Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
lpanufrieva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

могущества и смещению точек силы в международной системе, что признается даже западными авторами².

Аналитики сосредоточивают внимание на внешнем и буквальном смысле упомянутого сотрудничества, которое являет пример так называемого трансконтинентального измерения, присутствующего во взаимодействии четырех континентов — Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. Последнее представляет особую ценность и состоит в формировании современного многополярного мира, поскольку страны БРИКС, объединяясь, вместе отвечают на современные вызовы (территориальное расширение, демографическое развитие, экономическая состоятельность)³.

Доминирующим обстоятельством в характеристике БРИКС является формат сотрудничества для достижения экономических целей и задач партнеров, вследствие чего не случайно, что документы саммитов БРИКС концентрированно закрепляют данную направленность в содержании сотрудничества, требующую правового обеспечения. При этом экономические связи, охватывая самые разнообразные области, постоянно расширяют границы сотрудничества, которое ориентировано иногда на достижение весьма амбициозных целей. В частности, одной из общих для стран БРИКС задач является прогнозирование и внедрение изменений

в функционирование мировой экономической системы, место принципиальной составляющей в рамках которых занимает, как пишут иностранные авторы, реформирование структуры и управления Бреттон-Вудской системы финансовых учреждений⁴. Выделяется также совместное участие в разработках в современных, «инновационных» сферах, как, скажем, развитие новейших технологий и фундаментальных научных исследований. При этом несомненно, что интегральной частью всей системы правового регулирования взаимодействия стран БРИКС, в какой бы форме оно ни происходило, выступают принципы международного сотрудничества. В связи с этим значимым аспектом является вопрос о дифференциации и категориях принципов, применимых к взаимодействию в рамках сотрудничества и партнерства стран БРИКС.

Несмотря на участвовавшее отрицание не только на Западе, но и в России⁵ международного права в целом, равно как и его принципов, распространенным подходом отечественной правовой науки, касающимся юридических начал взаимного сотрудничества стран БРИКС, служит помещение их в рамки принципов международного права. В то же время это требует предметного анализа, в ходе которого необходимо вычленивать политико-правовое значение, роль и место принципов сотрудничества БРИКС

² См.: *Burke-White W. W. Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism* // *Harvard International Law Journal*. Winter 2015. Vol. 56, Iss. 1. Pp. 1—79.

³ См.: *Каталано П. Главные цели и основания БРИКС: природа и история* // *Правовые аспекты БРИКС* / отв. ред. Т. А. Алексеева, П. Каталано. СПб., 2011. С. 15.

⁴ *Seyad Sideek. A Critical Overview of the Objectives and Future Direction of the BRICS and its New Development Bank* // *Journal of International Banking Law & Regulation*. 2016. Vol. 31. Iss. 9. Pp. 495—506.

⁵ Чего стоят в этом плане только «приговоры» ООН и международному праву Дж. Болтона в разные периоды его пребывания на посту помощника Президента США по национальной безопасности: «Нет никакой ООН...» (выступление в Нью-Йорке 3 февраля 1994 г.); «Большая ошибка — придавать какое-либо значение международному праву, даже если это может показаться соответствующим нашим краткосрочным интересам» (интервью американскому журналу *Insight* 2 августа 1999 г.) (см.: ТАСС: 10 сен., 19:05 — «Россия, международное право и демократия. Высказывания Джона Болтона» // URL: <https://tass.ru/info/6871534> (дата обращения: 22.09.2019)). Надо признать, что негативистские воззрения на международное право, хотя и в единичных случаях, все-таки присутствуют и у отечественных международников (см.: *Толстых В. Л. Международное право как мифология* // *Российский юридический журнал*. 2019. № 2 (125). С. 32—47; *Толстых В. Л. Пять уровней международно-правовой мифологии* // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2019. № 3, 4).

в системе международного права и их соотношение с основными принципами Устава ООН.

Отдельной проблемой, в немалой степени обуславливающей адекватность результатов по решению многих задач и формулированию ряда ключевых квалификаций, выступает вопрос о правовой природе объединения пяти стран. Использование разнообразных формул: «группа», «альянс», «партнерство», «ассоциация», «клуб», «квазиорганизация», «параорганизация» и т.п. — воспринимается прежде всего как свидетельство отсутствия у них формально-юридических и организационно-правовых характеристик по сравнению с «традиционными» в действующем международном порядке международными организациями, демонстрирует указание на трактовку «усеченной» значимости в юридическом смысле таких «неорганизованных/неинституционализированных» лиц. Поскольку юридическая наука не располагает фундаментальными обоснованиями такого положения дел, налицо лакуна, которая, несомненно, должна быть устранена. В теоретическом плане ситуация усложняется тем, что, как справедливо отмечают специалисты, она напрямую связана с вопросом о возможностях самостоятельного выступления объединения государств в международных отношениях: определение международно-правовых последствий существенно не только для самих участников подобных объединений, но и для так называемого внешнего их контура, равно и для межгосударственной системы в целом⁶. Действительно, на настоящем этапе БРИКС не имеет четких правовых очертаний, причем утверждения относительно перспектив иного характера весьма осторожны и в отечественной литературе, и в трудах зарубежных ученых: «Поскольку БРИКС как объединение не располагает явно выраженным юридическим фундаментом... его превращение по мере развития в полноценный мощный международный политический институт...

пока слишком рано предсказывать»⁷. Вместе с тем с учетом сказанного ранее возможность, а, может быть, и настоятельность изменений в этом отношении вряд ли кем будет оспорена.

При исследовании процессов осуществления Россией взаимных связей с иностранными государствами на том или ином направлении, в той или иной сфере сотрудничества специалисты отмечают, что реализация подобных принципов «не должна быть изолирована от реализации международных принципов деятельности межгосударственных объединений, в которых Россия является участницей, в частности Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, а также общепризнанных принципов международного права»⁸. В целом, конечно же, общий вектор наблюдений верен: неразрывность всего комплекса международно-правового регулирования, о какой бы его части ни говорилось, в том числе и в рамках БРИКС, по отношению к основным принципам международного права очевидна. Однако акцент, думается, должен быть поставлен на ином: речь должна идти не столько о «принципах деятельности самих организаций», сколько о «принципах сотрудничества государств в этих объединениях». Это в корне меняет дело: важны не принципы «деятельности» какой-либо организации, действующей в соответствующей сфере (военной безопасности, экономике, науке, технике, здравоохранении, образовании, экологии, культуре и т.п.), а принципы взаимодействия государств друг с другом в рамках данного объединения, которые закладываются в его основу с самого начала. В этом плане принципы интеграционного взаимодействия в том или ином образовании существенно разнятся по сравнению с принципами координации сотрудничества в международных организациях «классического» типа, хотя понятно, что и те, и другие будут корнями уходить к принципам международного права. Однако первые будут служить проявлением

⁶ См.: БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О. А. Аюбян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. 300 с.

⁷ *Seyad Sideek*. Op. cit. P. 495.

⁸ См.: *Поветкина Н. А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография / под ред. И. И. Кучерова. М. : ИЗИСП, Контракт, 2016. 344 с.

существа и содержательным воплощением вторых.

В связи с этим предметным выглядит ряд аспектов: уяснение сути явления «принципы международного права», оценка их соотношения с принципами сотрудничества стран БРИКС, а значит, и определение места последних в международно-правовой нормативной системе. Кроме того, небесполезно и выявление их потенциала в плане возможностей оказания воздействия на внутрисударственное право стран БРИКС, например на договорное (обязательственное) право. В свете этого исходным должен быть анализ понятия «принцип права» как общеправовой категории. В данном случае при обращении к ее генезису и трактовке уместно напомнить, что именитые мыслители далекого прошлого (Грациан, Фома Аквинский, Гуго Гроций) опирались на систему представлений о праве, отталкиваясь от естественно-правовой концепции его происхождения и функционирования: Грациан, учтя сопоставление «град Божий — град земной» в учении Аврелия Августина, в основу правовой системы заложил принцип-триаду, представляющую собой важную иерархическую последовательность: «божественное право — естественное право — положительное право людей», которая образует центральный, как следует из утверждений в зарубежной литературе, подход к основам представлений о западной правовой системе⁹.

Развернутые положения в обоснование «всеобщих справедливых правил поведения» впервые сформулированы Гуго Гроцием, который, базирясь на замечаниях Аристотеля, Сенеки и других при выведении всеобщих справедливых правил из естественного права¹⁰ (по существу, юридических принципов), выстраивал, однако, рациональную систему¹¹, т.е. «по-

ложительное право людей», — базирующуюся на небольшом числе принципов, заключающихся в утверждении справедливости, равенства — включая равенство в правах и неприемлемость неравенства (в том числе, к примеру, постулатов о «правлении с помощью права»), о том, что «право выше власти», выше воли властителя и стоит над любыми сословными различиями¹². В целом же в суждениях Гроция о праве «человеческое право» — это рациональное (explained); «Божественное право» — установленное (т.е. предписанное — stated)¹³. Концепция права как рациональной системы писанных правил, основанных на общих принципах, позволила Гуго Гроцию решить и вопрос о правилах регулирования международных отношений.

Современная система принципов международного права между тем демонстрирует наличие в ней и естественно-правовых корней, и «гена» юридического позитивизма. Действительно, невозможно отрицать в современных международно-правовых принципах уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, равноправия народов и наций, неприменения силы и угрозы силой, невмешательства во внутренние дела и других значительной меры присутствия элементов «естества» правил поведения, а также усвоения «разумного подхода», что в соединении друг с другом образовало «рациональную» конструкцию, оформленную «положительным правом».

Таким образом, гроцианская теория естественно-правового происхождения права и его принципов, в том числе и в применении к международному праву, коренным образом отличается от суждений некоторых сегодняшних международников, апеллирующих к Гуго Гроцию при попытках обосновать наличие естественно-пра-

⁹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 146—150.

¹⁰ См.: Берман Г. Дж. Указ. соч.

¹¹ См.: Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 37—48.

¹² См.: Grotius H. On the Law of War and Peace. De Jure Belli ac Pacis. Book I. Chapter 1: On War and Right // URL: https://www.constitution.org/gro/djbp_101.txt (дата обращения: 1 ноября 2019 г.).

¹³ Grotius H. Указ. соч.

вой природы общепризнанных принципов международного права¹⁴.

В то же время невозможно отрицать, что принципы международного права, будучи отражением его коренных свойств, пронизывают всю систему норм отраслей и подотраслей, институтов и подынститутов в отдельных сферах, секторах и сегментах регулируемых общественных отношений. Не является исключением в этом смысле и сотрудничество стран БРИКС, регламентация связей между которыми подчиняется адекватной вышеуказанным общепринятым нормам совокупности принципов и норм, имеющих более узкий характер. Ведущей категорией принципов в международном праве выступают его основные принципы, т.е. руководящие, главенствующие нормы — «ядро» системы, которые определяют как сущность, так и дальнейшее развитие международного права как единого организма, т.е. системы. Здесь стоит заметить, что ранее в советской, а ныне в российской международно-правовой науке квалификация и термин «основные принципы международного права» используются весьма активно. Опорой служит Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций¹⁵, в которой перечисленные в Уставе ООН семь принципов как раз и определены в качестве «основных». Правда, нельзя упустить из вида, что в поименованном документе это обозначение присутствует лишь однажды, причем в самом конце и больше не встречается ни в одном международно-правовом акте универсального характера. Попутно стоит также подчеркнуть, что поскольку Декларация о принципах международного права лимитирована предме-

том своего рассмотрения, а именно принципами Устава ООН, то, казалось бы, аналогичные рамки закономерно должны соблюдаться и при использовании самой квалификации, которая выражена термином «основные принципы». В свете этого логичным выглядит вопрос о принадлежности к категории «основных» принципов международного права той их части, которая закреплена в Заключительном акте СБСЕ. Иными словами, насколько юридически точно можно квалифицировать и те принципы, что выходят за рамки Устава ООН, но перечислены совместно с «уставными» в Декларации принципов Заключительного акта СБСЕ в качестве «основных»? Ответ положительный, хотя и представляет собой вывод, полученный косвенным образом — путем системного подхода к толкованию предмета. В частности, если в Заключительном акте 1975 г. приведены 10 принципов, 7 из которых являются хронологически предшествующими и квалифицируются как основные, то и 3 последующие, не только продолжая перечень, но и образуя прежде всего единство системы принципов, должны быть также отнесены к основным и, следовательно, в свою очередь, могут именоваться «основными».

Проблема принципов международного права, особенно основных принципов, уравниваемых нередко с понятием *jus cogens* (императивное предпочтение нормы — *peremptory norms of general international law*), с большим предпочтением используемым западной доктриной, является, пожалуй, пробелом в международно-правовой теории, вследствие чего крайне настоятельной выглядит фундаментальная ее научная разработка. Кроме того, речь идет о том, что наряду с основными принципами международного права (иногда именуемыми

¹⁴ См., например: *Нешатаева Т. Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3.

Критику высказанных в приведенной статье положений см.: *Ануфриева Л. П.* Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или «О принципах права вообще и о принципах в международном праве» // *Lex russica*. 2018. № 11 (144). С. 128—130.

¹⁵ Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (см.: *Doc. A/RES/2625(XXV)* // СПС «КонсультантПлюс». Adopted by the UN General Assembly dt. October 24, 1970. See, Res. 2625 (XXV) (*Doc. A/RES/2625(XXV)*)).

также и «общепризнанными», что, в свою очередь, олицетворяет существование еще одной лакуны в юридической науке), которые являются принадлежностью всей данной системы, имеет место действие и специальных международно-правовых принципов, выступающих также в качестве центральных правил поведения в конкретных отраслях, — отраслевых принципов. В дополнение к этому заметим, что отдельные международные организации, интеграционные образования функционируют на основе закрепленных в их учредительных или иных актах положений, также обладающих внутри себя ключевым — «руководящим» — характером. Здесь важным фактором выступает указывавшееся ранее безусловное обстоятельство, что Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР в совокупности не образуют юридически оформленного объединения — международной организации в собственном смысле слова¹⁶, наряду с прочими встречающимися ассоциациями, объединениями, форумами неформального характера (например, G7, G8, G20 и т.д.¹⁷). Иногда в публикациях встречаются загадочные положения в отношении правового статуса БРИКС: это «группа стран, которая не обладает всеми признаками международной организации, в частности у нее нет постоянных органов и автономности. Она может быть квалифицирована как межгосу-

дарственная институциональная структура сотрудничества, т.е. как постоянная структура, не достигающая уровня международной межправительственной организации»¹⁸. В связи с этим закономерен ряд вытекающих из сказанного вопросов: 1) что же это за «постоянная структура», особенно если она является, следуя определению самого автора, «межгосударственной институциональной» структурой, но не может быть отнесена к международной межправительственной организации; 2) есть ли у подобной структуры аналоги в международно-правовом плане; 3) если БРИКС как группа государств «обзаведется» органами и «автономностью», это обеспечит ей качество международной организации; 4) и наконец, что подразумевается под «уровнем международной межправительственной организации» в категориях международного права? Какие, кроме этого, имеются «уровни» в международно-правовых отношениях? Не углубляясь в проблему формулирования ответов на поставленные вопросы, все же сто́ит констатировать, что в сегодняшней реальности БРИКС действительно не отвечает критериям институционализации (международной организации): не имеет учредительного договора, регулируемого нормами международного права, который содержал бы цели и задачи объединения, средства их достижения, а также принципы, опреде-

¹⁶ Точка зрения об отсутствии у БРИКС элементов институционализации и, следовательно, статуса межгосударственной (межправительственной) организации нередко встречается в российской юридической литературе. Она представляется в существенной мере оправданной (см. в этой связи: *Капустин А. Я.* Международно-правовые принципы деятельности БРИКС // БРИКС: контуры многополярного мира : монография ; *Anufrieva L.* The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation». Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. Chongqing, 2018. Pp. 323—327). Есть в науке также мнение, что даже в отдаленной перспективе БРИКС не обретет статуса международной организации (см.: *Хейфец Б. А.* Россия и БРИКС: новые возможности для взаимных инвестиций : монография. М. : Дашков и Ко., 2014. С. 196).

¹⁷ В противовес сказанному отнюдь не единичными являются позиции, причисляющие БРИКС к интеграционным объединениям, в связи с чем нужно согласиться с авторами, которые придерживаются реалистичных взглядов в случаях, когда интеграционный тип образования несомненно отсутствует, и указывают: «Наметилась тенденция беспорядочного употребления термина “интеграция” по отношению к любым формам сближения государств» (см.: *Балакин В. И.* Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 117—127).

¹⁸ См.: *Шинкарецкая Г. Г.* О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140.

ляющие деятельность создаваемой институции; нет организационной структуры, т.е. органов, обеспечивающих рассматриваемому образованию выступление вовне (персонификацию); не обладает волей, относительно обособленной от воли государств-членов, необходимой для функционирования в качестве международной организации. Вследствие этого не имеется и качества международной правосубъектности, для которого основными элементами являются участие в межгосударственных отношениях и создании норм международного права, наличие договорной правоспособности (т.е. способности заключать международные договоры), способность приобретать в силу международно-правовых норм права и обязанности, нести международно-правовую ответственность. В свете этого, не будучи субъектом международного права, БРИКС, однако, активно развивает международные связи как внутри себя, так и создавая новые субъекты международного права, примерами чего служат Новый банк развития БРИКС, а также Пул условных валютных резервов.

При этом исходя из существующего статуса рассматриваемой группы стран и юридических оценок статуса БРИКС сотрудничество участвующих в нем государств не может обойтись без определенного правового фундамента, в качестве которого и выступает свод принципов, согласованных и сформулированных совместно государствами, регулируемыми взаимные их связи.

Связанный с этим аспект, охватывая характер, классификацию, перечень и юридическое содержание таких принципов, их соотношение с принципами общего международного права, представляет собой серьезную теоретическую проблему в современном правоведении. Между тем несомненно, что, будучи неотъемлемой частью глобального межгосударственного экономического взаимодействия, сотрудничество в экономической сфере стран БРИКС базируется на основных принципах международного права, а также на отраслевых (специальных) принципах международного экономического права (МЭП). Из этого вытекает, что, будучи отраслевыми принципами, они распространяют свое действие и на взаимные связи БРИКС, причем не только

между собой, но и на их отношения с третьими государствами. Принципы МЭП в рамках экономической сферы обладают универсальностью. По сравнению с ними принципы сотрудничества, признанные либо выработанные собственно БРИКС для отношений друг с другом, подобным качеством универсальности характеризоваться не могут, если только речь не идет об их восхождении к основополагающим (основным, или «общепризнанным») принципам международного права как всеобщим императивным нормам.

Основные принципы международного права, и прежде всего принципы, закрепленные в Уставе ООН, в отечественной теории устойчиво квалифицируются как главные, руководящие нормы, применимые ко всей системе международного права. Они охраняют общечеловеческие ценности, обладают нормативностью, общепризнанностью, императивностью, принадлежностью к общему международному праву, невозможностью быть измененными простым соглашением сторон.

Перечень и содержание иных разрядов руководящих норм в качестве принципов (отраслевых, специальных или конкретных, предназначенных для отдельных областей сотрудничества) могут различаться, и дифференцируются они в зависимости от их видовой принадлежности, обуславливающей юридическую значимость и иерархическую силу, однако непременным условием юридической действительности для них служит удовлетворение требованию о соответствии основным (системным) принципам международного права. Так, принципы торгово-экономического, научно-технического, технологического и инновационного сотрудничества в рамках БРИКС текстуально отличаются от формул принципов Устава ООН, именуемых в литературе по международному праву «основными принципами». Тем не менее это отнюдь не означает, что принципы сотрудничества БРИКС отступают или тем более идут вразрез с существом принципов Устава ООН.

Отстаивая тезисы о существовании «базовых опор» в международной системе и международном праве в виде основных принципов — суверенитета государств, уважения их суверенного равенства и равноправия, соблюдения взятых на

себя обязательств и др., важно проследить предпосылки формирования, механизмы развития и ускорения в том, что касается концентрированной разработки собственной принципиальной основы сотрудничества государств-участников. В частности, достигнутые ныне результаты опираются на прохождение определенных вех: так, формулирование задачи по реализации «целенаправленных и согласованных усилий по наращиванию динамики всестороннего и многоуровневого сотрудничества» обусловило потребность в принципе развития и многосторонности; цель установления более справедливого, равноправного, честного, демократического и представительного международного политического и экономического порядка, заданная на предыдущих саммитах и этапах сотрудничества, привела к недвусмысленному постулированию принципов *честности и справедливости в целях обеспечения мира и стабильности на международном и региональном уровне, взаимного уважения и взаимопонимания, равенства, солидарности, открытости, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества, учета интересов, уважения права каждого государства на выбор путей развития* (п. 3 Сямэньской декларации от 4 сентября 2017 г.). Общность целей и характер отношений между странами БРИКС предопределили такие правовые начала, заложенные в фундамент сотрудничества, как «справедливый и равноправный международный порядок при центральной роли Организации Объединенных Наций на основе целей и принципов, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, и соблюдения норм международного права... приверженность принципам демократии и верховенства права в международных отношениях» (пп. 5—6 Йоханнесбургской декларации от 26 июля 2018 г.).

Приведенное ясно свидетельствует о том, что присутствующие в документах формулы еще не выступают юридически законченными правилами, способными лечь в основу определения правомерности либо неправомерности поведения государств БРИКС как субъектов международного права и инициировать процедуры международной ответственности. В значительной своей части они скорее «декла-

рации» — пожелания, устремления, целеполагание, нежели юридические нормы в строгом смысле слова, хотя в определенной мере в них присутствует и требуемая общеобязательность, и нормативность (уважение суверенного равенства и равноправия). Думается, за некоторыми исключениями, продемонстрированными выше, они занимают пока промежуточное положение между правом в собственном смысле и «мягким» правом. В такой промежуточности, как представляется, заключается проявление сочетания применительно к принципам сотрудничества БРИКС естественно-правовых и позитивистско-правовых начал, на что указывалось ранее. В то же время нельзя отказывать положениям подобного рода в перспективе обрести качество принципов международного сотрудничества данного неформального объединения как непосредственно юридических норм. Равным образом сказанное не означает отрицания наличия в фундаменте нынешних основ сотрудничества между странами БРИКС юридически обязательных норм международного права, которые получили свою обязательность не за счет перечисления их в декларациях саммитов или иных совместных документах государств, а в результате того, что они уже закреплены в актах международного права, имеющих универсальный, общепризнанный и, следовательно, юридически обязывающий характер. В частности, принципы равноправия, взаимной выгоды, взаимности, самостоятельности в определении форм участия в сотрудничестве с другими государствами, а также координации, интеграции и партнерства представляют собой преломление в принципах сотрудничества БРИКС специальных (отраслевых) принципов международного экономического права, помимо основных принципов, объективированных в источниках международного права. В то же время как первые, так и вторые удовлетворяют главному критерию действительности правовой базы взаимодействия — требованию соответствия императивным нормам, опосредующим основные принципы современного международного права, которые зафиксированы в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, Заключительном акте СБСЕ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ануфриева Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или О принципах права вообще и о принципах в международном праве // *Lex russica*. — 2018. — № 11 (144). — С. 122—133.
2. Балакин В. И. Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2012. — № 4. — С. 117—127.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Норма, Инфра-М, 1998. — 624 с.
4. БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О. А. Акопян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. — 300 с.
5. Каталано П. Главные цели и основания БРИКС: природа и история // *Правовые аспекты БРИКС* / отв. ред. Т. А. Алексеева, П. Каталано. — СПб., 2011. — С. 13—17.
6. Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // *Вестник ВАС РФ*. — 2004. — № 3. — С. 124—140.
7. Поветкина Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография / под ред. И. И. Кучерова. — М. : ИЗИСП, Контракт, 2016. — 344 с.
8. Толстых В. Л. Пять уровней международно-правовой мифологии // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. — 2019. — № 3, 4.
9. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // *Журнал российского права*. — 2013. — № 5. — С. 37—48.
10. Хейфец Б. А. Россия и БРИКС: новые возможности для взаимных инвестиций : монография. — М. : Дашков и Ко., 2014. — 220 с.
11. Шинкарецкая Г. Г. О правовом статусе БРИКС // *Современное право*. — 2015. — № 10. — С. 140—145.
12. Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // *The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation*. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. — Chongqing, 2018. — Pp. 323—327.
13. Burke-White W. W. Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism // *Harvard International Law Journal*. — 2015. — Vol. 56, Iss. 1. — Pp. 1—79.
14. Grotius H. On the Law of War and Peace. De Jure Belli ac Pacis. Book I. Chapter 1: On War and Right // URL: https://www.constitution.org/gro/djbp_101.txt.
15. Seyad Sideek. A Critical Overview of the Objectives and Future Direction of the BRICS and its New Development Bank // *Journal of International Banking Law & Regulation*. — 2016. — Vol. 31. — Iss. 9. — Pp. 495—506.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2019 г.

BRICS: LEGAL NATURE AND PRINCIPLES OF COOPERATION¹⁹

Lyudmila P. Anufrieva, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
lpanufrieva@msal.ru
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. BRICS is a relatively new phenomenon in modern international political and economic life, gaining momentum and attracting more and more lawyers' attention. The central issues in this case are, firstly, the legal nature of the group of five states itself — Brazil, Russia, India, China and South Africa, and secondly, the place, nature, content of the principles on which international cooperation of this entity is based. Accordingly, the paper considers these issues through the prism of theoretical analysis from the standpoint of international legal science, in which the identification of the legal nature of the interaction of the BRICS countries is not only a prerequisite, but also, in essence, the foundation for solving the problem of legal qualification of the principles of cooperation between them. Thus, it answers the question on the relationship of the latter with other principles in the system of international law. For this purpose, the study adopts two alternative options: the status of an international institution if it is established that BRICS has features of an international organization or integration association; and its recognition as a paraorganization if none of such features exist.

Keywords: BRICS, principles, basic principles, jus cogens, industry principles, international law, legal nature, paraorganization, integration association, international intergovernmental organization.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anufrieva L. P. Konstituciya RF i mezhdunarodnoe pravo: teoreticheskij vzglyad na ponyatie «obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava», ili O principah prava voobshche i o principah v mezhdunarodnom prave // Lex russica. — 2018. — № 11 (144). — С. 122—133.
2. Balakin V. I. Evropejskij opyt regional'noj integracii dlya Vostochnoj Azii // Problemy Dal'nego Vostoka. — 2012. — № 4. — С. 117—127.
3. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya : per. s angl. — 2-e izd. — M. : Norma, Infra-M, 1998. — 624 s.
4. BRIKS: kontury mnogopolyarnogo mira : monografiya / O. A. Akopyan, N. M. Bevelikova, K. M. Belikova [i dr.] ; otv. red. T. Ya. Habrieva. — M. : IZiSP pri Pravitel'stve RF, Yurisprudenciya, 2015. — 300 s.
5. Katalano P. Glavnye celi i osnovaniya BRIKS: priroda istoriya // Pravovye aspekty BRIKS / otv. red. T. A. Alekseeva, P. Katalano. — SPb., 2011. — С. 13—17.
6. Neshataeva T. N. Sud i obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava // Vestnik VAS RF. — 2004. — № 3. — С. 124—140.
7. Povetkina N. A. Finansovaya ustojchivost' Rossijskoj Federacii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya : monografiya / pod red. I. I. Kucherova. — M. : IZiSP, Kontrakt, 2016. — 344 s.
8. Tolstyh V. L. Pyat' urovnej mezhdunarodno-pravovoj mifologii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». — 2019. — № 3, 4.
9. Fogel'son Yu. B. Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse // Zhurnal rossijskogo prava. — 2013. — № 5. — С. 37—48.

¹⁹ This paper was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of research project No. 18-011-01060.

10. Hejfec B. A. Rossiya i BRIKS: novye vozmozhnosti dlya vzaimnyh investicij : monografiya. — M. : Dashkov i Ko., 2014. — 220 s.
11. Shinkareckaya G. G. O pravovom statute BRIKS // *Sovremennoe pravo*. — 2015. — № 10. — S. 140—145.
12. Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // *The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation*. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. — Chongqing, 2018. — Pp. 323—327.
13. Burke-White W. W. Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism // *Harvard International Law Journal*. — 2015. — Vol. 56, Iss. 1. — Pp. 1—79.
14. Grotius H. On the Law of War and Peace. De Jure Belli ac Pacis. Book I. Chapter 1: On War and Right // URL: https://www.constitution.org/gro/djbp_101.txt.
15. Seyad Sideek. A Critical Overview of the Objectives and Future Direction of the BRICS and its New Development Bank // *Journal of International Banking Law & Regulation*. — 2016. — Vol. 31. — Iss. 9. — Pp. 495—506.

Международно-правовое обеспечение безопасности морских нефтегазовых установок в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа

Аннотация. Целью статьи является оценка эффективности международно-правовых средств предупреждения современных угроз, направленных на морские нефтегазовые установки, и поиск оптимального решения для устранения выявленных недостатков. Заявленная цель обуславливает две ключевые задачи — анализ применимых норм международного права и анализ практики их реализации.

В первой части статьи рассматривается развитие концепции зон безопасности как основного международно-правового средства, обеспечивающего охрану установок в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Во второй части рассматривается практика государств по обеспечению выполнения законов и правил, направленных на организацию безопасности установок в контексте заключений, сделанных международными судебными органами по делу судна *Arctic Sunrise*.

По результатам проведенного исследования делается вывод о недостаточности и неэффективности зон безопасности для предупреждения современных угроз. В качестве решения этой проблемы предлагается установить «зоны предупреждения» — дополнительное международно-правовое средство обеспечения безопасности морских нефтегазовых установок.

Ключевые слова: международное морское право, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, зона безопасности, свобода судоходства, незаконные действия против морских установок.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.134-144

Введение

Морские нефтегазовые установки располагаются в отдаленных районах моря и крайне уязвимы к внешнему физическому воздействию. Совершение неправомерных действий, направленных против установок, осуществляющих разведку и разработку углеводородных

месторождений, подвергает опасности жизнь и здоровье их работников, может стать причиной катастрофического загрязнения морской среды и повлечь значительные убытки для компаний-операторов. Практика морской нефтегазовой промышленности показывает, что угроза может возникнуть ввиду самых разных обстоятельств.

© Абрамов Н. С., 2019

* Абрамов Никита Сергеевич, аспирант кафедры международного права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
AbramovNS@iCloud.com

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13—14

Во-первых, расширение морской нефтегазовой добычи во всех регионах мира и увеличение интенсивности судоходства значительно повышают риск столкновения судов с нефтегазовыми установками. Несмотря на то что большинство зарегистрированных столкновений до настоящего дня не имели серьезных последствий, проблема остается актуальной, принимая во внимание потенциальный масштаб и характер таких инцидентов.

Во-вторых, безопасности установок угрожают неправомерные действия, осуществляемые с целью воспрепятствовать их эксплуатации. Организация протестных акций на борту нефтегазовых платформ — сложившаяся практика неправительственных природоохранных организаций, выступающих против нефтегазовой добычи в море. Яркая иллюстрация подобной практики — акция, организованная в отношении платформы «Приразломная» в Баренцевом море. Межгосударственный спор, возникший вследствие инцидента, указывает на несовершенство международно-правового регулирования, которое призвано предупреждать подобные инциденты.

В-третьих, нефтегазовые установки являются потенциальными целями для террористов. Несмотря на сравнительно небольшое количество удавшихся нападений, частота организуемых атак с каждым годом лишь увеличивается¹.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.), зоны безопасности — ключевое средство обеспечения безопасности установок, которые эксплуатируются в пределах исключительной экономической зоны (далее — ИЭЗ) и континентального шельфа. В настоящей статье предпринята попытка оценить эффективность зон безопасности для предупреждения современных угроз.

С этой целью прослеживается развитие концепции зон безопасности, а также рассматри-

вается практика государств по обеспечению выполнения законов и правил, направленных на организацию безопасности установок в свете выводов, сделанных международными судебными органами по делу судна Arctic Sunrise. В заключении статьи обосновываются предложения по совершенствованию комплекса международно-правовых средств обеспечения безопасности морских нефтегазовых установок.

1. Развитие концепции зон безопасности

Понятие «зона безопасности» (англ. — safety zone) возникло в 1950-х гг. при подготовке Комиссией по международному праву (далее — КМП) статей по морскому праву. В составленном КМП проекте статей отмечалось, что государства должны обладать правом «устанавливать зоны безопасности на разумном расстоянии вокруг установок и сооружений и принимать в их пределах меры, необходимые для их защиты»². Необходимость организации таких зон обосновывалась КМП «крайней уязвимостью» установок, а также важностью их защиты от угроз, исходящих от судоходства³.

В формулировках статей КМП не сочла необходимым определить точный размер зон безопасности, лишь в комментариях указав, что «максимальный 500-метровый радиус является достаточным»⁴. Как впоследствии отмечали зарубежные авторы, указание на 500-метровый радиус не основывалось на специальном анализе потенциальных угроз морским установкам и было определено по аналогии с 500-метровыми зонами безопасности, которые в тот период обычно устанавливались вокруг нефтедобывающих установок на суше⁵.

На первой Конференции ООН по морскому праву предложенная КМП концепция зон без-

¹ Harel A. Preventing Terrorist Attacks on Offshore Platforms: Do States Have Sufficient Legal Tools? // Harvard National Security Journal. 2012. Vol. 4, № 1. P. 135.

² Articles Concerning the Law of the Sea. Article 71(2) // 1956 Yearbook of the International Law Commission, Vol. II. P. 299.

³ Articles Concerning the Law of the Sea. P. 270.

⁴ Articles Concerning the Law of the Sea. P. 299.

⁵ Ulfstein G. The Conflict Between Petroleum Production, Navigation and Fisheries in International Law. Ocean Development & International Law. 1988. Vol. 19, № 3. P. 244.

опасности была одобрена участниками. Дискуссию вызвал лишь вопрос о размере таких зон. Делегация США — ведущего на тот момент государства в области морской нефтегазовой промышленности — выступала против закрепления универсального размера зон безопасности⁶. Между тем большинство делегаций-участников поддержали идею четко определенного размера зон, указав на то, что отсутствие единого лимита может привести к возникновению межгосударственных споров⁷. В итоге на конференции был одобрен вариант, изначально предложенный в проекте КМП. Так, в нормах Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г.⁸ впервые были закреплены положения о 500-метровых зонах безопасности.

Активное расширение морской нефтегазовой промышленности в 1970-е гг. потребовало развития применимого международно-правового режима. Одним из спорных аспектов вновь стал предельный размер зон безопасности. На третьей Конференции ООН по морскому праву целая группа делегаций выступила за расширение 500-метрового ограничения. Так, по заявлениям Турции и Индии 500-метровые зоны более не предотвращали столкновений с современными танкерами, не учитывая их габариты и скорость движения. В этой связи высказывались предложения о расширении максимального размера зон до 2 000 и 4 000 м. По предложению США, размер зон безопасности должен был определяться прибрежным государством в каждом конкретном случае «исходя из природы и функции установки». Между тем большин-

ство участников третьей Конференции ООН по морскому праву опасались, что произвольное определение размеров зон безопасности может привести к ограничению свободы судоходства⁹. По выражению современника дискуссии — британского международного юриста О'Коннела, заявления о заинтересованности в расширении зон безопасности вызвали сопротивление многих государств, которые считали сложившееся на тот момент положение «слишком тщательно сбалансированным, чтобы его нарушать»¹⁰. По данной причине конференцией было принято решение о сохранении 500-метровых зон: Конвенция 1982 г.¹¹ предусматривает, что зоны безопасности «не простирались вокруг [установок] более чем на 500 метров, отмеряемых от каждой точки их внешнего края». Компромиссным положением Конвенции 1982 г. является признание права прибрежного государства устанавливать большие размеры зон безопасности в случае, если «это разрешено общепринятыми международными стандартами или рекомендовано компетентной международной организацией».

В 1980-е гг. режим зон безопасности получил развитие в связи с принятием Международной морской организацией (далее — ИМО) нескольких резолюций, направленных на предупреждение нарушения зон безопасности судами. Ключевые из них — Резолюция ИМО о мерах по предотвращению нарушений зон безопасности вокруг морских установок или сооружений 1987 г.¹² и Резолюция ИМО о зонах безопасности и безопасности мореплавания вокруг прибреж-

⁶ Summary Records of the 30th Meeting of the Fourth Committee. United Nations Conference on the Law of the Sea (3 April 1958). Official Records. Vol. VI. UN Doc. A/CONF.13/C.4/SR.30. Para. 12.

⁷ Summary Records of the 29th Meeting of the Fourth Committee. United Nations Conference on the Law of the Sea (2 April 1958). Official Records. Vol. VI. UN Doc. A/CONF.13/C.4/SR.29. Para. 5, 7, 23, 27.

⁸ Конвенция о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1970. Вып. XXIII. С. 101—105. Ст. 5(2), 5(3).

⁹ *Esmaeili H.* The Legal Regime of Offshore Oil Rigs in International Law. 2001. P. 127.

¹⁰ *O'Connell D. P.* The International Law of the Sea: Volume I. 1982. P. 503.

¹¹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Ст. 60(5) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3—169.

¹² Measures to Prevent Infringement of Safety Zones around Offshore Installations or Structures (19 October 1987) IMO Res. A. 621(15).

ных сооружений и установок 1989 г.¹³ Данные резолюции содержат единственные принятые на универсальном уровне международно-правовые положения, которые раскрывают содержание мер, направленных на предотвращение столкновения судов с морскими установками.

Вскоре после принятия Конвенции 1982 г. в ИМО стали обсуждаться предложения по установлению расширенных зон безопасности. Так, в 1985 г., согласно заявлению Канады, предлагалось расширить пределы зон за 500-метровый лимит. Предложение подверглось критике: по мнению большинства участников ИМО, расширение зон безопасности противоречило Конвенции 1982 г., а сама организация не обладала необходимой компетенцией для установления таких изменений¹⁴. В итоге канадское заявление было отклонено без вынесения каких-либо рекомендаций.

В 2007 г. попытку получить одобрение на установление расширенных зон предприняла Бразилия. Необходимость увеличения радиуса зон вокруг нефтегазовых платформ в Кампусском бассейне обосновывалась опасностью столкновения судов с установками. Согласно заявлению Бразилии, процедура отгрузки нефти, в ходе которой танкеры пришвартовываются к платформам, требовала как минимум 1400-метрового радиуса, в связи с чем

заявлялась необходимость установления зон безопасности радиусом в одну морскую милю (≈ 1853 м) вокруг стационарных платформ и радиусом в две морские мили (≈ 3704 м) вокруг плавучих платформ¹⁵. По итогам рассмотрения заявления Бразилии Подкомитет ИМО по безопасности мореплавания принял решение об отказе. В обоснование этого решения было указано на «отсутствие процедур и руководства» для установления зон безопасности с радиусом, превышающим 500 м¹⁶.

Столь формальное обоснование для отказа стало причиной совместного предложения Бразилии и США по созданию рабочей группы для составления соответствующего руководства¹⁷. В 2009 г. такая рабочая группа была создана в рамках Подкомитета по безопасности мореплавания, и уже в 2010 г. был представлен проект Руководства для рассмотрения заявлений об установлении зон безопасности более 500 метров вокруг искусственных островов, установок и сооружений в ИЭЗ¹⁸. Между тем одобрения этот проект так и не получил. Большую роль в этом сыграло изменение позиции США: делегация заявила, что «на настоящий момент нет подтвержденной необходимости в зонах безопасности [радиусом] более 500 метров или разработке руководства для установления таких»¹⁹. Позднее аналогичное обоснование для

¹³ Safety Zones and Safety of Navigation around Offshore Installations and Structures (19 October 1989) IMO Res. A.671(16).

¹⁴ *Ulfstein G.* Op. cit. P. 245.

¹⁵ Proposal for the Establishment of an Area to be Avoided and Modifications to the Breadth of the Safety Zones around Oil Rigs located off the Brazilian Coast — Campos Basin. Submitted by Brazil. (26 February 2007) IMO Doc. NAV 53/3. Pp. 5—8.

¹⁶ Report to the Maritime Safety Committee (14 August 2007) IMO Doc. NAV 53/22. Para. 3.14.

¹⁷ Development of Guidelines for Consideration of Requests for Safety Zones Larger than 500 Meters Around Artificial Islands, Installations and Structures in the Exclusive Economic Zone. Submitted by the United States and Brazil (4 February 2008) IMO Doc. MSC 84/22/4. Para. 1, 3.

¹⁸ Guidelines for Consideration of Requests for Safety Zones Larger Than 500 Metres around Artificial Islands, Installations and Structures in the EEZ (23 April 2010) IMO Doc. NAV 56/4. Annex 1.

¹⁹ Guidelines for Consideration of Requests for Safety Zones Larger Than 500 Metres around Artificial Islands, Installations and Structures in the EEZ. Submitted by the United States (4 June 2010) IMO Doc. NAV 56/4/1. Para. 2. Согласно американским авторам, причиной изменения позиции делегации США стали противоречия с национальным Министерством обороны, посчитавшим возможное расширение зон безопасности существенным ограничением свободы судоходства (см.: *Kraska J., Pedrozo R.* International Maritime Security Law. 2013. P. 81).

отказа было оглашено Подкомитетом ИМО по безопасности мореплавания²⁰ и подтверждено Комитетом ИМО по безопасности на море²¹.

Таким образом, с момента принятия Конвенции 1982 г. ИМО ни разу не одобряла расширение зон безопасности и не разрабатывала руководств или рекомендаций по их установлению. Иными словами, не приходится говорить о существовании «общепринятых международных стандартов», которые бы позволяли устанавливать зоны с большим радиусом. Сегодня 500-метровый радиус закреплен в законодательстве ведущих государств в области морской нефтегазовой добычи, и именно его следует признать общепринятым.

Несмотря на сложившуюся практику, зарубежные исследователи не раз высказывались о том, что 500-метровые зоны безопасности не обеспечивают защиты морских нефтегазовых установок от внешних угроз²². Помимо аргумента о малом радиусе зон для предотвращения столкновений судов с установками, авторы справедливо отмечают неэффективность таковых в случае умышленных нападений. Так, самым распространенным аргументом является уязвимость морских установок перед террористической угрозой: 500-метровое расстояние от границы зоны до нефтегазовой платформы может быть преодолено современными средствами передвижения за ничтожно малое время²³, которое не позволяет принять меры защиты. Кроме того, системы вооружений, находящиеся в распоряжении террористов, дают возможность осуществить атаку не пересекая границы 500-ме-

тровой зоны. По мнению ряда зарубежных авторов, расширение зон безопасности если не исключит, то снизит риск таких угроз. В этой связи предлагается организовать очередные попытки получить разрешение ИМО, а также внесение соответствующих поправок в Конвенцию 1982 г. В качестве обоснования этих изменений указывается именно террористическая угроза — довод, который не принимался во внимание при согласовании положений Конвенции 1982 г. и ранее не рассматривался ИМО²⁴.

Признавая справедливость тезиса о недостаточности 500-метровых зон для предотвращения современных угроз, предложение о расширении радиуса, однако, нельзя назвать должной мерой. Во-первых, учитывая возможности современных видов оружия и используемые террористами методы, размер зоны безопасности перестал играть решающую роль, так как даже расширение радиуса до 2 морских миль не сможет предотвратить нанесение ракетного удара или торпедирование установки. Во-вторых, не теряет актуальности контраргумент об ограничении свободы судоходства, ведь более обширные зоны безопасности потребуют изменения сложившихся маршрутов торгового судоходства, что означает серьезное увеличение расходов отрасли, особенно в акваториях с активной нефтегазовой добычей. В-третьих, учитывая позицию ИМО в вопросе по установлению расширенных зон безопасности, одобрение будущих заявлений маловероятно, а наличие у ИМО компетенции в части предотвращения угроз, не связанных с судоходством, достаточно спорно.

²⁰ Report to the Maritime Safety Committee (31 August 2010) IMO Doc. NAV 56/20. Para. 4.15.

²¹ Report of the Maritime Safety Committee on Its Eighty-Eighth Session (15 December 2010) IMO Doc. MSC 88/26. Para. 11.8.

²² *Esmaili H.* The Legal Regime of Offshore Oil Rigs in International Law. 2001. P. 129 ; *Harel A.* Preventing Terrorist Attacks on Offshore Platforms: Do States Have Sufficient Legal Tools? // Harvard National Security Journal. 2012. Vol. 4, № 1. P. 135 ; *Papastavridis E. D.* Protecting Offshore Energy Installations under International Law of the Sea // Natural Resources and the Law of the Sea Exploration, Allocation, Exploitation of Natural Resources in Areas under National Jurisdiction and Beyond. I. A. Laird, B. Sabahi, A. M. Whitesell (eds.). 2017. P. 213.

²³ В исследованиях зачастую приводятся подсчеты, согласно которым судно, двигающееся со скоростью в 25 узлов (46,3 км/ч), преодолевает 500-метровую зону безопасности за 39 с.

²⁴ *Harel A.* Preventing Terrorist Attacks on Offshore Platforms: Do States Have Sufficient Legal Tools? // Harvard National Security Journal. 2012. Vol. 4, № 1. Pp. 172—175.

2. Обеспечение выполнения законов и правил, направленных на организацию безопасности морских нефтегазовых установок

Рассмотрим основания и порядок осуществления мер по обеспечению выполнения законов и правил на борту нефтегазовых установок, в границах зон безопасности и за их пределами. Проанализируем эти аспекты в контексте выводов, сформулированных международными судебными органами по делу об инциденте с судном Arctic Sunrise.

Согласно положениям Конвенции 1982 г. прибрежное государство вправе осуществлять «исключительную юрисдикцию» **на борту установок**, что подразумевает осуществление как законодательной, так и исполнительной юрисдикции в отношении всех действий, совершаемых на борту установки (ст. 60(2)). В этой связи не вызывает сомнений правомерность задержания активистов Гринписа, закрепившихся на борту платформы «Приразломная».

Менее очевиден объем правоприменительных полномочий прибрежного государства **в пределах зоны безопасности**. Согласно ст. 60(4) Конвенции 1982 г. «прибрежное государство [в пределах зоны безопасности] может принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности как судоходства, так и искусственных островов, установок и сооружений». В то же время значение формулировки «надлежащие меры» не раскрывается. По мнению судьи В. В. Голицына, формулировка «надлежащие меры» означает, что «прибрежное государство вправе принимать *подходящие меры* (англ. *appropriate measures*) для того, чтобы обеспечить соблюдение норм, регулирующих деятельность в пределах зон безопасности, иными словами, принимать *необходимые меры* по обе-

спечению их выполнения»²⁵. По данной логике прибрежное государство располагает широкой свободой при выборе применимых мер. Ограничением является лишь объект и цель данного положения — обеспечение безопасности судоходства и морских установок.

Представляется, что характер мер, принимаемых в целях обеспечения безопасности, должен определяться прибрежным государством в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств. Так, если единичное нарушение судном зоны безопасности может вызвать требование покинуть пределы зоны, то неподчинение этому требованию может обосновать принятие мер по принудительному удалению судна за пределы зоны. В случае неоднократного нарушения запрета на вход в зону безопасности государство вправе принять меры, направленные на предотвращение будущих нарушений²⁶.

В случаях, представляющих серьезную опасность для морских установок, например в случае террористической угрозы, характер «надлежащих мер» определен международно-правовыми положениями. Так, Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г.²⁷ (далее — Протокол 1988 г.) в ст. 1 установил перечень действий, которые квалифицируются как преступления. К таковым относится захват платформы или осуществление контроля над ней, разрушение или повреждение платформы, помещение на платформу веществ и устройств, которые могут разрушить платформу или представлять угрозу ее безопасности и др. Намеренное совершение этих действий или попытка их совершения дают прибрежному государству право принять «меры, обеспечивающие присутствие [судна-нарушителя] в течение такого

²⁵ The Arctic Sunrise Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation), Provisional Measures. Order of 22 November 2013. ITLOS Reports 2013. P. 230. Dissenting opinion of Judge Golitsyn. Para. 25.

²⁶ В 1993 г. вследствие протестных акций, организованных в отношении морской нефтегазовой платформы, власти Норвегии временно изъяли у Гринписа документы на судно Ross Rig. Впоследствии данная мера была обжалована в Верховном суде Норвегии, однако он подтвердил законность принятых мер (см.: *Oude Elferink A. G. The Arctic Sunrise Incident: A Multi-Faceted Law of the Sea case with a Human Rights Dimension // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2014. Vol. 29, № 2. P. 253*).

²⁷ Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 12—15.

времени, которое необходимо для того, чтобы возбудить уголовное преследование или предпринять действия по выдаче»²⁸. При этом задержание является «надлежащей мерой» при условии, что у прибрежного государства существуют разумные основания полагать, что нарушение зоны безопасности предпринималось с целью совершения действий, образующих преступление по смыслу Протокола 1988 г.

В некоторых обстоятельствах оперативная оценка угрозы представляется затруднительной. Подобные ситуации возникают при совершении протестных акций в отношении нефтегазовых установок. Яркой иллюстрацией таковых служит инцидент с судном Arctic Sunrise, в ходе которого активисты Гринписа, нарушив 500-метровую зону безопасности, попыталась закрепиться на борту «Приразломной». По свидетельствам участников инцидента, данные действия преследовали цель приостановить работу установки на некоторый период²⁹.

Ряд исследователей допускает, что столь серьезный характер последствий может рассматриваться как «осуществление контроля над установкой» по смыслу Протокола 1988 г.³⁰ Развивая логику данного подхода, следовало бы заключить, что протестные акции ставятся в один ряд с террористическими актами. Представляется, что подобный вывод может быть справедливым, если протестные акции носят насильственный характер³¹. Следовательно, именно характер протеста — мирный или насильственный — ключевым фактором при определении «надлежащих мер».

В этой связи возникает вопрос о том, какие меры пресечения можно считать допустимыми в случае мирного протеста. Некоторые применимые критерии оценки были приведены арбитражным трибуналом при Постоянной палате третейского суда в заключении по делу судна Arctic Sunrise³². Важно подчеркнуть, что эти критерии трибунал сформулировал в контексте соотношения права на протест в море и суверенных прав прибрежного государства по разведке и разработке неживых ресурсов в ИЭЗ. Из этого следует, что выбор мер пресечения, принимаемых в отношении мирных протестов, затрагивает широкий спектр международно-правового регулирования. Так, допустимость мирных протестов в пространствах под юрисдикцией прибрежного государства представляет, по сути, проблему соотношения международного права в области прав человека и морского права и требует специального исследования.

Статья 60(4) Конвенции 1982 г. не предполагает полномочий прибрежного государства на обеспечение исполнения законов и правил, направленных на пресечение угроз морским установкам, **за пределами зон безопасности**. В этом случае прибрежное государство вправе осуществить принудительные меры только в ходе преследования судна-нарушителя по горячим следам³³. В инциденте с судном Arctic Sunrise соблюдение условий преследования стало одним из ключевых аспектов для разрешения спора³⁴.

²⁸ Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г. Ст. 1; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, от 10 марта 1988 г. Ст. 7(1) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 3—11.

²⁹ *Oude Elferink A. G.* Op. cit. P. 253, 247.

³⁰ *Oude Elferink A. G.* Op. cit. P. 253, 247; *Plant G.* The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation // International and Comparative Law Quarterly. 1990. Vol. 39, № 1. P. 34.

³¹ В заключении по делу судна Arctic Sunrise арбитражный трибунал заключил, что действия активистов Гринписа носили ненасильственный характер и не могут быть квалифицированы как преступление по смыслу Протокола 1988 г. (см.: *The Arctic Sunrise Arbitration (The Kingdom of Netherlands v. Russian Federation)*. Award on the Merits of 14 August 2015. PCA Case № 2014-02. Para. 728, 314—321.

³² *The Arctic Sunrise Arbitration ...* Para. 324—332.

³³ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Ст. 111.

³⁴ *The Arctic Sunrise Arbitration ...* Para. 242—275.

Ключевое значение вопроса о преследовании по горячим следам для разрешения спора отмечалось судьей В. В. Голицыным и подчеркивалось отечественными авторами (см.: *The Arctic Sunrise Case (Kingdom*

Лишний раз подчеркнув важность соблюдения условий преследования по горячим следам, дело судна Arctic Sunrise выявило важную проблему — **неэффективность зон безопасности как международно-правового средства обеспечения безопасности установок**. Заключение арбитражного трибунала свидетельствует о том, что спорные ситуации, связанные с осуществлением мер по обеспечению безопасности установок от современных угроз, разрешаются не в рамках международно-правового режима морских установок, а в контексте положений режима ИЭЗ и континентального шельфа.

Данную тенденцию отражает не только логика заключений арбитражного трибунала, построенная главным образом на толковании права на разведку и разработку неживых ресурсов в пределах ИЭЗ³⁵, но и официальная позиция России как прибрежного государства: в заключении МИД РФ по правовым аспектам действий судна Arctic Sunrise против платформы «Приразломная» особо подчеркивается, что задержание было предпринято *«не в ходе преследования по горячим следам»*³⁶. Вместо этого в качестве главного аргумента заявлено о нарушении прав на разведку и разработку неживых ресурсов в пределах ИЭЗ и континентального шельфа.

Заключения арбитражного трибунала оказали значимое влияние на исследования международно-правовых средств обеспечения безопасности нефтегазовых установок. Так, зарубежными авторами высказывается мнение о том, что потенциальные последствия террористических атак можно рассматривать как основание для принудительных мер в отношении подо-

зреваемого судна до его входа в зону безопасности³⁷. Таким образом, необходимо признать, что суверенные права на разведку и разработку неживых ресурсов в пределах ИЭЗ все чаще рассматриваются как правовое средство обеспечения безопасности установок. Между тем эта тенденция представляется неоднозначной.

С одной стороны, причина ее формирования объяснима — Конвенция 1982 г. не предусматривает права прибрежного государства принимать меры для предупреждения и пресечения действий за пределами зон безопасности (не считая права преследования по горячим следам, которое возникает только после совершения нарушений в 500-метровой зоне безопасности). Учитывая характер современных угроз, прибрежные государства вынуждены прибегать к положениям режима ИЭЗ и континентального шельфа для обоснования действий за пределами зон безопасности.

С другой стороны, содержание права на обеспечение выполнения законов и правил, касающихся разведки и разработки неживых ресурсов в пределах ИЭЗ, остается неопределенным: неясно, какова должна быть степень угрозы, допускающая осуществление принудительных мер; на каком расстоянии от установки допустимо принимать меры пресечения; как определить характер допустимых мер. Учитывая такую неопределенность, заявление суверенных прав на разведку и разработку неживых ресурсов в ИЭЗ как основания для обеспечения безопасности не может исключить злоупотреблений, следствием которых является необоснованное ограничение свобод открытого моря в ИЭЗ.

of the Netherlands v. Russian Federation), Provisional Measures. Order of 22 November 2013. Dissenting opinion of Judge Golitsyn. Para. 35—36 ; *Богущ Г. И.* Дело судна «Арктик Санрайз» в Международном трибунале по морскому праву // Международное правосудие. 2014. № 1. С. 7).

³⁵ The Arctic Sunrise Arbitration ... Para. 324—332.

³⁶ Официальная позиция МИД РФ была опубликована незадолго до вынесения решения арбитражного трибунала. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, On Certain Legal Issues Highlighted by the Action of the Arctic Sunrise Against Prirazlomnaya Platform (5 August 2015) Para. 11.1. URL: www.mid.ru/documents/10180/1641061/Arctic+Sunrise.pdf/bc7b321e-e692-46eb-bef2-12589a86b8a6 (дата обращения: 01.04.2019).

³⁷ *Mossop J.* Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2016. Vol. 31, № 1. P. 74.

3. Зоны предупреждения как дополнительное международно-правовое средство обеспечения безопасности морских нефтегазовых установок

Решение проблемы недостаточности и неэффективности 500-метровых зон безопасности не должно сводиться к простому увеличению их радиуса или расширению государственных полномочий в ИЭЗ. Представляется, что путь решения этой проблемы заключается в развитии комплекса международно-правовых средств обеспечения безопасности. Более того, этот путь сегодня подсказывает практика государств.

В последние десятилетия ряд прибрежных стран организовали так называемые запретные зоны (англ. exclusion zones), или зоны предупреждения (англ. warning zones), размер которых простирается за 500-метровый радиус от установок³⁸. Примером может служить предусмотренная российскими нормативными актами трехмильная зона предупреждения вокруг нефтяной платформы «Приразломная». В пределы этой зоны «судам не рекомендуется заходить [...] без разрешения оператора морской ледостойкой стационарной платформы»³⁹.

Строго говоря, подобная практика не основывается на нормах Конвенции 1982 г., так как зона предупреждения устанавливается в дополнение к 500-метровой зоне безопасности. В заключении по спору, возникшему вследствие инцидента с Arctic Sunrise, арбитражным трибуналом был сделан следующий комментарий о трехмильной зоне вокруг «Приразломной»: «[нормативные документы, предусматривающие порядок уведомления судов] не означают создания зоны, в которой Россия может устанавливать и применять законы и правила; такие зоны не накладывают обязательств на иностранные суда. Уведомления об опасности не носят обязательного характера и являются скорее рекомендацией. Их суть заключается в информировании судов об угрозе навигации, которая может возникнуть в трехмильной зоне вокруг

платформы, и представляется желательным, чтобы суда запрашивали разрешения оператора платформы перед проходом в зону»⁴⁰. Таким образом, справедливо поставив под сомнение наличие у прибрежного государства юрисдикции на установление обязательных правил судоходства в пределах трех морских миль от установки, располагающейся в ИЭЗ, трибунал отметил правомерное функциональное назначение этих зон — принятие мер для предотвращения угрозы морским установкам и судоходству.

Представляется, что установление «зон предупреждения» с радиусом более 500 м может иметь место для предупреждения современных угроз, и способно в известной степени разрешить проблему недостаточности зон безопасности. Применение подобного подхода в практике большего числа государств поможет сформировать дополнительное средство международно-правового обеспечения безопасности морских установок в дополнение с 500-метровыми зонами безопасности. В перспективе развитие такой практики может привести к установлению режима двух зон вокруг морских установок — зоны безопасности и зоны предупреждения. При этом в зоне предупреждения прибрежное государство должно обладать меньшим объемом полномочий, чем в зоне безопасности.

Эффективность предлагаемых зон предупреждения должен обеспечивать сбалансированный правовой режим. Его задача состоит не только в том, чтобы предотвратить современные угрозы для морских нефтегазовых установок, но и в том, чтобы гарантировать безопасность судоходства, в максимальной степени сохранив свободы открытого моря. Сегодня возможность согласования международно-правового режима зон предупреждения представляется вполне реалистичной, поскольку отдельные его элементы уже применяются рядом государств на практике, а концепция зон предупреждения, с одной стороны, гарантирует правовое основание охраны нефтегазовых установок от современных

³⁸ Kashubsky M. Offshore Oil and Gas Installations Security: An International Perspective. 2016. Pp. 205—206.

³⁹ Извещения мореплавателям № 51/11 (10 декабря 2011) С. 29 // URL: <https://structure.mil.ru/files/morf/military/files/NM1151.PDF> (дата обращения: 01.04.2019).

⁴⁰ The Arctic Sunrise Arbitration ... Para. 212.

угроз, а с другой — в максимальной степени сохранит свободы открытого моря.

Представляется, что важную роль в развитии международно-правового режима зон предупреждения должна сыграть ИМО посредством

разработки и принятия правил и рекомендаций, которые бы определяли единый размер зон (или правила определения размера), действующий в них режим судоходства, а также полномочия прибрежных государств в их пределах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богуш Г. И.* Дело судна «Арктик Санрайз» в Международном трибунале по морскому праву // Международное правосудие. — 2014. — № 1. — С. 3—10.
2. *Толстых В. Л.* Решение по делу «Арктик Санрайз» от 14 августа 2015 г. и комментариев к нему // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 1. — С. 101—105.
3. *Esmaili H.* The Legal Regime of Offshore Oil Rigs in International Law. — Ashgate Dartmouth, 2001. — 301 p.
4. *Harel A.* Preventing Terrorist Attacks on Offshore Platforms: Do States Have Sufficient Legal Tools? // Harvard National Security Journal. — 2012. — Vol. 4, № 1. — Pp. 131—184.
5. *Kashubsky M.* Offshore Oil and Gas Installations Security: An International Perspective. — CRC Press, 2016. — 520 p.
6. *Kraska J., Pedrozo R.* International Maritime Security Law. — Martinus Nijhoff Publishers, 2013. — 968 p.
7. *Mossop J.* Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration // The International Journal of Marine and Coastal Law. — 2016. — Vol. 31, № 1. — Pp. 60—87.
8. *O'Connell D. P.* The International Law of the Sea. — Vol. I. — Oxford : Clarendon Press, 1982. — 634 p.
9. *Oude Elferink A. G.* The Arctic Sunrise Incident: A Multi-Faceted Law of the Sea case with a Human Rights Dimension // The International Journal of Marine and Coastal Law. — 2014. — Vol. 29, № 2. — Pp. 244—289.
10. *Papastavridis E. D.* Protecting Offshore Energy Installations under International Law of the Sea // Natural Resources and the Law of the Sea Exploration, Allocation, Exploitation of Natural Resources in Areas under National Jurisdiction and Beyond / I. A. Laird, B. Sabahi, A. M. Whitesell (eds.). — Juris, 2017. — Pp. 197—213.
11. *Plant G.* The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation // International and Comparative Law Quarterly. — 1990. — Vol. 39, № 1. — Pp. 27—56.
12. *Ulfstein G.* The Conflict Between Petroleum Production, Navigation and Fisheries in International Law // Ocean Development & International Law. — 1988. — Vol. 19, № 3. — Pp. 229—262.

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2019 г.

INTERNATIONAL LEGAL SECURITY OF OFFSHORE OIL AND GAS INSTALLATIONS WITHIN THE EXCLUSIVE ECONOMIC ZONE AND THE CONTINENTAL SHELF

Nikita S. Abramov, Postgraduate of the Department of International Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
AbramovNS@iCloud.com
Leninskie gory, d. 1, str. 13-14, Moscow, Russia, 119991

Abstract. *The purpose of the paper is to assess the effectiveness of international legal means of preventing modern threats aimed at offshore oil and gas installations, and to find the optimal solution to eliminate the identified shortcomings. The stated goal determines two key tasks — an analysis of the applicable norms of international law and an analysis of the practice of their implementation.*

The first part of the paper discusses the development of the concept of security zones as the main international legal means ensuring the protection of installations within the exclusive economic zone and the continental shelf. The second part examines the practice of states in enforcing laws and regulations aimed at organizing the safety of facilities in the context of the conclusions reached by international judicial authorities in the case of the Arctic Sunrise vessel.

Based on the results of the study, the author concludes that there is some insufficiency and inefficiency of security zones to prevent modern threats. As a solution to this problem, the author proposes to establish “warning zones”, i.e. an additional international legal means to ensure the safety of offshore oil and gas installations.

Keywords: *international maritime law, exclusive economic zone, continental shelf, security zone, freedom of navigation, illegal actions against offshore installations.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogush G. I. Delo sudna «Arktik Sanrajz» v Mezhdunarodnom tribunale po morskemu pravu // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2014. — № 1. — S. 3—10.
2. Tolstyh V. L. Reshenie po delu «Arktik Sanrajz» ot 14 avgusta 2015 g. i kommentarij k nemu // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. — 2016. — № 1. — S. 101—105.
3. Esmaeili H. The Legal Regime of Offshore Oil Rigs in International Law. — Ashgate Dartmouth, 2001. — 301 p.
4. Harel A. Preventing Terrorist Attacks on Offshore Platforms: Do States Have Sufficient Legal Tools? // Harvard National Security Journal. — 2012. — Vol. 4, № 1. — Pp. 131—184.
5. Kashubsky M. Offshore Oil and Gas Installations Security: An International Perspective. — CRC Press, 2016. — 520 p.
6. Kraska J., Pedrozo R. International Maritime Security Law. — Martinus Nijhoff Publishers, 2013. — 968 p.
7. Mossop J. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration // The International Journal of Marine and Coastal Law. — 2016. — Vol. 31, № 1. — Pp. 60—87.
8. O’Connell D. P. The International Law of the Sea. — Vol. I. — Oxford : Clarendon Press, 1982. — 634 p.
9. Oude Elferink A. G. The Arctic Sunrise Incident: A Multi-Faceted Law of the Sea case with a Human Rights Dimension // The International Journal of Marine and Coastal Law. — 2014. — Vol. 29, № 2. — Pp. 244—289.
10. Papastavridis E. D. Protecting Offshore Energy Installations under International Law of the Sea // Natural Resources and the Law of the Sea Exploration, Allocation, Exploitation of Natural Resources in Areas under National Jurisdiction and Beyond / I. A. Laird, B. Sabahi, A. M. Whitesell (eds.). — Juris, 2017. — Pp. 197—213.
11. Plant G. The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation // International and Comparative Law Quarterly. — 1990. — Vol. 39, № 1. — Pp. 27—56.
12. Ulfstein G. The Conflict Between Petroleum Production, Navigation and Fisheries in International Law // Ocean Development & International Law. — 1988. — Vol. 19, № 3. — Pp. 229—262.

Взаимодействие международных судебных органов, рассматривающих морские споры

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию международных судебных органов, функционирующих на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Данное взаимодействие определяется Конвенцией, в которой выделены четыре процедуры по разрешению международных морских споров.

Актуальность статьи определяется важной ролью международных судебных органов при разрешении международных морских споров мирными средствами. Предметом исследования являются правоотношения между международными судебными органами по толкованию и применению Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Целью статьи является определение норм права по взаимодействию международных судебных органов, рассматривающих международные морские споры на основе Конвенции по морскому праву. Гипотеза исследования состоит в том, что взаимодействие международных судебных органов, функционирующих в рамках одного договорно-правового режима, вызывает конкуренцию юрисдикций международных судебных органов и является продуктивным.

Ключевые слова: международное морское право, международный судебный орган, международный морской спор, конкуренция юрисдикций.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.145-148

Международные судебные органы находятся в перманентном взаимодействии друг с другом, что отражается как в организационных моментах, так и в решениях международных судебных форумов. Организационное сотрудничество разных МСО друг с другом может быть заложено в международно-правовом акте. Так, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. предполагает разрешение международных морских споров по толкованию или применению Конвенции путем использования следующих международных судебных

органов: Международный трибунал по морскому праву (далее — МТМП, Трибунал), Международный суд ООН, арбитраж, образованный в соответствии с приложением VII; специальный арбитраж, образованный в соответствии с приложением VIII¹.

Взаимодействие международных судебных органов определяется общими юрисдикциями (компетенциями), которыми они наделяются уставными документами, статутами. Это такие совпадающие юрисдикции, как рассмотрение дела по существу спора, вынесение по-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994). Ст. 287 // URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121270> (дата обращения: 14.01.2018).

становления о консультативных заключениях, предписание временных мер, допуск третьей стороны к рассмотрению дела, пересмотр своих решений и т.п. Общие юрисдикции процедур, рассматривающих морские споры на основе Конвенции, определяются ст. 288—296. Их общие юрисдикции представляют собой совпадающие (конкурирующие) юрисдикции, которые ведут к конкуренции между МСО по толкованию и применению Конвенции.

Взаимодействие международных судебных органов проявляется в том, что различные судебные органы оказываются наделенными юрисдикцией в отношении одних и тех же споров, то есть их юрисдикции переплетаются и накладываются друг на друга. В таких случаях, вынося решения, различные МСО обращаются к решениям, принятым другими судами, и оказываются перед неизбежностью толкования решений этих других судов². Таким образом, международные судебные органы в своих решениях учитывают не только свою предыдущую практику, но и практику решений других международных судебных органов. Данное явление происходит со всеми международными судами, включая Международный суд ООН, что отмечают специалисты в области международного права. Например, Международный суд ссылается на решения Международного трибунала по морскому праву³.

При вынесении своих решений Международный трибунал по морскому праву учитывает решения других международных судебных органов по международным морским спорам, особенно это касается решений Международного суда и других способов урегулирования споров, перечисленных в ст. 287 Конвенции.

Арбитраж по приложению VII Конвенции также учитывает решения Международного суда и Международного трибунала по морскому праву. В качестве примера можно привести спор о делимитации морских пространств между Бангладеш и Индией, когда арбитраж

по приложению VII, вынося свое решение по делу, учитывал решение по спору о делимитации морских пространств между Бангладеш и Мьянмой, ранее рассмотренное Трибуналом.

В пункте 5 ст. 290 Конвенции, регулирующей деятельность МСО при вынесении временных мер в области морского права, сказано, что до образования арбитража, которому передается спор, любой суд или арбитраж по договоренности сторон или, при отсутствии договоренности, в течение двух недель со времени подачи просьбы о временных мерах, Трибунал или Камера по спорам, касающимся морского дна (в отношении деятельности в районе), могут предписать, изменить или отменить временные меры, если они считают, что *prima facie* арбитраж, который должен быть образован, будет обладать компетенцией и что этого требует срочный характер ситуации.

При этом арбитраж или суд, который будет рассматривать дело по существу спора, имеет юрисдикцию на вынесение своих временных мер: он может изменить, отменить или подтвердить временные меры, вынесенные ранее. Таким образом, в ст. 290 Конвенции заложено взаимодействие международных судебных органов по предписанию временных мер. Международный судебный орган (арбитраж или суд), рассматривающий дело по существу спора, должен учитывать временные меры, ранее предписанные Международным трибуналом по морскому праву. Так, при рассмотрении дела *Enrica Lexie* (инцидент с судном «Энрика Лекси» (Италия против Индии)) по существу спора арбитраж по приложению VII учел постановление о временных мерах, вынесенное МТМП, при этом вынес свои временные меры с учетом произошедших изменений.

Анализ судебных решений и учет практики других международных судебных органов имеет важное значение, поскольку государства ощущают, что в судебных процедурах есть определенная последовательность⁴. Ссылаясь на

² *Martinez J. S. Towards an International Judicial System // Stanford Law Review. 2003. V. 6. P. 440—458.*

³ Интервью с судьей Международного трибунала по морскому праву В. В. Голицыным // *Международное правосудие. 2012. № 3 (4). С. 104—113 ; Martinez J. S. Op. cit.*

⁴ Интервью с судьей Международного трибунала по морскому праву В. В. Голицыным.

решения других МСО, в 11 случаях из 184 международных судебных органы не согласились с предшествующей практикой других международных судов, в 173 случаях ссылка была безосновательной или одобрительной⁵.

Активное взаимодействие международных судебных органов проявляется в использовании одинаковых методов и тестов в процессе работы над делами, что способствует унификации, последовательности, объективности при рассмотрении дел. Например, при разрешении дел, связанных с делимитацией морских пространств, экономических зон, морских границ, Международный трибунал по морскому праву применяет методологии, созданные Международным судом. Это методы равного отстояния, срединной линии, меридианных линий (секторальный метод) и т.п. Так, при разрешении дела о разграничении континентального шельфа между Мьянмой и Бангладеш за пределами 200 морских миль МТМП использовал методы и вынес решение⁶, на которые до этого не решался Международный суд и которые впоследствии Международный суд стал использовать в своей практике⁷.

Взаимодействие МСО выражается в создании и использовании типовых моделей таких инструментов международного правосудия, как уставы, процессуальные формы, формы судебных решений. При обнаружении недостатков или пробелов в оформлении документов, применении процессуальных норм или правил исполнения процедуры международный судебный орган зачастую обращается к практике других МСО. Данное явление Ю. Шейни обозначает как «взаимное обогащение и главный источник унификации международного судебного

процесса»⁸. При этом выявленный недостаток исправляется прямым включением нормы, которая успешно используется другими МСО, или заимствованием из национальных правовых систем общих принципов, которые применяются другими МСО как обычай.

Взаимодействие МСО проявляется и в том, что одни и те же судьи зачастую служат в разных международных судебных органах⁹. Это позволяет судьям быть в курсе принимаемых разными МСО решений, что, по нашему мнению, положительно сказывается на предоставленных им на рассмотрение делах и решениях по ним.

Самым важным результатом взаимодействия международных судебных органов является, на наш взгляд, появление международных судебных органов, созданных по образцу других МСО. Так случилось с Международным трибуналом по морскому праву, который создан по образцу Международного суда. Статут Трибунала разрабатывался по образцу статута Суда ООН.

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время международные судебные органы, рассматривающие международные морские споры на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., активно взаимодействуют друг с другом, что наилучшим образом отражается на международном праве и международном правосудии. Их взаимодействие проявляется как в организационном сотрудничестве МСО друг с другом, так и в наделении их общими (совпадающими) юрисдикциями, в переплетении и наложении их юрисдикций, в конкуренции юрисдикций; в создании и использовании типовых моделей инструментов международного правосудия; в использовании одинаковых методов и тестов, применяющихся в работе над де-

⁵ *Simma B.* Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner // EJIL. 2009. № 2. P. 282.

⁶ МТМП признал право Бангладеш на 320-километровую исключительную экономическую зону в Бенгальском заливе. Апелляции со стороны Мьянмы не последовало. Обе стороны спора подчинились решению.

⁷ Интервью с судьей Международного трибунала по морскому праву В. В. Голицыным.

⁸ *Shany Yu.* The Competing Jurisdictions of International Courts and Tribunals. 3rd. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 138.

⁹ См.: Список судей и арбитров, рассматривающих морские споры в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., на официальном сайте Международного суда ООН: Lists of conciliators and arbitrators // URL: http://www.un.org/Depts/los/settlement_of_disputes/conciliators_arbitrators.htm (дата обращения: 01.08.2018).

лами; в учете практики и решений других МСО; в службе одних и тех же судей в разных международных органах. Самым важным результатом взаимодействия международных судебных органов является, на наш взгляд, появление международных судебных органов, созданных по образцу других МСО.

Взаимодействие международных судебных органов, рассматривающих морские споры на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., является продуктивным, оно способствует унификации, последовательности, объективности при рассмотрении дел по толкованию и применению Конвенции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Интервью с судьей Международного трибунала по морскому праву В. В. Голицыным // Международное правосудие. — 2012. — № 3 (4). — С. 104—113.
2. *Martinez J. S.* Towards an International Judicial System // *Stanford Law Abstract*. — 2003. — V. 6. — P. 440—458.
3. *Shany Yu.* *The Competing Jurisdictions of International Courts and Tribunals*. — 3rd edition. — Oxford : Oxford University Press, 2003.
4. *Simma B.* *Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner* // *EJIL*. — 2009. — № 2.

Материал поступил в редакцию 24 июня 2019 г.

COOPERATION OF INTERNATIONAL JUDICIAL BODIES CONSIDERING MARITIME DISPUTES

Ekaterina S. ORLOVA, Postgraduate of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (IZiSP)
orlova-nauka@yandex.ru
ul. B. Chermushkinskaya, d. 34, Moscow, Russia, 117218

Abstract. *The paper is devoted to the cooperation of international judicial bodies operating based on the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. This cooperation is determined by the Convention, which sets out four procedures for the resolution of international maritime disputes.*

The relevance of the paper is determined by the important role of international judicial bodies in resolving international maritime disputes by amicable means. The subject of the study is the relationship between international judicial authorities on the interpretation and application of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. The purpose of the paper is to determine the rules of law on cooperation of international judicial bodies considering international maritime disputes based on the Convention on the Law of the Sea. The hypothesis of the study is that the cooperation of international judicial bodies operating within the framework of a single legal regime causes competition among the jurisdictions of international judicial bodies and is productive.

Keywords: *international maritime law, international judicial body, international maritime dispute, competition of jurisdictions.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Interv'y u sud'ej Mezhdunarodnogo tribunala po morskomu pravu V. V. Golicynym // *Mezhdunarodnoe pravosudie*. — 2012. — № 3 (4). — S. 104—113.
2. *Martinez J. S.* Towards an International Judicial System // *Stanford Law Abstract*. — 2003. — V. 6. — P. 440—458.
3. *Shany Yu.* *The Competing Jurisdictions of International Courts and Tribunals*. — 3rd edition. — Oxford : Oxford University Press, 2003.
4. *Simma B.* *Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner* // *EJIL*. — 2009. — № 2.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

А. А. Макарушкова*,

И. В. Соловьева**

Сравнительно-правовой анализ современных источников гражданского права России, Франции и Германии

Аннотация. В статье на основе сравнительно-правового анализа рассматриваются современные подходы к системе источников гражданского права России, Франции и Германии. Обращается внимание на сходство и различия (по форме, названию, структуре, содержанию, значимости) источников гражданского права названных стран, обусловленные объективными и субъективными факторами, а также особенностями их правовых систем.

Отмечается, что круг источников гражданского права во Франции и в Германии значительно шире, чем в России. Среди источников гражданского права данных правовых систем общий фундамент образуют гражданские кодексы и законы, содержащие нормы гражданского права. Прослеживаются современные тенденции к значительному расширению и усложнению системы источников российского гражданского права и ее сближения с законодательством Франции и Германии.

Делается вывод о необходимости систематизации и закрепления развернутой системы источников гражданского права в ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, адаптации отдельных правовых институтов французского и германского гражданского права с целью совершенствования российского законодательства и развития современных источников российского гражданского права и их системы в контексте сочетания опыта французского и германского права с отечественными правовыми традициями.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, романо-германская правовая семья, гражданское право, гражданский оборот, источники права, правовые системы, закон, правовой обычай, судебный прецедент, правовая доктрина.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.149-161

© Макарушкова А. А., Соловьева И. В., 2019

* Макарушкова Алла Александровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и судопроизводства Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации amakarushkova@mail.ru

428024, Россия, г. Чебоксары, пр. М. Горького, д. 24

** Соловьева Ирина Владимировна, магистр права, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации

solovira0501@rambler.ru

428024, Россия, г. Чебоксары, пр. М. Горького, д. 24

Учение об источниках права является одним из центральных разделов юридической науки и вызывает многолетние дискуссии среди ученых-правоведов¹. Вместе с тем переход России к цифровой экономике, усложнение гражданского оборота, обновление гражданско-правовой законодательной системы актуализировали проблему определения, систематизации и дальнейшего развития современных источников российского гражданского права. Немаловажную роль в этом играют новые тенденции в правопонимании, а также интеграционные процессы и взаимодействие национальной правовой системы с зарубежными.

Основу современной реформы российского гражданского права составляет Концепция развития гражданского законодательства 2009 г.², в которой одним из важнейших ориентиров развития российского гражданского права рассматривается иностранный правовой опыт, в частности правовая система континентальной Европы, или романо-германская правовая семья.

По мнению К. М. Арсланова, «бесспорной является связь современного российского права с континентальной правовой системой, состоящей, в свою очередь, из различных групп, которые не могут быть сегодня четко отграничены друг от друга»³. В то же время историческое развитие российского права в рамках цивилистического направления позволяет отнести его одновременно к двум правовым группам континен-

тальной правовой семьи: «западной» (Франция, Бельгия, Испания и др.) и «центральной европейской» (Германия, Австрия, Швейцария и др.). Подтверждением сказанному служит и наличие в российском гражданском законодательстве ряда юридических конструкций иностранного законодательства, в частности институт юридического лица, секвестра, договоры факторинга, агентирования, лизинга и др. При этом особую значимость в контексте концептуального реформирования приобретает вопрос о сравнительно-правовом анализе источников гражданского права России, Франции и Германии, поскольку он дает возможность определить масштабы и формы восприятия современного иностранного правового опыта, использования юридических конструкций французского и германского гражданского законодательства в российском гражданском законодательстве и направления дальнейшего развития как российского гражданского законодательства, так и современных источников российского гражданского права.

Как справедливо отмечает М. Н. Марченко, «национальные правовые системы в плане формирующих источников в силу исторических и национальных традиций, особенностей правовой культуры и иных факторов весьма значительно отличаются друг от друга»⁴. Вместе с тем указывает на «существование “относительно самостоятельной”⁵ системы источников отдельных отраслей права, в том числе и гражданского, что

¹ *Марченко М. Н.* Источники права : учеб. пособие. М. : ТК Велби, Проспект, 2008. 760 с. ; *Ковтун Д. В.* Источники частного права : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 206 с. ; *Диденко А. А.* Система источников гражданского права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 222 с. ; *Источники гражданского права России: история и современность : монография.* М. : Юрлитинформ, 2009. 179 с. ; *Храмов Д. В.* Нетрадиционные источники российского частного права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 213 с. ; *Левушкин А. Н.* К вопросу об источниках гражданского права в государствах постсоветского пространства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 136—141 ; *Павлова Н. Н.* Современная система источников российского гражданского права (на базе сравнительно-правового анализа законодательств государств постсоветского пространства) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 196 с.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 11.

³ *Арсланов К. М.* О взаимосвязи российского гражданского права с германской правовой системой // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 4. С. 68—69.

⁴ *Марченко М. Н.* Источники права. С. 123.

⁵ *Марченко М. Н.* Источники права. С. 105.

и обуславливает необходимость ее всестороннего исследования»⁶. Однако, несмотря на имеющиеся отличия между ними, опыт правового регулирования отдельных отношений источниками гражданского права Франции и Германии может быть частично заимствован применительно к некоторым институтам гражданского законодательства РФ.

Следует отметить, что в России, во Франции и в Германии сложилась иерархическая система нормативных правовых актов — источников гражданского права, основанная на конституции соответствующей страны. Это исторически обусловлено отнесением этих стран к континентальной (романо-германской) правовой семье, где право основано на законе преимущественно в его кодифицированной форме.

Характеризуя континентально-европейскую систему права, Ю. А. Тихомиров отмечает: «Система отличается “нормативной упорядоченностью и структурированностью источников”...»⁷ Как известно, основным источником в континентально-европейской правовой системе выступает нормативный правовой акт (*enacted law*), который, будучи одной из форм права, занимает далеко не одинаковое место в различных правовых системах современности. При этом в каждой правовой системе существует большое разнообразие источников гражданского права. Однако понимание и значимость тех или иных источников гражданского права в континентальной правовой системе в силу их разнообразия до сих пор носит дискуссионный характер.

Среди источников гражданского права России, Франции и Германии высшей юридической силой и фундаментальным источником для всех отраслей правовой системы, в том числе и для гражданского права, выступает конституция. Если говорить о России, то следует заметить, что в ст. 3 Гражданского кодекса РФ⁸ Конституция РФ⁹ не обозначена как фундаментальный источник гражданского законодательства. Между тем она выступает основной не только для гражданского, но и для иного отраслевого законодательства и иных источников.

Более того, гражданско-правовые отношения регламентируются рядом статей Конституции РФ, в частности ст. 8, п. 2 ст. 9, в которых закрепляются и гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, а также признаются и защищаются различные формы собственности. В то же время формулировка норм действующего ГК РФ явно недооценивает значение Конституции и, на наш взгляд, нуждается в усовершенствовании.

К примеру, в ст. 17 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (фр. *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*), являющейся составной частью действующей Конституции Франции 1958 г.¹⁰, гарантируется право собственности, а в ст. 14 Конституции ФРГ 1949 г.¹¹ (нем. *Grundgesetz, GG*) гарантируется собственность и право наследования.

⁶ Цит. по: Павлова Н. Н. Современная система источников российского гражданского права (на базе сравнительно-правового анализа законодательств государств постсоветского пространства) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 26.

⁷ Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. С. 112.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014, с изм. от 23.06.2014) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.

¹⁰ La Constitution du 4 octobre 1958 // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution> (дата обращения: 20.03.2019).

¹¹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland von 23 Mai 1949. Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 100-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347) geändert worden ist.

1. Доминирующее положение среди законов как источников гражданского права России, Франции и Германии занимают гражданские кодексы (в Германии — Германское гражданское уложение) как специальные нормативные правовые акты, комплексно регулирующие гражданско-правовые отношения.

2. В настоящее время в России действует ГК РФ, структурно состоящий из четырех частей, принимавшихся в различное время и охватывающих свыше 1 500 статей.

3. Во Франции одним из важных источников гражданского права выступает Французский гражданский кодекс 1804 г.¹², известный под названием Кодекс Наполеона (Code civil) (далее — ФГК). ФГК основан на заимствованной из римского права институционной системе и состоит из вводного титула и трех книг: книга I — «О лицах», книга II — «Об имуществе и различных видоизменениях собственности» и книга III — «О различных способах, которыми приобретает наследство», включающих 2 281 статью. Стоит отметить, что, несмотря на радикальное обновление норм ФГК, он продолжает действовать, хотя и существенно устарел. Иллюстрацией такого положения может служить высказывание одного из ученых-правоведов — А. И. Лубенского, который характеризует французскую кодификацию как «консолидацию законодательства, сопровождаемую его частичной ревизией»¹³.

В гражданско-правовой сфере Германии до сих пор применяется Германское гражданское

уложение 1896 г. с последующими изменениями и дополнениями (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) (далее — ГГУ)¹⁴, которое включает 2 385 статей (параграфов), объединенных в 5 книг: книга 1 — «Общая часть», книга 2 — обязательственное право, книга 3 — вещное право, книга 4 — семейное право, книга 5 — наследственное право. Вступив в силу 1 января 1900 г., фундаментальный нормативный правовой акт воплотил лучшие традиции римского и германского права, достойные внимания российского законодателя и цивилистической доктрины. В истории права ГГУ считается вторым (после французского ГК 1804 г.) классическим выражением частного права эпохи нового времени¹⁵. Примечательно, что его структура и институты были использованы впоследствии при составлении проекта Гражданского уложения Российской империи, а в дальнейшем и при разработке Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и гражданских кодексов других союзных республик СССР. На это обстоятельство обращают внимание В. Бергман и Е. А. Суханов, отмечая, что «правовые идеи, заложенные в основу Германского гражданского уложения, являются исторически более близкими для отечественного правопорядка»¹⁶.

4. Как показывает сравнительный анализ современного ГК РФ и ГГУ, при разработке ГК РФ российский законодатель активно использовал институты и правовые нормы ГГУ, а также учел национальные правовые традиции.

В то же время недостатком ГГУ является то, что в отличие от ГК РФ он характеризуется слож-

¹² Текст ФГК на французском и английском языках см.: URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=49E94E67D0DF99B51D81A8685040BCED.tpdila07v_1?idSectionTA=LEGISCTA00000613624_0&cidTexte=LEGITEXT000006070721&dateTexte=20080629 (дата обращения: 20.03.2019).

¹³ Лубенский А. И. Систематизация законодательства во Франции. Информация о законодательстве зарубежных стран. М. : ВНИИСЗ, 1970. Вып. 50. С. 6.

¹⁴ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) von 18.08.1896 // URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=de&u=http://www.gesetze-im-internet.de/uhvorschg/&prev=search> (дата обращения: 20.03.2019).

¹⁵ Рассказов Л. П. Формирование нормативного элемента правовых систем Германии и Франции и влияние этого процесса на другие страны Европы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 105 (01). С. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-normativnogo-elementa-pravovyh-sistem-germanii-i-frantsii-i-vliyanie-etogo-protsessana-drugie-strany-evropy>.

¹⁶ Цит. по: Мацакян Г. С. Особенности правовой конструкции узурфрукта в российском, германском и французском гражданском праве // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 58.

ностью и громоздкостью, обилием специальных юридических терминов, неопределенностью формулировок и злоупотреблением отсылками к другим, так называемым «каучуковым нормам», закрепляющим лишь общие правовые принципы и предназначенным для содержательного наполнения именно через судебную практику. В то же время нельзя не признать и их определенной практической ценности, поскольку такие нормы позволяли более успешно решать задачу модернизации права, приспособив его к существующим реалиям.

В отличие от России и Германии, кодификация во Франции имеет свои особенности. В частности, ФГК включает в себя не только законодательную часть, но и группы норм подзаконного уровня. Если в России, согласно п. 2 ст. 3 ГК РФ, под термином «законодательство» понимает лишь сам кодекс и принятые в соответствии с ним федеральные законы, то нормы гражданского права Франции могут содержаться в ордонансах Правительства Франции и декретах Президента Франции. Причем во всех рассматриваемых странах прослеживается тенденция к постоянному увеличению числа статей гражданского кодекса за счет включения новых блоков регулирования. Но в отличие от ГК РФ и ГГУ, ФГК не имеет приоритета по сравнению с некодифицированными законодательными актами.

Стоит отметить, что Россия и Германия, в отличие от Франции, являются федеративными государствами, поэтому к источникам гражданского права, помимо гражданских кодексов, относятся и иные законы, регулирующие гражданско-правовые отношения. Однако в Германии каждая из 16 земель имеет свои законодатель-

ные акты, принимаемые уполномоченными на то государственными органами на уровне субъектов, что значительно усложняет систему источников гражданского права Германии в связи с дополнительными требованиями и характеристиками к нормативному акту.

В России, в отличие от Германии, гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), а следовательно, субъекты РФ не наделены правом принятия законодательных актов в сфере гражданского права. В силу этого конституционного положения к источникам гражданского права относятся только общегосударственные (федеральные) законы, в том числе кодифицированные: Земельный кодекс РФ¹⁷, Семейный кодекс РФ¹⁸, Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»¹⁹, Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»²⁰ и т.д.

Во Франции широкое распространение получила практика правового регулирования отдельных отраслей (транспортного, природоохранительного, трудового и др.) в виде издания консолидированных законодательных актов, что отличает источники Франции от России. Среди таких консолидированных кодексов особо следует выделить: Кодекс интеллектуальной собственности²¹, Коммерческий кодекс²² и др. Большое значение для гражданского права имеют и некодифицированные акты, такие как: Закон № 2014-1545 от 20 декабря 2014 г., касающийся упрощения жизни компаний и несущий различные положения об упрощении и уточнении закона и административных процедур²³, Закон № 2010-658 от 15 июня 2010 г. «Об индивиду-

¹⁷ СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹⁸ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁹ СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

²⁰ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

²¹ Code de la propriété intellectuelle, version consolidée au 8 novembre 2015 // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006069414> (дата обращения: 20.03.2019).

²² Code de commerce, version consolidée au 23 décembre 2015 // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000005634379> (дата обращения: 20.03.2019).

²³ Loi n° 2014-1545 du 20 décembre 2014 relative à la simplification de la vie des entreprises et portant diverses dispositions sur la simplification et la clarification de la loi et des procédures administratives // URL: <https://>

альном предпринимателе с ограниченной ответственностью»²⁴ и т.д.

Основной нормативной базы правовой системы Германии, как и Франции, являются кодексы. Однако здесь отсутствуют консолидированные кодексы.

Присущий частному праву Франции и Германии дуализм неизбежно создает трудности для нормотворческой деятельности, т.к. не всегда возможно провести четкую грань между нормами гражданского и торгового права. В связи с этим в Германии, к примеру, дуалистические нормы помещаются законодателем в специальные неcodифицированные законы. К ним относятся, например, Закон от 23 марта 2013 г. «О защите наследственных прав и прав на участие в производстве по наследственным делам внебрачных детей и детей, усыновленных одним родителем»²⁵, Закон от 20 декабря 2001 г. «О приобретении и поглощении ценных бумаг»²⁶ и т. д.

Согласно п. 6 ст. 3 ГК РФ к источникам гражданского права относятся и подзаконные нормативные правовые акты: указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. Например, Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁷, постановление Правительства РФ от

14 октября 2010 г. № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»²⁸.

Аналогично России в Германии подзаконные акты (постановления Федерального правительства, федеральных министров и правительств земель) относятся к числу источников гражданского права. К примеру, постановление от 8 мая 1974 г. «О страховании ответственности автотранспортных средств для иностранных автотранспортных средств и прицепов»²⁹.

В отличие от России и Германии во Франции важная роль, наряду с законом, отводится так называемому делегированному законодательству, принимаемому в форме, сходной с российским подзаконным нормативным актом, — в форме регламентарного акта (*reglements*). Нормы гражданского права могут содержаться в разнообразных формах: указах (*ordonnances*) правительства, декретах (*décrets*) президента и премьер-министра, постановлениях, циркулярах и т.п. (например, Ордонанс от 1 декабря 1986 г. № 86-1243 «О свободе цен и конкуренции», ордонанс от 10 февраля 2016 г. № 2016-131 «О праве договоров, об общих положениях и доказывании обязательств»³⁰). Использование указов стало распространенной практикой правотворчества с 2000 г.³¹, что связано с увеличением удельного веса актов исполнительной

www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?dateTexte=20190121&cidTexte=JORFTEXT000029926655&fastPos=196&fastReqId=910644574&oldAction=rechExpTexteJorf (дата обращения: 20.03.2019).

²⁴ LOI n° 2010-658 du 15 juin 2010 sur l'entrepreneur individuel à responsabilité limitée // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?dateTexte=20190121&cidTexte=JORFTEXT000022355229&fastPos=441&fastReqId=910644574&oldAction=rechExpTexteJorf#> (дата обращения: 20.03.2019).

²⁵ Das Gesetz zum Schutz des Erbrechts und der Verfahrensbeteiligungsrechte nichtehelicher und einzeladoptierter Kinder im Nachlassverfahren vom 21.03.2013 // BGBl. I S. 554.

²⁶ Das Securities Acquisition and Acquisition Act vom 20.03.2001 // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/wp_g/BJNR382210001.html (дата обращения: 20.03.2019).

²⁷ СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. I). Ст. 3482.

²⁸ СЗ РФ. 2010. № 42. Ст. 5398.

²⁹ BGBl. I стр. 1062 // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/hpflgldv/BJNR010629974.html> (дата обращения: 20.03.2019).

³⁰ Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=BB5B8A7EE5045A6159B998FD4BDF0E07.tpdila13v_1?cidTexte=JORFTEXT000032004939&dateTexte=20160212 (дата обращения: 20.03.2019).

³¹ Марку Ж. Закон и правотворчество во Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4 (53). С 557.

власти. Причем в отличие от России и Германии регламентарные акты приравниваются по силе к закону и могут издаваться не только во исполнение, но и в дополнение к закону.

Особая роль в системе источников гражданского права правовых систем России, Франции и Германии принадлежит международным договорам. Следует заметить, что конституции различных стран содержат различные по смыслу нормы относительно международных договоров. Так, в России и Германии международные договоры в соответствии с Конституцией признаются составной частью правовой системы государства (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 25 Конституции Германии). Иная формулировка содержится в ст. 55 Конституции Франции: «Договоры или соглашения, должным образом ратифицированные и одобренные, имеют силу, превышающую силу внутренних законов, с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной»³².

Как видно из конституционных формулировок, «влияние международного права в праве России и Германии отражено более четко, чем во Франции, поскольку в Конституции Франции содержится указание на “договоры или соглашения...”, а не на нормы международного права»³³. Кроме того, как показывает правоприменительная практика, приоритет международного права, установленный Конституцией Франции, не гарантирует, что суд будет основывать свое решение на международных договорах.

Следует заметить, что, несмотря на противоречия с положениями конвенций, продолжает действовать и применяться национальное законодательство Франции. Это обстоятельство отличает Францию от России и Германии.

Являясь частью правовой системы, международные договоры не смешиваются с национальным гражданским законодательством, что вытекает из ст. 7 ГК РФ. При этом Россия является участницей как многосторонних договоров (конвенции) (например, Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» (Венская конвенция 1980 г.)³⁴, так и двусторонних (например, Договор между СССР и ФРГ от 13 июня 1989 г. о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений³⁵).

В правовой системе Франции самостоятельным источником гражданского права признаются и общие принципы права, получившие законодательное закрепление в Декларации прав человека и гражданина и в последующих конституционных актах. Им уделяется особое внимание в связи с их важной ролью в преодолении законодательных пробелов.

К числу источников гражданского права правовых систем России, Франции и Германии относятся правовые обычаи (обычное право) «как исторически общепринятые и “правильные” с моральной точки зрения правила поведения»³⁶.

В России в условиях усложнения имущественных отношений роль обычая все более возрастает. Официально в российском гражданском праве обычай был возведен в ранг источников с внесением изменений в ГК РФ в 2012 г. Правила об обычаях содержатся в ряде статей ГК РФ: 309, 311, 312, 314, 431, 438, 451, 452, 474, 478, 508, 516, 874, 891, 985 и др.

Следует подчеркнуть, что в России правовые обычаи должны соответствовать положениям законодательства или договора (п. 2 ст. 5 ГК РФ). При этом в иерархической системе источников гражданского права обычай рассматривается

³² Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. URL: <http://ural-education.ru/wp-content/uploads/2016/10/Марченко-М.Н.-Проблемы-общей-теории-государства-и-права-в-2-т.-Т.-2..pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

³³ Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 14.

³⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 1.

³⁵ Vertrag über die Forderung und den gegenseitigen Schutz von Kapitalanlagen vom 13.06.1989 // Bundesgesetzblatt. Teil II. 1990. S. 342.

³⁶ Лаптев В. А. Российские правовые обычаи в предпринимательстве // Право и экономика. 2016. № 2. С. 4—9. URL: <http://отрасли-права.рф/article/16297> (дата обращения: 20.03.2019).

лишь как дополнительный (восполнительный) источник в нижнем уровне иерархической структуры, т.е. это своего рода *consuetudo secundum legem*.

В настоящее время во Франции роль обычая (*coutume, usage*) как источника гражданского права не столь значима. Французские юристы «пытаются видеть в нем (обычае) несколько устаревший источник права, играющий незначительную роль с того времени, когда мы вместе с кодификацией признали бесспорное верховенство закона»³⁷. Тем не менее ФГК упоминает об обычаях, наделив их приоритетом перед договором (сделками). Так, в силу ст. 1135 ФГК соглашения (договоры) сторон обязывали соблюдать не только указанные в нем положения, но и положения законов, обычаев и справедливости. Любые неясности договоров толковались в соответствии с местными обычаями (ст. 1159 ФГК)³⁸.

Аналогичный подход к обычаям (*Gewohnheitsrecht*) сложился и в Германии, где они теоретически признаются источниками гражданского права. При этом по юридической силе они приравниваются к закону, но их роль как источника в современной правовой системе Германии не столь значительна, как в XIII—XIX вв. Тем не менее сегодня ГГУ предусматривает правовые обычаи в ряде параграфов, в частности в ст. 157, 242.

Во всех странах романо-германской правовой семьи наиболее распространены обычаи, которые выступают «в дополнение к закону» (*secundum legem*). Однако во Франции и Германии, в отличие от России, допускается существование и применение обычаев, противоречащих законодательству. Кроме того, в Германии правовые обычаи по своей силе приравниваются к закону, а во Франции они обладают приоритетом перед договорами (сделками). В России,

наоборот, обычаи в случае их противоречия законодательству или договору применяться не могут (п. 2 ст. 5 ГК РФ). В то же время неясность в толковании условия договора может, как и в ФГК, устраняться обычаями и последующим поведением сторон (ст. 431 ГК РФ). Сравнивая сферы применения обычаев в правовых системах анализируемых стран, подчеркнем, что в отличие от России и Германии, в правовой системе Франции обычай получил большее распространение в коммерческом (торговом) и трудовом праве.

В теории источников романо-германского права наиболее распространена классификация их на первичные и вторичные (производные) источники. Согласно сложившемуся обыкновению и юридической практике, в ряде стран романо-германской правовой семьи к первичным источникам относят все без исключения нормативные правовые акты (*enacted law*), правовые обычаи и иногда «общие принципы права»³⁹. К вторичным — судебные прецеденты и правовые доктрины, т.е. «научные труды известных ученых-юристов»⁴⁰.

Общеизвестно, что континентально-европейская правовая система негативно относится к прецедентному праву, в связи с чем в российской правовой науке судебный прецедент не признается подлинным источником российского права. На это указывают и положения ст. 3 ГК РФ, относящие к источникам гражданского права только нормативные правовые акты. Некоторые ученые-цивилисты также полагают, что судебная практика не содержит правовых норм, в связи с чем не может быть признана составной частью правовой системы РФ⁴¹. По мнению В. В. Момотова, «развитие правовой мысли с неизбежностью привело к отказу от таких формалистских взглядов». В связи с этим в современной правовой системе России судеб-

³⁷ Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права.

³⁸ Лаптев В. А. Российские правовые обычаи в предпринимательстве // URL: <http://отрасли-права.рф/article/16297> (дата обращения: 20.03.2019).

³⁹ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2011. 324 с. URL: <http://knigi.link/gosudarstva-prava-teoriya/osobennosti-sudebnogo-pretседента-sisteme-17865.html> (дата обращения: 20.03.2019).

⁴⁰ Марченко М. Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 7.

ный прецедент хотя официально и не признается в качестве источника гражданского права, а в доктрине интерпретируется противоречиво, тем не менее фактически существует, приобретая все большее значение в правоприменительной и правотворческой практике. В частности, постановления высших судебных инстанций — Конституционного и Верховного судов — играют огромную роль в регулировании гражданских правоотношений при разрешении ряда вопросов, по сути связывая право с жизнью, выходя далеко за рамки официального толкования действующего законодательства РФ и достаточно часто восполняя пробелы в российском гражданском законодательстве.

В последние годы значение прецедентного права возрастает в странах романо-германского права, в частности в Германии, Франции, Швейцарии⁴².

Аналогично правовой системе России, во Франции и Германии судебный прецедент *de jure* не считается источником гражданского права, но *de facto* признаются его весьма важная практическая роль и влияние на развитие права и системы его источников.

В правовых системах Франции и Германии прецедент в системе источников гражданского права занимает двойственное и противоречивое положение. В частности, известные французские ученые в области сравнительного правоведения Р. Давид и К. Жоффре-Спинози, говоря о месте, отводимом среди источников права судебным решениям, указывают: «...Чтобы судить о важности судебных решений в выработке права, следует и здесь остерегаться готовых формул, которые, стремясь подчеркнуть исключительность закона, отказываются призна-

вать источником права судебную практику. Эти формулы несколько смешны, когда их употребляют в такой стране, как Франция или ФРГ, где судебная практика в ряде сфер играет ведущую роль в развитии права...»⁴³. Тем не менее анализ реальной действительности позволяет отнести судебную практику к числу вторичных, вспомогательных источников права. Об этом свидетельствует и тот факт, что «несмотря на формальное непризнание в ряде стран судебной практики в качестве источника континентального права, число сборников судебной практики год от года увеличивается во Франции, Германии, Швейцарии, Италии и многих других странах»⁴⁴. Очевидно, это означает формальное (нормативное) закрепление судебной практики с целью последующего ознакомления юристов-практиков с новыми прецедентами и применения их при разрешении аналогичных дел, а также признание судебной практики источником права.

Однако до настоящего времени дискуссионными остаются вопросы о том, в какой мере и в какой форме осуществляется это признание прецедента в качестве источника права⁴⁵.

Так, в законодательстве Франции предусмотрена нормотворческая роль судебной практики Кассационного суда Франции (ст. 4 ФГК), а в Германии — решений Федерального конституционного суда. Однако в отличие от Франции, в правовой системе Германии прецеденту принадлежит особая роль. Это обусловлено требованием единства судебной практики на конституционном уровне (ст. 95 Конституции Германии) и тем, что решения Федерального конституционного суда по юридической силе приравниваются к закону, что позволяет рассматривать их как источники права.

⁴¹ См., например: *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1910. С. 236; *Курбатов А. Я.* Прецедентное право в России: пренебрежение к законам и усугубление проблем правоприменения // Закон. 2011. № 4. С. 103—110.

⁴² *Свирин Ю. А.* Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразии судебной практики // Современное право. 2018. № 4. С. 63—67.

⁴³ *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с. URL: <http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter/285/%C4/21557#chapter> (дата обращения: 20.03.2019).

⁴⁴ *Марченко М. Н.* Источники права. С. 514.

⁴⁵ *Марченко М. Н.* Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права. С. 9.

К числу вторичных неформальных источников гражданского права, связанных с другими источниками права, относится и правовая доктрина.

Следует отметить, что в правовой системе России цивилистическая доктрина источником гражданского права не признается.

В правовых системах Франции и Германии, напротив, доктрине придается большое значение. Подобно судебному прецеденту, правовая доктрина во Франции и Германии формально не признается источником гражданского права, выступая в большей степени как вторичный элемент, оказывающий фактическое влияние на право. В то же время во Франции достаточно высоко ценятся академические мнения и доктрины, касающиеся сугубо прикладных, «практических аспектов права»⁴⁶.

Подводя итог проведенному сравнительно-правовому анализу современных источников гражданского права России, Франции и Германии, можно сделать следующие основные выводы и предложения:

1. В правовой системе России, Франции и Германии существует большое разнообразие современных источников гражданского права, которые имеют как свои общие черты, сходные традиции, закономерности и тенденции становления и развития, так и особенности.

При определенном сходстве источников в каждой из этих стран они различаются по форме, названию, структуре, содержанию, значимости, что обусловлено объективными и субъективными факторами, а также особенностями самих правовых систем.

Следует отметить, что круг источников гражданского права во Франции и в Германии значительно шире, чем в России. Среди источников гражданского права данных правовых систем общий фундамент образуют гражданские кодексы и законы, содержащие нормы гражданского права.

В то же время во Франции приоритет отдается регламентарным актам, формирующим массив делегированного законодательства; во Франции и в Германии важную роль играет такой неформальный источник гражданского права, как правовая доктрина.

2. В настоящее время наблюдается тенденция значительного расширения и усложнения системы источников гражданского права, использования новых источников гражданского права.

В связи с этим с целью более четкого и эффективного регулирования гражданского оборота представляется необходимым систематизировать и закрепить более развернутую систему источников гражданского права в ст. 3 ГК РФ, дополнив ее Конституцией РФ и международно-правовыми источниками, а также привести ее в строгую, научно обоснованную, иерархическую соподчиненность при соблюдении принципа верховенства закона.

3. В условиях глобализации, развития и усложнения гражданского оборота, взаимопроникновения и взаимовлияния правовых систем России, Франции и Германии существенно повысилась роль новых источников гражданского права. Учитывая данное обстоятельство, нам представляется, что активное применение в странах романо-германской правовой семьи таких нетипичных источников гражданского права, как судебный прецедент, правовой обычай и правовая доктрина, повлияет на дальнейшее развитие гражданского оборота и в нашей стране. Игнорирование же мировых тенденций в области новых источников гражданского права крайне негативно скажется на развитии российской правовой системы вследствие нивелирования целого спектра инноваций в области права.

4. Система современных источников российского гражданского права характеризуется ярко выраженной тенденцией ее сближения с законодательством Франции и Германии, в связи с чем развитие современных источников российского гражданского права и их системы должно идти, на наш взгляд, в контексте сочетания иностранного правового опыта, и прежде всего опыта французского и германского гражданского права, с отечественными правовыми традициями, что будет способствовать эффективному развитию российского гражданского законодательства, цивилистики и экономических связей между странами.

⁴⁶ *Dickson B. Introduction to French Law. Glasgow, 1994. P. 13.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арсланов К. М. О взаимосвязи российского гражданского права с германской правовой системой // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 154. — Кн. 4. — С. 67—73.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М. : Международные отношения, 1999. — 400 с.
3. Лаптев В. А. Российские правовые обычаи в предпринимательстве // Право и экономика. — 2016. — № 2. — С. 4—9.
4. Лубенский А. И. Систематизация законодательства во Франции // Информация о законодательстве зарубежных стран — М. : ВНИИСЗ, 1970. — Вып. 50. — 32 с.
5. Марку Ж. Закон и правотворчество во Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 4 (53). — С. 555—560.
6. Марченко М. Н. Источники права : учебное пособие. — М. : ТК Велби, Проспект, 2008. — 760 с.
7. Марченко М. Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 1 (56). — С. 5—13.
8. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016. — Т. 1. — 640 с.
9. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право. — М. : Проспект, 2011. — 324 с.
10. Мацакян Г. С. Особенности правовой конструкции узуфрукта в российском, германском и французском гражданском праве // Юридическая наука. — 2016. — № 2. — С. 58—65.
11. Павлова Н. Н. Современная система источников российского гражданского права (на базе сравнительно-правового анализа законодательств государств постсоветского пространства) : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2015. — 196 с.
12. Рассказов Л. П. Формирование нормативного элемента правовых системы Германии и Франции и влияние этого процесса на другие страны Европы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 105 (01). — С. 1—17.
13. Свириг Ю. А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практики // Современное право. — 2018. — № 4. — С. 63—67.
14. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. — М. : Норма, 1996. — 432 с.
15. Dickson B. Introduction to French Law. — Glasgow, 1994.

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2019 г.

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MODERN CIVIL LAW SOURCES
IN RUSSIA, FRANCE AND GERMANY**

Alla A. Makarushkova, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Judicial Procedure of Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation
amakarushkova@mail.ru
pr. M. Gorkogo, d. 24, Cheboksary, Russia, 428024

Irina V. Solovyeva, Master of Law, Lecturer of the Department of the Humanities and Foreign Languages of Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation
solovira0501@rambler.ru
pr. M. Gorkogo, d. 24, Cheboksary, Russia, 428024

Abstract. *Based on a comparative legal analysis, the paper discusses modern approaches to the system of sources of civil law in Russia, France and Germany. The authors draw attention to the similarities and differences (in form, name, structure, content, significance) of the sources of civil law of these countries, due to objective and subjective factors, as well as features of their legal systems.*

It is noted that the range of sources of civil law in France and Germany is much wider than in Russia. Among the sources of civil law of these legal systems, civil codes and laws containing civil law form a common ground for the system.

Current trends include significant expansion and complication of the Russian civil law system of sources and its convergence with the laws of France and Germany.

The authors conclude that there is a need to systematize and consolidate the detailed system of sources of civil law in Art. 3 of the Civil Code of the Russian Federation, the adjustment of certain legal institutions of French and German civil law in order to improve Russian legislation and develop modern sources of Russian civil law and their system in the context of combining the experience of French and German law with domestic legal traditions.

Keywords: *comparative law, Romano-Germanic legal system, civil law, civil circulation, sources of law, legal systems, law, legal custom, judicial precedent, legal doctrine.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arslanov K. M. O vzaimosvyazi rossijskogo grazhdanskogo prava s germanskoj pravovoj sistemoj // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki. — 2012. — T. 154. — Kn. 4. — S. 67—73.
2. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. V. A. Tumanova. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. — 400 s.
3. Laptev V. A. Rossijskie pravovye obychai v predprinimatel'stve // Pravo i ekonomika. — 2016. — № 2. — S. 4—9.
4. Lubenskij A. I. Sistemizatsiya zakonodatel'stva vo Francii // Informatsiya o zakonodatel'stve zarubezhnyh stran — M. : VNIISZ, 1970. — Vyp. 50. — 32 s.
5. Marku Zh. Zakon i pravotvorchestvo vo Francii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2015. — № 4 (53). — S. 555—560.
6. Marchenko M. N. Istochniki prava : uchebnoe posobie. — M. : TK Velbi, Prospekt, 2008. — 760 s.
7. Marchenko M. N. Osobennosti sudebnogo precedenta v sisteme romano-germanskogo prava // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2016. — № 1 (56). — S. 5—13.
8. Marchenko M. N. Problemy obshchej teorii gosudarstva i prava : uchebnik : v 2 t. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Prospekt, 2016. — T. 1. — 640 s.

9. Marchenko M. N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo. — M. : Prospekt, 2011. — 324 s.
10. Macakyan G. S. Osobennosti pravovoj konstrukcii uzufrukta v rossijskom, germanskom i francuzskom grazhdanskom prave // Yuridicheskaya nauka. — 2016. — № 2. — S. 58—65.
11. Pavlova N. N. Sovremennaya sistema istochnikov rossijskogo grazhdanskogo prava (na baze sravnitel'no-pravovogo analiza zakonodatel'stv gosudarstv postsovetskogo prostranstva) : dis. ... kand. jurid. nauk. — Samara, 2015. — 196 s.
12. Rasskazov L. P. Formirovanie normativnogo elementa pravovyh sisteme Germanii i Francii i vliyanie etogo processa na drugie strany Evropy // Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. — 2015. — № 105 (01). — S. 1—17.
13. Svirin Yu. A. Vliyanie pravovoj pozicii suda na civilisticheskie pravootnosheniya i edinoobrazie sudebnoj praktiki // Sovremennoe pravo. — 2018. — № 4. — S. 63—67.
14. Tihomirov Yu. A. Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya. — M. : Norma, 1996. — 432 s.
15. Dickson V. Introduction to French Law. — Glasgow, 1994.

Программы освобождения и смягчения ответственности за участие в картелях в Российской Федерации и Европейском Союзе

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ текущего уровня развития программ освобождения и смягчения ответственности за участие в картельных соглашениях в Российской Федерации и Европейском Союзе (на уровне всего Союза). Применительно к России проанализированы соответствующие статьи КоАП РФ и УК РФ, методические рекомендации Федеральной антимонопольной службы России, а также судебная практика и решения некоторых УФАС России. В отношении ЕС преимущественно рассматривались Регулятивное письмо Европейской комиссии об освобождении от наложения штрафа и о сокращении его размера по делам о картелях, а также Руководящие принципы по методам исчисления штрафов, налагаемых в соответствии со ст. 23(2)(а) Регламента № 1/2003. В результате анализа выявлен ряд принципиальных различий между двумя программами (например, в ЕС на уровне всего Союза для хозяйствующих субъектов не предусмотрена уголовная ответственность, а перечень оснований для смягчения административной ответственности в РФ шире, чем в ЕС), однако, по мнению автора, общая тенденция их развития складывается в едином направлении.

Ключевые слова: картель, ответственность, освобождение, смягчение, программы, РФ, ЕС, иммунитет, дисконт.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.162-169

Участие в картелях является одной из наиболее распространенных и в то же время опасных форм ограничения конкуренции на современном этапе развития экономических отношений. В связи с этим антимонопольные органы большинства государств, в том числе в Российской Федерации и Европейском Союзе, направляют значительные усилия на борьбу с данным явлением.

Помимо общественной опасности, данный вид антиконкурентных соглашений характеризуется еще и высокой степенью скрытости за счет современных технических средств, что приводит к дополнительным сложностям в их выявлении

и квалификации. Данный факт вынуждает государства постоянно разрабатывать новые и более современные способы борьбы с картелями.

Одним из таких инструментов являются программы освобождения или смягчения ответственности за участие в них (в европейском законодательстве обозначается термином *leniency*). Такие программы представляют собой механизм, который позволяет хозяйствующему субъекту — участнику подобного соглашения понести меньшее наказание или избежать его вовсе при соблюдении определенных условий.

Программы освобождения или смягчения ответственности дают антимонопольным органам

© Молчанов Д. А., 2019

* Молчанов Дмитрий Александрович, аспирант кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

dmitry.molchanov@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

возможность получить информацию о картеле от его непосредственного участника, тем самым понять и оценить объем, продолжительность такого соглашения, а также степень вовлечения каждого из участников.

Рассматриваемый вопрос также актуален в контексте принятия Указа Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»¹, в соответствии с которым одним из ключевых направлений деятельности Федеральной антимонопольной службы (далее — ФАС России) и Генеральной прокуратуры Российской Федерации является предупреждение и пресечение ограничивающих конкуренцию соглашений, а также декартелизация отдельных отраслей экономики.

Для выполнения данных задач необходимо дальнейшее совершенствование российского антимонопольного законодательства и использование ФАС России наиболее передовых и эффективных практик по пресечению картелей, для чего представляется обоснованным проведение сравнительного анализа текущего уровня развития программ освобождения и смягчения ответственности за участие в подобных соглашениях в РФ и ЕС (на уровне всего Союза).

Следует обратить внимание на то, что и в РФ, и на уровне ЕС у хозяйствующих субъектов есть возможность сначала претендовать на полное освобождение от ответственности за рассматриваемое нарушение (далее — иммунитет), и только в случае, если по определенным причинам предоставление иммунитета невозможно, антимонопольным органом рассматривается вопрос о смягчении ответственности (далее — дисконт).

Поскольку вопрос об оценке предоставленных хозяйствующими субъектами заявле-

ний и материалов с последующим решением о применении программы освобождения или смягчения ответственности за участие в картелях в целом возложена на антимонопольные органы, можно согласиться с мнением, что такие программы относятся к так называемому «мягкому» праву: несмотря на нормативное закрепление положений об иммунитетах и дисконтах, у правоприменителя все равно сохраняется возможность не прибегать к их использованию².

В ЕС условия и порядок освобождения участника картеля от установленных санкций или снижения их размера закреплены в соответствующем регулятивном письме Европейской комиссии (далее — Комиссия)³.

В соответствии с данным письмом для полного освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства Европейского Союза хозяйствующему субъекту⁴ — участнику картельного соглашения необходимо предоставить Комиссии такие информацию и доказательства о картеле, в котором этот хозяйствующий субъект принимал участие, которые, по мнению Комиссии, позволят ей провести целевую и внезапную проверку участников картеля для сбора дополнительных доказательств или же сразу зафиксировать существование картельного соглашения при наличии достаточного объема доказательств.

Для того чтобы Комиссия могла провести вышеуказанную целевую проверку, ей необходимо получить от хозяйствующего субъекта соответствующее заявление, которое включает, насколько это ему известно на момент представления такого заявления, подробное описание предполагаемого картеля, включая, например, информацию о его целях, сфере деятельности, товарном и географическом охвате, продолжительности существования, а также о конкретных

¹ СЗ РФ. 2017. № 52 (ч. I). ст. 8111.

² Мильчакова О. В., Молчанов А. В. Программа смягчения ответственности за участие в картелях в зарубежных странах и в России // Российское конкурентное право и экономика. 2017. № 2 (10). С. 26—33.

³ Commission Notice on Immunity from fines and reduction of fines in cartel cases // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006XC1208\(04\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006XC1208(04)&from=EN) (дата обращения: 12.06.2019).

⁴ Здесь и далее: в современной литературе наиболее распространенным переводом европейского *undertaking* является слово «предприятие», однако с целью использования единой терминологии в данной работе для соответствующих субъектов как в ЕС, так и в РФ, применяется термин «хозяйствующий субъект».

контактах участников такого соглашения (с указанием мест, дат и содержания соответствующих встреч).

К формальным требованиям в отношении подобных заявлений относятся, в частности, условие об обязательном указании наименования и адреса местонахождения как минимум того хозяйствующего субъекта, который подает заявление об освобождении от ответственности. Кроме того, приветствуется максимально детальная информация о других участниках предполагаемого картеля, вплоть до имен, должностей и домашних адресов ответственных лиц.

Необходимо также отметить важную процессуальную особенность, а именно необходимость приложения к заявлению об освобождении от ответственности информации о том, к каким другим антимонопольным органам, внутри или за пределами ЕС, обращался или намерен обращаться в отношении предполагаемого картеля заявитель.

В контексте существующей системы двухуровневого регулирования правоотношений в ЕС (на уровнях государств-членов и всего Союза) данное требование представляется крайне обоснованным и необходимым. Речь идет, в частности, о положениях Модельной программы лояльности от Европейской конкурентной сети (в редакции 2012 г.)⁵, из которых следует, что заявление о предоставлении иммунитета, направленное в Комиссию ЕС, и аналогичное заявление, поданное в национальный антимонопольный орган, будут рассматриваться отдельно друг от друга, поскольку указанные органы обладают в данном вопросе параллельной компетенцией⁶. Такой порядок приводит к риску для хозяйствующего субъекта в случае подачи заявления о получении иммунитета или дисконта только в Комиссию ЕС быть привлеченным к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства конкретного государства — члена ЕС и наоборот.

На этом перечень обязательных требований к заявлению заканчивается. По своему желанию хозяйствующий субъект может представить дополнительные сведения и доказательства, относящиеся к предполагаемому картелю.

Важным условием, только при наличии которого заявитель может рассчитывать на положительное решение Европейской комиссии о его освобождении от ответственности, является отсутствие у Комиссии предоставленных хозяйствующим субъектом сведений на момент подачи заявления. Это означает, что, если о предполагаемом существовании конкретного картеля уже было известно или уже велось расследование в его отношении, заявитель не сможет рассчитывать ни на какие иммунитеты.

В этом и заключается один из ключевых принципов программы освобождения от ответственности — информация должна быть для антимонопольных органов новой и актуальной, в противном случае освобождение или смягчение ответственности не будет иметь никакого смысла.

Однако одного заявления недостаточно для того, чтобы сразу рассчитывать на предоставление иммунитета. Далее хозяйствующему субъекту будет необходимо добросовестно, оперативно и на постоянной основе на протяжении всего расследования сотрудничать с Комиссией. К требованиям о таком сотрудничестве в обязательном порядке относится немедленное прекращение участия в раскрываемом картеле.

Следует обратить внимание, что не каждый хозяйствующий субъект, пусть он даже первым заявил о существовании картеля, будет иметь право на полное освобождение от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства ЕС. В частности, если в ходе расследования будет установлено, что данный субъект понуждал других лиц вступить в картель или остаться в нем, т.е. был в какой-либо мере инициатором такого соглашения, он будет лишен возможности получить полный иммунитет —

⁵ ECN model leniency programme // URL: http://ec.europa.eu/competition/ecn/mlp_revised_2012_en.pdf (дата обращения: 12.06.2019).

⁶ Двенадцатова Т. Антимонопольное правоприменение: опыт Евросоюза // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. С. 14—15.

речь может идти только о смягчении ответственности (дисконте).

В отношении самой процедуры освобождения или смягчения ответственности за участие в картельных соглашениях Комиссией разработана отдельная процедура, включающая в себя несколько последовательных этапов⁷.

На первом этапе Комиссия определяет начальную сумму штрафа по каждому нарушению антимонопольного законодательства ЕС.

На втором этапе уже происходит увеличение или уменьшение этой суммы. Так, исходная сумма штрафа может быть уменьшена в случаях, когда Комиссия установит, что имели место смягчающие ответственность обстоятельства, к которым как раз могут относиться вышеизложенные действия хозяйствующего субъекта. Получившаяся сумма штрафа не должна превышать 10 % полного товарооборота хозяйствующего субъекта в предыдущий финансовый год⁸.

Для тех хозяйствующих субъектов, которые не успели первыми предоставить информацию о существовании картеля, предусмотрена возможность получения дисконта, выраженного в снижении оборотных штрафов в зависимости от очередности таких обращений, а именно:

- 30—50 % — для второго заявителя;
- 20—30 % — для третьего;
- 0—20 % — для всех последующих.

В России программа смягчения ответственности за участие в картельных соглашениях закреплена в соответствующих положениях КоАП РФ⁹,

а также в разъяснительных и методических документах ФАС России¹⁰.

При определении размера штрафа в рамках привлечения хозяйствующего субъекта к ответственности по ст. 14.32 КоАП РФ также используется двухступенчатая методология¹¹, подобная методологии Европейской комиссии.

Лицо, добровольно заявившее о заключении им картельного соглашения, освобождается от административной ответственности, если: на момент подачи заявления ФАС России не располагала соответствующими сведениями и документами о картеле; заявитель отказался от дальнейшего участия в таком соглашении; представленные сведения и документы являются достаточными для установления факта существования картельного соглашения¹².

Следует обратить внимание на то, что освобождению от административной ответственности подлежит только тот хозяйствующий субъект, который первым выполнит все вышеизложенные условия. Кроме того, не подлежит рассмотрению заявление, поданное одновременно от имени нескольких участников картеля. Подобная мера призвана предотвратить попытки коллективного ухода от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

С принятием «четвертого антимонопольного пакета» у хозяйствующих субъектов, которые не успели раскрыть свое участие в картеле первыми, появилась возможность рассчитывать на назначение наказания в минимальном размере,

⁷ Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Text with EEA relevance) Official Journal L 001, 04/01/2003 p. 0001—0025.

⁸ Guidelines on the method of setting fines imposed pursuant to Article 23(2)(a) of Regulation No 1/2003 (Text with EEA relevance) OJ C 210, 1.9.2006, P. 4.

⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹⁰ Письмо ФАС РФ от 08.07.2010 № ИА/21482 «О применении методических рекомендаций по расчету оборотного штрафа».

¹¹ Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики : монография / И. В. Башлаков-Николаев, Д. А. Гаврилов, А. Ю. Кинев [и др.] ; отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. М. : Норма, Инфра-М, 2016. С. 144.

¹² Сидоров А. Освобождение от антимонопольной ответственности: проблемы и особенности // Конкуренция и право. 2016. № 3. С. 38—42.

если они выполняют все вышеназванные требования¹³.

При разрешении вопроса, действительно ли антимонопольный орган не располагал представленными сведениями и документами о совершенном административном правонарушении на момент подачи заявления, российские суды исходят из того, что такое условие соблюдено, если обращение состоялось до момента оглашения решения комиссии ФАС России по соответствующему делу об административном правонарушении¹⁴.

Данный вывод представляется неоднозначным, ведь зачастую возникают ситуации, при которых у ФАС России уже собрано достаточное количество материалов, позволяющих в ближайшее время самостоятельно получить недостающие доказательства и тем самым сделать окончательный и обоснованный вывод о наличии или об отсутствии картеля.

Например, в одном из дел в адрес Краснодарского УФАС России поступило поручение ФАС России о рассмотрении материалов, свидетельствующих о нарушении антимонопольного законодательства при проведении торгов на поставку продуктов питания в образовательные и медицинские учреждения. Соответствующий приказ о возбуждении дела и создании комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства был издан через три месяца. Заявление об освобождении от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства от группы хозяйствующих субъектов, в отношении которых было возбуждено данное дело, поступило только

через пять месяцев после подписания приказа о возбуждении дела. На его основании комиссия Краснодарского УФАС России 25.07.2018 вынесла решение, в котором признала всех хозяйствующих субъектов, подавших заявление об иммунитете, виновными в нарушении п. 2 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», однако материалы для решения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении уполномоченному должностному лицу Краснодарского УФАС России решила не передавать в силу положений п. 1 примечания к ст. 14.32 КоАП РФ¹⁵.

В другом деле, которое рассматривалось Хакасским УФАС России, хозяйствующие субъекты и вовсе не обращались с заявлением о предоставлении иммунитета и просто согласились с вменяемым нарушением уже на заседании Комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства, а далее вплоть до вынесения Комиссией решения по делу не заявляли каких-либо возражений. Сделанное ими заявление также послужило основанием для освобождения от ответственности на основании п. 1 примечания к ст. 14.32 КоАП РФ¹⁶.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что действующая система предоставления иммунитетов хозяйствующим субъектам не в полной мере способствует достижению ее изначальной цели, поскольку нарушители зачастую прибегают к ее использованию в самый последний момент, когда уже не остается иных способов избежать ответственности.

¹³ Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 41 (ч. I). Ст. 5629.

¹⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.10.2010 № 52 «О внесении изменений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 11.

¹⁵ Решение Краснодарского УФАС России от 25.07.2018 по делу № 25/2018 // База решений ФАС России. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/krasnodarskoe-ufas-rossii/25-2018-a8ac1011-e7b6-47da-8e44-a44e16367091/?query=25/2018> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁶ Решение Хакасского УФАС России от 29.12.2018 по делу № 29-А-18 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).

Если полное освобождение обратившегося с соответствующим заявлением в ФАС России хозяйствующего субъекта не представляется возможным, то принимаются во внимание обстоятельства, смягчающие административную ответственность, такие как, например, добровольное прекращение участия в картеле; оказание заявителем содействия ФАС России при осуществлении производства по делу об административном правонарушении; предотвращение заявителем негативных последствий своего противоправного поведения; добровольное возмещение причиненного ущерба или добровольное устранение причиненного вреда; добровольное исполнение до вынесения постановления по делу об административном правонарушении предписания об устранении допущенного нарушения. При этом также важно не являться организатором раскрываемого картельного соглашения и не успеть приступить к его исполнению.

Что касается уголовной ответственности, то в российском законодательстве существует ст. 178 УК РФ¹⁷, по которой ответственность наступает за ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами — конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), при условии, что такое деяние причинило ущерб от 10 млн руб. либо повлекло извлечение дохода минимум на 50 млн руб.

Хозяйствующий субъект может быть освобожден от уголовной ответственности (только если такое преступление совершено впервые), если он способствовал раскрытию совершенного преступления, а также в полном объеме¹⁸ возместил причиненный ущерб или перечислил в федеральный бюджет доход, полученный в результате вышеуказанных противоправных действий.

На практике наиболее часто возникали вопросы по поводу возмещения ущерба при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в соответствии со ст. 178 УК РФ; речь идет, например, о неопределенности в отношении состава ущерба (учитывать упущенную выгоду или нет), а также об отсутствии законодательного определения дохода¹⁹.

Следует обратить внимание на то, что законодательством ЕС на общем уровне уголовная ответственность для должностных лиц и хозяйствующих субъектов, которые участвуют в картельных соглашениях, не предусмотрена вовсе.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что в целом программы освобождения и смягчения ответственности за участие в картельных соглашениях в РФ и ЕС развиваются примерно в едином направлении.

Хронологически такая программа возникла раньше в ЕС, и только потом в РФ, поэтому можно было бы предположить, что регулирование вопроса о предоставлении иммунитетов и дисконтов будет и далее развиваться в Европейском Союзе с опережением. Однако проведенный анализ свидетельствует о том, что российское законодательство разработано более детально²⁰, об этом можно судить хотя бы на примере перечня оснований для смягчения ответственности за участие в картеле. Вместе с тем нельзя не отметить и существующие недоработки в российской программе предоставления иммунитетов и дисконтов, например отсутствие четкой позиции по определению состава ущерба и понятия дохода применительно к ст. 178 УК РФ, а также недостаточно эффективно определенный в постановлении Пленума ВАС РФ от 14.10.2010 № 52 критерий осведомленности антимонопольного органа о наличии картеля

¹⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

¹⁹ Процедуры в конкурентном праве : учебное пособие / Ю. И. Абакумова, О. Р. Афанасьева, А. В. Борисов [и др.] ; отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2019. С. 296.

²⁰ Павлова Н. С. Экономические основания освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. С. 28.

на момент подачи заявления о предоставлении иммунитета.

Есть и более принципиальные различия в рассматриваемых программах в ЕС и РФ. Например, положения п. 3 ст. 14.32 КоАП РФ о смягчении административной ответственности распространяются только на юридические лица, выпадают из этой категории индивидуальные предприниматели и должностные лица²¹, в то время как понятие undertaking по конкурентному праву ЕС гораздо шире, что позволяет наделять соответствующими иммунитетами и дисконтами значительно больший круг субъектов.

Несмотря на такую формальную ограниченность, программа освобождения и смягчения ответственности за участие в картелях в РФ постепенно набирает популярность. Это подтверждают статистические данные, по которым в 2011 г. в ФАС России поступило только 23 заявления по рассматриваемой программе, а в 2017 г. уже 123²².

Однако в современных условиях массовой информатизации всех процессов на качественный рост количества таких заявлений в ближайшем будущем рассчитывать не приходится. Например, заместитель руководителя ФАС России А. Г. Цыганов считает, что в условиях, «когда информация шифруется и самоуничтожается <...> стимулы остаться в картеле сильнее, чем стимулы выйти из него»²³.

В связи с этим представляется обоснованным дальнейшее совершенствование программы освобождения и смягчения ответственности за участие в картельных соглашениях в РФ. И такая работа может быть эффективной только при своевременном развитии других систем выявления картелей, чтобы у хозяйствующих субъектов сохранялась высокая степень опасения быть раскрытыми, а предложенная программа по наделению иммунитетами действительно выглядела более предпочтительной на фоне дальнейшего пребывания в картеле, который сложно обнаружить и доказать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Двенадцатова Т. Антимонопольное правоприменение: опыт Евросоюза // ЭЖ-Юрист. — 2016. — № 19. — С. 14—15.
2. Корепина А. В. Правовые механизмы смягчения административной ответственности за антиконкурентные соглашения // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 12. — С. 987—994.
3. Мильчакова О. В., Молчанов А. В. Программа смягчения ответственности за участие в картелях в зарубежных странах и в России // Российское конкурентное право и экономика. — 2017. — № 2 (10). — С. 26—33.
4. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики : монография / И. В. Башлаков-Николаев, Д. А. Гаврилов, А. Ю. Кинев [и др.] ; отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 144 с.
5. Павлова Н. С. Экономические основания освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — М., 2013. — 28 с.

²¹ Корепина А. В. Правовые механизмы смягчения административной ответственности за антиконкурентные соглашения // Административное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 987—994.

²² Кониева Ф. Основная форма получения доказательств по делам о картелях — внезапная проверка // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы России. URL: <https://fas.gov.ru/news/26045> (дата обращения: 10.04.2019).

²³ Цыганов А. ФАС нацелила свою деятельность на выявление нарушений антимонопольного законодательства в цифровом мире // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы России. URL: <https://fas.gov.ru/news/26804> (дата обращения: 10.04.2019).

6. Процедуры в конкурентном праве : учебное пособие / Ю. И. Абакумова, О. Р. Афанасьева, А. В. Борисов [и др.] ; отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2019. — 296 с.
7. Сидоров А. Освобождение от антимонопольной ответственности: проблемы и особенности // Конкуренция и право. — 2016. — № 3. — С. 38—42.

Материал поступил в редакцию 13 июня 2019 г.

PROGRAMS FOR THE RELEASE AND MITIGATION OF RESPONSIBILITY FOR PARTICIPATION IN CARTELS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION

Dmitriy A. Molchanov, Postgraduate of the Department of Competition Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
dmitry.molchanov@mail.ru
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. *The paper provides a comparative analysis of the current level of development of programs for the release and mitigation of responsibility for participation in cartel agreements in the Russian Federation and the European Union (at the level of the entire Union). In relation to Russia, the author analyzes the relevant articles of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, methodological recommendations of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, as well as judicial practice and decisions of some Offices of the Federal Antimonopoly Service of Russia. In relation to the EU, the author deals with the Regulatory Letter of the European Commission on exemption from fines and reduction of its size in cases of cartels, as well as the Guidelines on methods for calculating fines imposed in accordance with Art. 23 (2) (a) of Regulation No. 1/2003. The analysis reveals a number of fundamental differences between the two programs (for example, the EU does not provide for criminal liability for business entities in the EU, and the list of grounds for mitigating administrative responsibility in the Russian Federation is wider than in the EU). However, according to the author, the general development trend is forming in a single direction.*

Keywords: *cartel, responsibility, exemption, mitigation, programs, RF, EU, immunity, discount.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dvenadcatova T. Antimonopol'noe pravoprimerenie: opyt Evrosoyuzа // EZh-Yurist. — 2016. — № 19. — С. 14—15.
2. Korepina A. V. Pravovye mekhanizmy smygcheniya administrativnoj otvetstvennosti za antikonkurentnye soglasheniya // Administrativnoe i municipal'noe pravo. — 2016. — № 12. — С. 987—994.
3. Mil'chakova O. V., Molchanov A. V. Programma smygcheniya otvetstvennosti za uchastie v kartelyah v zarubezhnyh stranah i v Rossii // Rossijskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. — 2017. — № 2 (10). — С. 26—33.
4. Otvetstvennost' za narusheniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva: problemy teorii i praktiki : monografiya / I. V. Bashlakov-Nikolaev, D. A. Gavrillov, A. Yu. Kinev [i dr.] ; отв. ред. S. V. Maksimov, S. A. Puzyrevskij. — М. : Norma, Infra-M, 2016. — 144 s.
5. Pavlova N. S. Ekonomicheskie osnovaniya osvobozhdeniya ot otvetstvennosti za narusheniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva : avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. — М., 2013. — 28 s.
6. Procedury v konkurentnom prave : uchebnoe posobie / Yu. I. Abakumova, O. R. Afanas'eva, A. V. Borisov [i dr.] ; отв. ред. S. A. Puzyrevskij. — М. : Prospekt, 2019. — 296 s.
7. Sidorov A. Osvobozhdenie ot antimonopol'noj otvetstvennosti: problemy i osobennosti // Konkurenciya i pravo. — 2016. — № 3. — С. 38—42.

ПЕРСОНА

А. Ф. Вишнеvский*,
А. П. Грахоцкий**

Уголовно-правовые идеи В. Д. Спасовича: к 190-летию со дня рождения ученого

***Аннотация.** Перу В. Д. Спасовича принадлежит первый в Российской империи учебник уголовного права. Сформулированные автором прогрессивные уголовно-правовые идеи вызвали возмущение в реакционных кругах. Решением специальной комиссии III отделения учебник был исключен из учебного процесса, а его автору было запрещено осуществление преподавательской деятельности. Долгое время В. Д. Спасович не упоминался среди представителей блестящей плеяды дореволюционных ученых-криминалистов. Лишь в последние годы его работы переиздаются и постепенно входят в научный оборот. Целью данной статьи является изучение уголовно-правовых идей В. Д. Спасовича и определение вклада ученого в науку российского уголовного права. Авторы приходят к выводу о том, идеи В. Д. Спасовича заложили основы формирования классической школы уголовного права в Российской империи. Ученый осуществил глубокую теоретическую разработку проблем, связанных с составом преступления, целями и мерой наказания, свободой воли, сроками давности. В своих трудах В. Д. Спасович обосновывал фундаментальные принципы уголовно-правовой науки: законность, равенство, справедливость, соизмеримость преступления и наказания, уважение к достоинству личности, ценность прав и свобод человека.*

***Ключевые слова:** В. Д. Спасович, учебник уголовного права, преступление, наказание, состав преступления, смертная казнь, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, классическая школа уголовного права, справедливость, достоинство личности.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.170-179

16 января 2019 г. исполнилось 190 лет со дня рождения выдающегося ученого-юриста, адвоката и общественного деятеля В. Д. Спасовича. Владимир Данилович родился в белорусском городе Речица (современная Гомельская область). Будущий ученый

© Вишнеvский А. Ф., Грахоцкий А. П., 2019

* Вишнеvский Алексей Федорович, доктор исторических наук, профессор права, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
info@amia.by

220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Машерова, д. 6

** Грахоцкий Александр Павлович, кандидат юридических наук, начальник отдела международных связей, доцент кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

grahotsky@gsu.by

246003, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, д. 102

окончил Минскую гимназию, затем юридический факультет Петербургского университета¹. В 1857 г. началась его научно-педагогическая деятельность на родном факультете. Спустя четыре года ученый оставил университет в знак протеста против репрессий по отношению к студенческой молодежи². С 1862 по 1864 г. В. Д. Спасович работал на должности профессора в Училище правоведения и Аудиторском училище в Санкт-Петербурге. Годы работы в высшей школе были чрезвычайно плодотворным периодом в деятельности ученого. Его труды вызывали живой интерес в научной среде, а лекции пользовались большой популярностью у студентов³.

Однако в 1864 г. В. Д. Спасович был вынужден покинуть преподавательское поприще⁴ и заняться адвокатской практикой⁵. Несмотря на это, он никогда не прекращал научную деятельность. Его работы посвящены проблемам уголовного, международного, гражданского и авторского права, истории государства и права⁶. Именно в сфере уголовно-правовой науки В. Д. Спасовичу удалось достичь наибольших творческих успехов. Однако долгое время Вла-

димир Спасович не упоминался среди представителей блестящей плеяды дореволюционных ученых-криминалистов. Труды автора незаслуженно игнорировались и его современниками, и советскими исследователями⁷. Лишь в последние годы работы В. Д. Спасовича переиздаются и постепенно входят в научный оборот⁸. Данная статья обращается к проблеме определения вклада Спасовича в уголовно-правовую науку, оценке идей ученого, стоявшего у истоков классической школы уголовного права в Российской империи.

Еще в 1860 г. в стенах Петербургского университета В. Д. Спасович прочитал курс лекций «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством». Небывалый интерес, проявленный общественностью к этим лекциям, содействовал их опубликованию в «Журнале Министерства юстиции». В 1861 г. они были напечатаны отдельным изданием⁹. В данной работе В. Д. Спасович обратился к анализу системы формальных (законных) доказательств, господствовавшей в российском уголовном праве дореформенного периода. Указывая на целый ряд недостатков

¹ О ранних годах жизни и семье В. Д. Спасовича см.: *Зеленков В.* Род Спасовичей в Минске // Еврейская старина. 2014. № 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Starina/Nomer2/Zelenkov1.php> (дата обращения: 09.03.2015).

² *Шалькевич В. В.* Владимир Данилович Спасович (к 180-летию со дня рождения) // Законность и порядок. 2009. № 1. С. 69—70.

³ *Смолярчук В. И.* Гиганты и чародеи слова: русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX века. М., 1984. С. 227.

⁴ О причинах, вынудивших В. Спасовича отказаться от преподавания, речь пойдет ниже.

⁵ Став одним из первых присяжных поверенных в Российской империи, посвятив адвокатуру 40 лет своей жизни, В. Д. Спасович по праву получил прозвище «короля русской адвокатуры». См., например: *Корнилович Э.* Король русской адвокатуры // Юстыцыя Беларусі. 2011. № 4. С. 66—69; *Малыгин Т. В., Тарасов А. С.* Роль В. Д. Спасовича в развитии российской адвокатуры // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 6. С. 83—88.

⁶ См., например: *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863; *Он же.* О правах нейтрального флага и нейтрального груза // Собрание сочинений В. Д. Спасовича : в 10 т. СПб., 1890. Т. 3. С. 1—103; *Он же.* Права авторские и контрафакция. СПб., 1865; *Он же.* Об акционерных обществах. Тифлис, 1885; *Он же.* Об отношениях супругов по имуществу, по древнему польскому праву. СПб., 1857.

⁷ *Kartka z dziejów rosyjskiej nauki prawa karnego w XIX wieku: «Uczebnik ugołownogo prava» Włodzimierza Spasowicza (1829—1906) // Zeszyty Prawnicze.* 2002. № 2. S. 113—114.

⁸ См., например: *Спасович В. Д.* Избранные труды. Минск, 2015.

⁹ *Спасович В. Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861.

этой системы, ученый настаивал на необходимости признания совокупности улик в качестве важнейшего основания для вынесения судебных решений по уголовным делам¹⁰. В. Д. Спасович призывал отказаться от формального подхода к оценке показаний свидетелей и настаивал на необходимости расширения круга лиц, допускаемых к даче свидетельских показаний¹¹. Такие меры, по мнению автора, должны были содействовать созданию условий для возможности вынесения судебных решений исходя из личного убеждения судьи¹². Подчеркивая необходимость коренных преобразований в уголовном процессе, В. Д. Спасович выступал за введение принципов гласности, устности, состязательности судопроизводства, обосновывал важность участия государственного обвинителя и защитника в судебном процессе¹³.

Рассуждал автор и о возможности введения суда присяжных в России. На тот момент ученый критически высказывался по отношению к этому институту. На его взгляд, российская общественность не была готова к столь кардинальным преобразованиям судебной системы¹⁴. Позднее, после успешного запуска судебной реформы и введения суда присяжных в империи, В. Д. Спасович отметил ошибочность своих взглядов, высказанных в 1860 г.: «...я не предчувствовал возможности введения в России суда присяжных. Конечно, мне же пришлось больше чем кому бы то ни было другому радоваться, что я ошибся, что смелый опыт состоялся и увен-

чался успехом, то есть что учреждение пустило корни и доказало свою живучесть»¹⁵.

Пять лет жизни В. Д. Спасович посвятил подготовке учебника по уголовному праву. Первое издание первого тома «Учебника уголовного права» (179 страниц) вышло в 1862 г. Спустя год ученый подготовил второе, существенно дополненное издание, состоявшее уже из 428 страниц. Именно его В. Д. Спасович представил в Совет по защите диссертаций Петербургского университета в качестве своей докторской диссертации.

Книга Владимира Спасовича стала первым учебником по уголовному праву в Российской империи. Необходимо отметить, что первые работы российских ученых, посвященные вопросам уголовного права, начали появляться со второй половины XVIII в.: труды С. Е. Десницкого¹⁶, О. И. Горегляда¹⁷, П. Н. Гуляева¹⁸, С. И. Баршева¹⁹ и др. Однако данные монографии, написанные еще до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), как правило, представляли собой обзор действовавших в то время норм уголовного законодательства, были лишены догматической разработки российского уголовного права. Труд В. Д. Спасовича оставался основополагающим изданием по уголовному праву России вплоть до 1880-х гг., периода расцвета российской уголовно-правовой науки, связанного с творчеством Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкого.

В планах В. Д. Спасовича была подготовка многотомного издания. После выхода в 1863 г.

¹⁰ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств ... С. 71—75.

¹¹ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств ... С. 32—43.

¹² Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств ... С. 73.

¹³ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств ... С. 77—86.

¹⁴ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств ... С. 87—88.

¹⁵ Спасович В. Д. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания // Собрание сочинений В. Д. Спасовича : в 10 т. Т. 3. СПб., 1890. С. III.

О взглядах В. Д. Спасовича на судебную реформу 1864 г. см.: *Вишнеўская І. У. У. Д. Спасовіч і І. Я. Файніцкі аб этычных і гуманістычных асновах судовай рэформы 1864 г. // 150 лет судебным уставам Российской империи : сборник научных трудов / под ред. А. В. Вениосова. Минск, 2015. С. 112—119.*

¹⁶ Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. М., 1770.

¹⁷ Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. СПб., 1815.

¹⁸ Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. М., 1826.

¹⁹ Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. М., 1841.

учебника, посвященного общей части уголовного права, ученый рассчитывал подготовить отдельные тома по особенной части, уголовному судопроизводству и истории уголовного права²⁰. Однако судьба, которая постигла первый том издания, не позволила осуществиться планам автора²¹.

Структура учебника В. Д. Спасовича в полной мере соответствовала систематике европейских учебников по уголовному праву XIX в. Первая глава была посвящена теории уголовного права, вторая — уголовному закону, третья — преступлению, четвертая — наказанию, в пятой главе рассматривалась мера наказания, в шестой — причины, погашающие юридические последствия преступления, в седьмой главе осуществлялся анализ общей части Уложения о наказаниях.

На первых страницах учебника В. Д. Спасович обратился к философии уголовного права. Исследователь отмечал, что «знание наперечет статей закона еще не составляет науки и недостаточно ни для ученого криминалиста, ни для законодателя, ни для судьи»²². Автор резюмировал, что в основе деятельности юриста должна лежать критичность мышления, основанная на разуме, это значит — на философии²³.

В работе автор обращается к таким философским категориям, как справедливость и достоинство личности. В. Д. Спасович писал, что первичным идеалом человеческого «общения» является достоинство личности, которое требует уважения, независимости и свободы. Ученый последовательно отстаивал идею равенства прав всех представителей человеческого рода. В соответствии с этим он давал следующее определение справедливости: «расшире-

ние идеалов своего достоинства в достоинство ближних есть уважение себя и других как самого себя, уравнение всех ближних с собой»²⁴.

Заслугой В. Д. Спасовича являлось введение в российскую науку уголовного права понятия состава преступления, известного в западноевропейской пеналистике с конца XVIII — начала XIX в. На страницах учебника ученый дал подробную характеристику элементов состава преступления²⁵. Автор рассмотрел обстоятельства, исключаящие преступность деяния (крайняя необходимость, необходимая оборона)²⁶. Анализируя объективную сторону преступления, В. Д. Спасович дал подробную уголовно-правовую характеристику действия и бездействия, совершенного преступления и покушения на преступление²⁷. Субъективную сторону преступления ученый рассматривал в контексте «учения о вменении». Вменение характеризовалось автором как связь между делом и волей — «зачисление лицу содеянного им в вину». В соответствии с этим исследователь осуществил глубокий теоретический анализ видов и степеней вины, дал определения понятиям «неосторожность», «прямой» и «косвенный умысел»²⁸.

Обращаясь к проблемам уголовного наказания, В. Д. Спасович писал, что основными целями применения наказания являются следующие: 1) обеспечение общественной безопасности путем изоляции виновного от социума; 2) исправление преступника, который после отбывания наказания должен вернуться к жизни в обществе²⁹.

Скептически ученый относился к «устрашительной» цели наказания. Автор подчеркивал: «Государство... не вправе, для примера,

²⁰ Спасович В. Д. Учебник... С. 2.

²¹ См. об этом ниже.

²² Спасович В. Д. Учебник... С. 11.

²³ Спасович В. Д. Учебник... С. 11.

²⁴ Спасович В. Д. Учебник... С. 55—56.

²⁵ Спасович В. Д. Учебник... С. 94—160.

²⁶ Спасович В. Д. Учебник... С. 103—111.

²⁷ Спасович В. Д. Учебник... С. 135—139.

²⁸ Спасович В. Д. Учебник... С. 142—160.

²⁹ Спасович В. Д. Учебник... С. 79.

добавить ни одной сотой доли к количеству страданий преступника, которое определяется требованиями безопасности общественной»³⁰. В. Д. Спасович отмечал, что «теория устрашения» не увязывает уголовное наказание с виной преступника, а обосновывает применение наказания только лишь в целях предотвращения подобных преступлений в будущем³¹.

На страницах учебника ученый задавался вопросом: как соизмерить наказание с виной?³² Отвечая на этот вопрос, В. Д. Спасович опирался на одно из положений классической школы уголовного права, согласно которому каждый человек наделен свободой воли. В соответствии с этим автор утверждал, что индивид, который обладает свободой воли, все время находится перед осознанным выбором между законопослушанием и преступным поведением. Свободное проявление воли, согласно выводам ученого, предопределяет наличие сознания личности, то есть понимания сущности и последствий своего поступка. В. Д. Спасович писал: «Свобода воли, самоопределяемость ее к действию есть факт психологический нашего сознания, ежеминутно поверяемый и столь очевидный, как то, я вижу, слышу, мыслю»³³. По мнению ученого, только подтверждение факта о том, что лицо действовало осознанно, является основанием для привлечения к уголовной ответственности³⁴.

Необходимо отметить, что в своей более поздней работе «Новые направления в науке уголовного права» В. Д. Спасович выступил с резкой критикой представителей социологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало), отрицавших наличие свободы воли и оспаривавших выводы криминалистов-классиков о том,

что назначение наказания зависит от определения степени вины преступника³⁵.

Опираясь на принцип уважения достоинства личности, В. Д. Спасович не соглашался с выводами итальянских ученых о том, что свобода воли — это только иллюзия, а действия преступников детерминированы биологическими и социальными причинами. В. Д. Спасович считал абсолютно бездоказательными суждения Ч. Ломброзо о том, что около 40 % преступников представляют собой «класс зверей в образе человеческом» с атавистическими признаками в виде биологических и психических аномалий, присущих их первобытным предкам³⁶.

В. Д. Спасович являлся последовательным противником смертной казни. Полемизируя со сторонниками такой меры наказания, ученый писал: «Мы живем не под Моисеевым законом мести, но под христианским законом всепрощающей благодати, по которой одна минута искреннего раскаяния в разбойнике искупает всю его жизнь прошедшую»³⁷. Автор учебника подчеркивал, что смертная казнь не соответствовала целям наказания:

- 1) она является необратимой, исключает возможность исправления судебной ошибки;
- 2) смертная казнь не может содействовать перевоспитанию преступника.

Ученый был убежден, что наличие этого вида уголовного наказания не содействовало уменьшению количества преступлений в государстве. Анализируя зарубежный опыт, автор отмечал, что отмена смертной казни не приводит к всплеску преступности³⁸.

Не соглашался ученый и с применением телесных наказаний. В. Д. Спасович писал, что телесные наказания унижают достоинство лич-

³⁰ Спасович В. Д. Учебник... С. 180.

³¹ Спасович В. Д. Учебник... С. 35.

³² Спасович В. Д. Учебник... С. 10.

³³ Спасович В. Д. Учебник... С. 51—52.

³⁴ Спасович В. Д. Учебник... С. 117—118.

³⁵ Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права. М., 1898.

³⁶ Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права. С. 12—18.

³⁷ Спасович В. Д. Учебник... С. 186.

³⁸ Спасович В. Д. Учебник... С. 185—186, 189.

ности, не могут служить цели исправления преступника, а наоборот, развращают последнего³⁹.

Наиболее действенным видом наказания В. Д. Спасович считал лишение свободы в виде тюремного заключения либо ссылки. По мнению ученого, эти виды наказания в значительной степени соответствовали принципу человечности, содействовали перевоспитанию лица⁴⁰. В этой связи В. Д. Спасович придавал особое внимание вопросам устройства тюремных учреждений. В качестве наиболее эффективного средства исправления заключенных автор рассматривал индивидуализацию отбывания наказания. При распределении преступников по тюрьмам В. Д. Спасович считал необходимым учитывать тяжесть совершенного преступления, продолжительность срока заключения, различность полов, уровня образования, состояния здоровья и даже особенности характера заключенных⁴¹.

Автор был убежден, что кроме физического труда заключенные должны привлекаться к учебному и воспитательному процессу⁴². Важнейшей задачей общества В. Д. Спасович считал создание условий для оказания помощи осужденным после освобождения из мест лишения свободы: «Весьма полезно, чтобы у самого порога тюрьмы преступник нашел руку помощи, которая бы ему пособила в приискании честных средств существования и ввела его таким образом в круг общежития»⁴³.

В. Д. Спасович первым в российском уголовном праве поднял вопрос о детерминантах преступности, воздействии социального окружения на преступное поведение лица. Ученый утверждал, что общество несет на себе моральную ответственность за преступников, так как значи-

тельное количество преступлений обусловлено неустройством общества, наличием серьезных проблем в функционировании социума. Автор резюмировал, что всплеск преступности в тех или иных обществах является индикатором некомпетентности государственной власти⁴⁴.

Значительный интерес представляют выводы В. Д. Спасовича о сроках давности в уголовном праве. Исследователь следующим образом обосновывал неприменение правовых последствий совершения преступления после окончания определенного периода времени: 1) если преступник после совершения преступления не преступил закон во второй раз, это обстоятельство можно интерпретировать как исправление виновного; 2) большой промежуток времени, который отделяет правосудие от момента совершения преступления, существенно усложняет процесс установления истины; в таком случае ученый считал более правильным отказаться от правосудия и таким образом избежать возможных ошибок; 3) уже сам факт долгого укрывательства преступника от правосудия причинил виновному такие страдания, которые могут быть признаны искуплением вины⁴⁵.

Защита докторской диссертации В. Д. Спасовича состоялась 22 декабря 1863 г. Заседание продолжалось три часа без перерыва и завершилось успехом соискателя. Выступая перед ученым советом, диссертант отмечал, что целью его работы являлось создание моста между теорией и практикой. В этой связи как особо ценную он рассматривал седьмую главу своей книги, посвященную анализу Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.)⁴⁶. В. Д. Спасович был убежден, что инициированная российским правительством в начале 60-х гг.

³⁹ Спасович В. Д. Учебник... С. 195.

См. также: *Paszkowska M.* Poglądy Włodzimierza Spasowicza na karę śmierci // *Studia Iuridica*. 2001. № 39. S. 181—186.

⁴⁰ Спасович В. Д. Учебник... С. 268.

⁴¹ Спасович В. Д. Учебник... С. 269.

⁴² Спасович В. Д. Учебник... С. 272.

⁴³ Спасович В. Д. Учебник... С. 273.

⁴⁴ Спасович В. Д. Учебник... С. 67.

⁴⁵ Спасович В. Д. Учебник... С. 309—312.

⁴⁶ *Paszkowska M.* Kartka z dziejów... S. 106.

XIX в. судебная реформа неизбежно повлечет за собой замену Уложения 1845 г. новым уголовным кодексом, который в полной мере будет соответствовать принципам прогрессивных преобразований Александра II⁴⁷. Ученый отмечал, что Уложение 1845 г. было разработано для канцелярского, письменного и секретного судопроизводства, что само по себе исключает возможность его дальнейшего использования после реализации судебной реформы⁴⁸.

В марте — апреле 1864 г. были опубликованы две рецензии на учебник В. Д. Спасовича. В трех номерах газеты «Современная летопись» вышла рецензия профессора кафедры философии Московского университета П. Д. Юркевича. Последний представил свои соображения в форме открытого письма к ректору Московского университета, правоведа-криминалисту С. И. Баршеву. Философ писал, что позиция В. Спасовича, изложенная в тексте учебника, сопоставима с взглядами коммунистов и социалистов, несет опасность для российского общества и государства. П. Д. Юркевич писал, что рецензируемая им работа является «карикатурой науки», от которой «раздается гнилой запах». В завершение философ перешел к критике личности самого автора учебника, поставив в укор В. Д. Спасовичу его якобы польское происхождение⁴⁹.

Вскоре была опубликована и вторая рецензия, которая представляла собой ответ профессора С. И. Баршева на открытое письмо П. Д. Юркевича. В своей рецензии С. И. Баршев отмечал, что работа В. Д. Спасовича не соответствовала эталону классического учебника,

противоречила традиционным научным и педагогическим подходам. Ректор Московского университета упрекал В. Д. Спасовича в том, что последний на страницах своего учебника увлекался яростной критикой своих оппонентов, называл архаичными и средневековыми все точки зрения, противные выводам автора⁵⁰.

Более того, П. Д. Юркевич и С. И. Баршев обратились в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вследствие чего учебник В. Д. Спасовича поступил на экспертизу в специально созданную комиссию, состоящую из сотрудников III отделения. В период с 11 по 16 декабря 1864 г. члены комиссии подробно изучали содержание учебника и нашли в нем 36 фрагментов, которые «содержали враждебные мысли», «подрывающие основы общественного строя»⁵¹. Решением комиссии учебник был исключен из перечня рекомендуемой для учебного процесса литературы, а его автор лишился права заниматься преподавательской деятельностью⁵². Так В. Д. Спасович потерял самое дорогое — любимую профессию, которую считал своим призванием. В дальнейшем ученый-правовед, вынужденный отказаться от преподавания в Петербурге, тщетно пытался получить должность профессора в Казанском и Ягеллонском университетах⁵³.

Потенциал В. Д. Спасовича как университетского ученого так и не был реализован в полной мере. Но даже краткосрочный период творческой деятельности профессора Спасовича позволил ему внести неоценимый вклад в развитие уголовно-правовой науки. Идеи ученого, изложенные в первом в России учебнике

⁴⁷ Спасович В. Д. Учебник... С. 321.

⁴⁸ Спасович В. Д. Учебник... С. 324—325.

Как показало время, прогнозы автора не осуществились, новое Уголовное уложение было принято только в 1903 г. Однако в полном объеме оно так и не вступило в законную силу на момент распада империи.

⁴⁹ Paszkowska M. Kartka z dziejów... S. 108—109.

Сам В. Д. Спасович уклонялся от публичных заявлений о своей национальной принадлежности, позиционировал себя приверженцем идеи гражданской нации и противником модерного национализма.

⁵⁰ Paszkowska M. Kartka z dziejów... S. 110.

⁵¹ Смолярчук В. И. Указ. соч. С. 227—229.

⁵² Смолярчук В. И. Указ. соч. С. 229.

⁵³ См.: Paszkowska M. Działalność pedagogiczna Włodzimierza Spasowicza w latach 1857—1864. Starania o katedrę prawa karnego w Szkole Głównej // Studia Iuridica. 1995. № 29. S. 87—98.

уголовного права и других трудах правоведа, заложили основы формирования классической школы уголовного права в Российской империи, содействовали внедрению в уголовно-правовую науку принципов гуманизма, равенства, справедливости, уважения к достоинству личности, ценности прав и свобод человека. В своем учебнике В. Д. Спасович уделял существенное внимание проведению сравнительного анализа норм российского и зарубежного, прежде всего немецкого и французского, уголовного права.

Автор предлагал читателю широкий диапазон уголовно-правовых новелл, выявлял основные тенденции развития уголовного права, что позволяло ему представить собственные выводы о необходимости дальнейшего реформирования российского уголовного законодательства. Прогрессивные уголовно-правовые идеи В. Д. Спасовича по сей день сохраняют свою актуальность, труды ученого заслуживают использования в учебном процессе при подготовке современных квалифицированных юристов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. — М., 1841. — 215 с.
2. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. — СПб., 1815. — 168 с.
3. Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. — М., 1826. — 209 с.
4. Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. — М., 1770. — 26 с.
5. Зеленков В. Род Спасовичей в Минске // Еврейская старина. — 2014. — № 2. — URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Starina/Nomer2/Zelenkov1.php> (дата обращения: 09.03.2015).
6. Корнилович Э. Король русской адвокатуры // Юстыцыя Беларусі. — 2011. — № 4. — С. 66—69.
7. Малыгин Т. В., Тарасов А. С. Роль В. Д. Спасовича в развитии российской адвокатуры // Юридическая наука: история и современность. — 2018. — № 6. — С. 83—88.
8. Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова: русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX века. — М., 1984. — 272 с.
9. Спасович В. Д. Избранные труды. — Минск, 2015. — 320 с.
10. Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права. — М., 1898. — 139 с.
11. Спасович В. Д. О правах нейтрального флага и нейтрального груза // Собрание сочинений В. Д. Спасовича : в 10 т. — СПб., 1890. — Т. 3. — С. 1—103.
12. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. — СПб., 1861. — 93 с.
13. Спасович В. Д. Об акционерных обществах. — Тифлис, 1885. — 33 с.
14. Спасович В. Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву. — СПб., 1857. — 79 с.
15. Спасович В. Д. Права авторские и контрафакция. — СПб., 1865. — 107 с.
16. Спасович В. Д. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания // Собрание сочинений В. Д. Спасовича : в 10 т. — СПб., 1890. — Т. 3. — 544 с.
17. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. — СПб., 1863. — 428 с.
18. Шалькевич В. В. Владимир Данилович Спасович (к 180-летию со дня рождения) // Законность и правопорядок. — 2009. — № 1. — С. 69—72.
19. Вішнеўская І. У. У. Д. Спасовіч і І. Я. Файніцкі аб этычных і гуманістычных асновах судовай рэформы 1864 г. // 150 лет судебным уставам Российской империи : сборник научных трудов / под ред. А. В. Вениосова. — Минск, 2015. — С. 112—119.
20. Paszkowska M. Działalność pedagogiczna Włodzimierza Spasowicza w latach 1857—1864. Starania o katedrę prawa karnego w Szkole Głównej // Studia Iuridica. — 1995. — № 29. — S. 87—98.

21. Paszkowska M. Kartka z dziejów rosyjskiej nauki prawa karnego w XIX wieku: «Uczebnik ugołownogo prava» Włodzimierza Spasowicza (1829—1906) // Zeszyty Prawnicze. — 2002. — № 2. — S. 101—115.
22. Paszkowska M. Poglądy Włodzimierza Spasowicza na karę śmierci // Studia Iuridica. — 2001. — № 39. — S. 181—186.

Материал поступил в редакцию 4 июля 2019 г.

V.D. SPASOVICH'S CRIMINAL LAW IDEAS: TO THE 190th BIRTHDAY OF THE JURIST

Aleksey F. Vishnevskiy, Dr. of Sci. (History), Professor (Law), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
info@amia.by
pr-t Masherova, d. 6, Minsk, Republic of Belarus, 220005

Aleksander P. Grahotskiy, Cand. of Sci. (Law), Head of the Department of International Relations, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Francisk Skorina Gomel State University
grahotskiy@gsu.by
ul. Sovetskaya, d. 102, Gomel, Republic of Belarus, 246003

Abstract. *Spasovich V.D. is the author of the first criminal law textbook in the Russian Empire. The progressive criminal law ideas formulated by the author provoked indignation in reactionary circles. By the decision of the special commission of the III division, the textbook was excluded from the educational process, and its author was forbidden to carry out teaching activities. For a long time Spasovich was not mentioned among the representatives of the brilliant galaxy of pre-revolutionary forensic scientists. Only in recent years, his works have been reprinted and are gradually entering the scientific circulation. The purpose of this paper is to study the Spasovich's criminal law ideas and to determine the contribution of the jurist to the science of Russian criminal law. The authors conclude that the Spasovich's ideas laid the foundations for the formation of a classical school of criminal law in the Russian Empire. The jurist carried out a deep theoretical development of the problems associated with the corpus delicti, the goals and measure of punishment, free will, and statutes of limitations. In his writings, Spasovich substantiated the fundamental principles of criminal law science: legality, equality, justice, commensurability of crime and punishment, respect for the dignity of the individual, the value of human rights and freedoms.*

Keywords: *V.D. Spasovich, criminal law textbook, crime, punishment, corpus delicti, capital punishment, criminal and correctional punishment code, classical school of criminal law, justice, dignity of the individual.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barshev S. I. Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyah i nakazaniyah. — M., 1841. — 215 s.
2. Goreglyad O. I. Opyt nachertaniya rossijskogo ugołownogo prava. — SPb., 1815. — 168 s.
3. Gulyaev P. N. Rossijskoe ugołownoe pravo, sostavlennoe iz rossijskich gosudarstvennyh uzakonenij titulyarnym sovetnikom Petrom Gulyaevym. — M., 1826. — 209 s.
4. Desnickij S. E. Slovo o prichinah smertnyh kaznej po delam kriminal'nym. — M., 1770. — 26 s.
5. Zelenkov V. Rod Spasovichej v Minske // Evrejskaya starina. — 2014. — № 2. — URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Starina/Nomer2/Zelenkov1.php> (data obrashcheniya: 09.03.2015).

6. Kornilovich E. Korol' russkoj advokatury // Yustycyya Belarusi. — 2011. — № 4. — S. 66—69.
7. Malygin T. V., Tarasov A. S. Rol' V. D. Spasovicha v razvitii rossijskoj advokatury // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. — 2018. — № 6. — S. 83—88.
8. Smolyarchuk V. I. Giganty i charodei slova: russkie sudebnye oratory vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka. — M., 1984. — 272 s.
9. Spasovich V. D. Izbrannye trudy. — Minsk, 2015. — 320 s.
10. Spasovich V. D. Novye napravleniya v nauke ugolovnogo prava. — M., 1898. — 139 s.
11. Spasovich V. D. O pravah nejtral'nogo flaga i nejtral'nogo gruzha // Sobranie sochinenij V. D. Spasovicha : v 10 t. — SPb., 1890. — T. 3. — S. 1—103.
12. Spasovich V. D. O teorii sudebno-ugolovnyh dokazatel'stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom. — SPb., 1861. — 93 s.
13. Spasovich V. D. Ob akcionerных obshchestvah. — Tiflis, 1885. — 33 s.
14. Spasovich V. D. Ob otnosheniyah suprugov po imushchestvu po drevnemu pol'skomu pravu. — SPb., 1857. — 79 s.
15. Spasovich V. D. Prava avtorskie i kontrafakciya. — SPb., 1865. — 107 s.
16. Spasovich V. D. Stat'i, dissertacii, lekcii yuridicheskogo sodержaniya // Sobranie sochinenij V. D. Spasovicha : v 10 t. — SPb., 1890. — T. 3. — 544 s.
17. Spasovich V. D. Uchebник ugolovnogo prava. — SPb., 1863. — 428 s.
18. Shal'kevich V. V. Vladimir Danilovich Spasovich (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya) // Zakonnost' i pravoporyadok. — 2009. — № 1. — S. 69—72.
19. Vishneŭskaya I. U. U. D. Spasovich i I. Ya. Fajnicki ab etychnyh i gumanistychnyh asnovah sudovaj reformy 1864 g. // 150 let sudebnym ustavam Rossijskoj imperii : sbornik nauchnyh trudov / pod red. A. V. Veniosova. — Minsk, 2015. — S. 112—119.
20. Paszkowska M. Działalność pedagogiczna Włodzimierza Spasowicza w latach 1857—1864. Starania o katedrę prawa karnego w Szkole Głównej // Studia Iuridica. — 1995. — № 29. — S. 87—98.
21. Paszkowska M. Kartka z dziejów rosyjskiej nauki prawa karnego w XIX wieku: «Uczebnik ugołownogo prava» Włodzimierza Spasowicza (1829—1906) // Zeszyty Prawnicze. — 2002. — № 2. — S. 101—115.
22. Paszkowska M. Poglądy Włodzimierza Spasowicza na karę śmierci // Studia Iuridica. — 2001. — № 39. — S. 181—186.

Д. В. Шабаров*,
В. А. Губин**,
А. В. Молдованов***

Психолого-педагогическое обеспечение подготовки прокурорских работников к профессиональной деятельности

Аннотация. Актуальность исследования заключается в отсутствии в отечественной педагогической психологии программы психолого-педагогического обеспечения подготовки специалистов прокурорской деятельности. Цель состоит в разработке инструментария для исследования представлений о прокурорской деятельности у лиц с высшим юридическим образованием и комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности.

Методы и методики, используемые при разработке диагностического комплекса «Представление о прокурорской деятельности» и Комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности: метод экспертных оценок, сравнительный анализ, метод двух портретов. В исследовании представлений о прокурорской деятельности приняли участие 50 выпускников ведомственного вуза прокуратуры Российской Федерации и вневедомственных юридических вузов, а также 10 прокурорских работников — высококвалифицированных и опытных профессионалов, выступивших в качестве экспертов.

В статье представлены результаты исследования представлений о прокурорской деятельности у различных категорий прокурорских работников. В качестве диагностического инструментария выступил диагностический комплекс «Представление о прокурорской деятельности», состоящий из пяти методик, которые были разработаны авторами и апробированы

© Шабаров Д. В., Губин В. А., Молдованов А. В., 2019

* Шабаров Дмитрий Валентинович, аспирант 3-го курса факультета психологии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург)
shabarovdv@mail.ru

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10

** Губин Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной психологии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), заслуженный деятель науки РФ
mrgoobin@yandex.ru

196605, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10

*** Молдованов Андрей Владимирович, кандидат военных наук, заместитель начальника кафедры психологии служебной деятельности факультета морально-психологического обеспечения Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л. Пилутова, д. 1

на базе прокуратуры Санкт-Петербурга. Методики позволяют определить представление и направленность на прокурорскую деятельность у лиц с высшим юридическим образованием, а также сформировать индивидуальный профессионально-образовательный маршрут совершенствования имеющихся знаний, умений и навыков в рамках Комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности. Представленные диагностический комплекс и программа нашли свое применение и успешно реализуются в практической деятельности в прокуратурах нескольких субъектов Российской Федерации.

Методики, входящие в диагностический комплекс, могут быть полезны для районных, специализированных прокуроров, наставников молодых специалистов органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации, при решении вопроса о формировании индивидуального плана обучения и воспитания вновь принятых прокурорских работников. Представленная комплексная программа подготовки может применяться кадровыми подразделениями органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации в целях совершенствования знаний и повышения квалификации как вновь принятых прокурорских работников, так и сменивших направление своей надзорной деятельности. Практико-ориентированный подход предполагает овладение данной комплексной программой как самостоятельно, так и в организованных формах обучения (проведение лекций, семинарских занятий и т.д.) на базе городских, районных и специализированных прокуратур, прокуратур субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: социальные представления, установка, прокурорская деятельность, повышение квалификации, практико-ориентированное обучение, психодиагностика.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.180-192

Введение

Современная профессиональная подготовка специалистов для правоохранительных органов в Российской Федерации, как правило, производится на базе ведомственных вузов. Для подготовки специалистов прокурорской деятельности ведущим выступает Университет прокуратуры Российской Федерации и его филиалы, расположенные в Санкт-Петербурге, Иркутске, Казани и в Республике Крым. Подготовка осуществляется в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» по специализации «Прокурорская деятельность» с присвоением квалификации «юрист», а также по направлениям подготовки бакалавров и магистров соответствующего направления. Также органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации взаимодействуют с ведущими российскими юридическими вузами, выпускники которых успешно проходят службу в прокура-

туре России. При этом следует отметить, что реформы образовательной системы, которые проходят в нашей стране последние несколько лет, привели к увеличению самостоятельной работы студентов и снижению количества аудиторных часов. Это обстоятельство повлекло за собой потребность в изучении современной системы представлений о прокурорской деятельности у выпускников ведомственных и вневедомственных юридических вузов, решивших посвятить себя служению Закону.

Одной из задач, стоящих перед практически всеми работниками, в первую очередь руководителями, заместителями районных прокуроров, наставниками молодого специалиста, являются выявление профессиональных интересов молодого специалиста, степени его осведомленности о многогранности прокурорской деятельности и дальнейшая работа по обучению и воспитанию выпускника вуза. Проведя ряд исследований представлений о прокурорской деятельности у различных групп прокурорских работ-

ников, авторы разработали комплекс методик для выявления представлений о прокурорской деятельности, а также комплексную программу подготовки вновь принятых прокурорских работников к различным видам надзорной деятельности. Эти два инструмента позволят сформировать практико-ориентированный профессиональный образовательный маршрут, цель которого — усовершенствование имеющихся специальных знаний, умений и формирование навыков практической деятельности.

Для решения поставленных задач на базе прокуратуры Санкт-Петербурга были сформированы три группы испытуемых: 1) прокуроры-эксперты; 2) вновь принятые молодые специалисты, окончившие ведомственный вуз; 3) вновь принятые молодые специалисты, окончившие вневедомственные юридические вузы.

Исследование осуществлялось в несколько этапов:

1 этап — формирование батареи методик исследования.

2 этап — сформирована и обследована группа прокуроров-экспертов, в которую вошли прокурорские работники в количестве 10 человек, в возрасте от 34 до 45 лет, мужчины, со сроком службы в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации более 10 лет, занимающие различные управленческие должности, обладающие высоким уровнем профессионализма и авторитета как среди подчиненных, так и среди вышестоящего руководства.

3 этап — исследование представлений о прокурорской деятельности у вновь принятых молодых специалистов. В данную группу вошли прокурорские работники, проходящие службу в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации на должностях помощников районных прокуроров. Общий объем выборки составил 50 человек. Возраст испытуемых составил от 22 до 29 лет. Все испытуемые — лица мужского пола, имеющие высшее юридическое образование уровня бакалавриата, не проходившие службу в Вооруженных Силах РФ, неженатые, не имеющие детей, прошедшие профессиональный психологический отбор на службу в органах прокуратуры Российской Федерации. Выборка испытуемых состояла из двух групп: 1) группа

выпускников ведомственного юридического вуза Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, прошедших профессиональное обучение по направлению «прокурорская деятельность» (25 человек); 2) группа выпускников вневедомственных юридических вузов и юридических факультетов с различными направлениями профессиональной юридической подготовки (25 человек).

В соответствии с целями и задачами исследования представлений о прокурорской деятельности у вновь принятых прокурорских работников были проведены три психодиагностических среза в различные периоды прохождения службы:

1 срез — при трудоустройстве в органы прокуратуры Российской Федерации;

2 срез — после прохождения обучения по Комплексной программе подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности (в процессе практико-ориентированной учебно-профессиональной деятельности (4 месяца));

3 срез — через шесть месяцев после трудоустройства и прохождения аттестации.

В основу исследования положена теория социальных установок Д. А. Узнадзе и теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П. Я. Гальперина.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования**:

1. Общенаучные методы: анализ, сравнительный анализ, синтез, схематизация, абстрагирование, моделирование.

2. Эмпирические методы: анкетный опрос, семантический дифференциал, контент-анализ, математические методы анализа информации с использованием пакета прикладных программ MS Excel 2019.

Выбор методов и методик исследования обусловлен теоретическим и методологическим анализом проблемы совершенствования умений и навыков в процессе практико-ориентированной учебно-профессиональной деятельности. Методики исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Методики для выявления представлений о прокурорской деятельности
у лиц с высшим юридическим образованием**

№ п/п	Выявляемые психологические характеристики	Название используемых методик
1	Эмоциональная составляющая установки на прокурорскую деятельность	Методика выраженности отношения к объекту установки, авторы Крит, Фабригар и Петти (Crites, Fabrigar & Petty, 1994)
2	Система представлений о прокуратуре как о профессиональной среде	Проективная методика «20 определений понятия “прокуратура”» (методика М. Куна и Т. Макпартлэнда «20 высказываний»)
3	Интерес к различным видам надзорной деятельности. Оценка успешности готовности к осуществлению надзорной деятельности	Методика оценки прокурорской деятельности
4	Выраженность обобщенных смысловых образований о прокурорской деятельности	Методика «Построение индивидуального семантического пространства»
5	Фактор ценностных ориентаций (VO). Фактор интереса к профессиональной деятельности (PL). Фактор самооценки профессиональной пригодности SE. Фактор социального прогноза SP. Фактор социальной поддержки SS	Опросник «Направленность на прокурорскую деятельность»

Результаты исследования. Результаты, полученные при обработке методики выраженности отношения к объекту установки, авторы Крит, Фабригар и Петти (Crites, Fabrigar & Petty, 1994) представлены в таблице 2. Сравнительный анализ результатов по трем срезам показал динамику развития эмоционального компонента

социальной установки к прокурорской деятельности у вновь принятых прокурорских работников — выпускников ведомственных и вневедомственных вузов. Также представлены результаты обследования эмоциональной составляющей установки к прокурорской деятельности у прокуроров-экспертов.

Таблица 2

**Сравнительный анализ результатов исследования эмоциональной составляющей
социальной установки к прокурорской деятельности
у различных категорий прокурорских работников**

№ п/п	Уровень выраженности эмоциональной составляющей установки к прокурорской деятельности						
	Прокуроры-эксперты	Вновь принятые прокурорские работники — выпускники ведомственного вуза			Вновь принятые прокурорские работники — выпускники вневедомственных вузов		
		1 срез	2 срез	3 срез	1 срез	2 срез	3 срез
1	+2,5	+2,5	+2,5	+2,5	+1,8	+2,2	+2,3
2	+2,4	+1,4	+2	+2,2	+2,1	+2,2	+2,3
3	+2,7	+2	+2,4	+2,3	+2,6	+2,8	+2,5
4	+2,6	+1,3	+2,2	+2,4	+1,8	+2,7	+2,6
5	+2,5	+2	+2,3	+2,6	+2,3	+2	+2,4
6	+2,4	+1,1	+2,1	+2,5	+1,8	+2,1	+2,5
7	+2,5	+2,8	+2,6	+2,3	+2,4	+2,4	+2,5

8	+2,5	+2,6	+2,5	+2,5	+2,3	+2,5	+2,6
9	+2,7	+1,6	+2,3	+2,6	+1,9	+2,5	+2,6
10	+2,7	+1,5	+2	+2,5	+2,5	+2,6	+2,6
11		+1,4	+2,4	+2,4	+2,3	+2,2	+2,5
12		+1,3	+2,5	+2,4	+1,3	+2,7	+2,7
13		+2,6	+2,3	+2,5	+1,5	+2,3	+2,4
14		+2,4	+2,8	+2,5	+2,3	+2,4	+2,4
15		+2,1	+2,7	+2,5	+1	+2,8	+2,8
16		+1,5	+2,6	0	+0,9	+2,4	+2,4
17		+0,6	+2,2	+2,1	+1,1	+2,5	+2,5
18		+0,2	0	0	+2	+2,5	+2,6
19		+2	1,7	+2,4	+2,4	+2	+2,1
20		0	+1,1	+2,5	+2,7	+1	+2
21		+2,1	+2,1	+2,8	+2,6	+2	+2,1
22		+2	+2,3	+2,3	+2,3	+2,1	+2,4
23		+1,6	+2,3	+2,5	+2	+2,8	+2,5
24		+2,3	+2,5	+2,6	+2,4	+2,4	+2,6
25		+2,1	+2,5	+2,2	+2,5	+2,5	+2,5
Среднее значение	+2,55	+1,72	+2,19	+2,24	+2,03	+2,34	+2,45
Динамика			0,52			0,42	

В ходе анализа результатов произведена математическая обработка полученных данных путем выведения среднеарифметического значения показателей эмоциональной составляющей социальной установки к прокурорской деятельности у прокурорских работников.

Среднее арифметическое значение эмоциональной составляющей установки к прокурорской деятельности у прокуроров-экспертов +2,55. Данный показатель попадает в интервал 2,0 до 2,6, что свидетельствует об очень сильной положительной выраженности эмоциональной оценки. Такой показатель обуславливается успешностью профессиональной деятельности, любовью к своей профессии и профессиональной самореализацией в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации.

Результаты исследования показывают положительную динамику в формировании эмоциональной составляющей социальной установки к прокурорской деятельности у прокурорских работников — выпускников ведомственных и вневедомственных юридических вузов на протяжении трех срезов исследований. Разница между показателями первого и заключительного этапа у группы выпускников ведомственного

вуза составила 0,52 балла при начальном показателе 1,72, а у выпускников вневедомственных вузов 0,42 при первоначальном показателе 2,03 балла. Динамика показателей составляющей представлений о прокурорской деятельности представлена в графике 1.

Вывод: эмоциональная составляющая установки к прокурорской деятельности у трех групп испытуемых положительная. Отличие состоит в степени выраженности эмоциональной составляющей на первом срезе исследования, который проводился на стадии трудоустройства в органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации: у группы выпускников ведомственного вуза среднее значение показателей эмоциональной составляющей ниже, чем у прокурорских работников — выпускников вневедомственных юридических вузов.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в исследуемый период (от трудоустройства до аттестации) у вновь принятых прокурорских работников сформировались эмоционально положительные представления о прокурорской деятельности ввиду прохождения ими практико-ориентированного обучения по предложенной Программе.

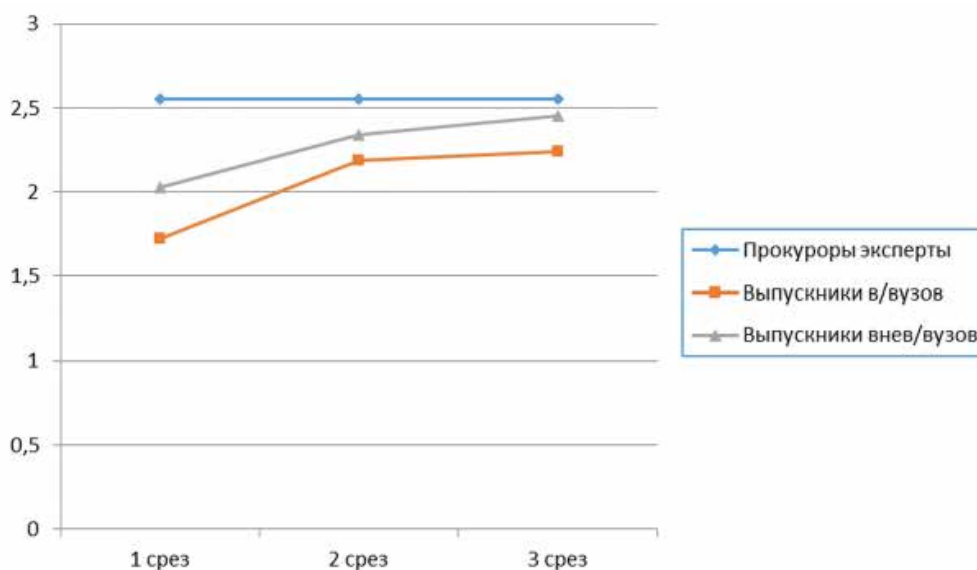

График 1

Динамика развития эмоциональной составляющей представления о прокурорской деятельности у выпускников ведомственного и вневедомственных юридических вузов

При исследовании содержательной составляющей социальной установки был проведен контент-анализ разработанной нами проективной методики «20 определений понятия “прокуратура”», в результате чего близкие по значению понятия и суждения в ответах испытуемых были объединены в общие категории, а затем подсчитано количество их употребления для каждой группы испытуемых.

При проведении контент-анализа нами были выявлены следующие категории:

1. Определение прокуратуры как организационной структуры (условное обозначение ОРГ — государственный орган и т.п.).
2. Определение прокуратуры как среды профессиональной деятельности (Пд — служба).
3. Определение прокуратуры как среды жизни (Ж — семья, коллектив).
4. Определение прокуратуры как среды общения (Общ — друзья и т.д.).
5. Определение прокуратуры как среды воспитания (В — честь, мужество, патриотизм).
6. Определение прокуратуры как среды обучения (Об — учеба и т.п.).

7. Определение прокуратуры как среды изоляции (И — ненормированный рабочий день и т.д.).

8. Метафорические определения (М — передача «Прокурорская проверка», «Тайны следствия» и т.д.).

9. Атрибутивные определения (А — погоны, форма).

Каждое определение, которое встретилось в выборке, классифицировано с точки зрения принадлежности к выделенным категориям у каждой группы испытуемых. Далее к каждому определению была приписана модальность (позитивность, нейтральность, негативность), а затем посчитана частота его употребления в каждой выборке. Совокупность наиболее часто встречающихся, типовых терминов называется модельной совокупностью представлений (Шаньгина, 2007), соответствующей ядру групповой системы представлений и свидетельствующей о ее содержании.

Результаты контент-анализа ответов прокуроров-экспертов об определении понятия «прокуратура» представлены в таблице 3.

Таблица 3

Модельная совокупность определений понятия «прокуратура» у прокуроров-экспертов

№	Определения	Модальность	Абсолютная частота	Категория
1	Надзор	+	21	Пд
2	Анализ состояния законности	+	9	Пд
3	Защита	+	9	Пд
4	Юриспруденция	+	8	Пд
5	Координация	+	8	Пд
6	Государственное обвинение	+	8	Пд
7	Система	+	7	Орг
8	Борьба с преступностью	+	7	Пд
9	Профилактика	+	6	Пд
10	Жалобы и обращения	-	6	Пд
11	Служба	+	5	Орг
12	Форма, мундир	+	5	А
13	Власть	+	5	Орг
14	Законность	+	4	Пд
15	Погоны	+	4	А
16	Профессионал	+	4	Пд
17	Присяга	+	3	В
18	Статистика	+	3	Пд
19	Помощь	+	3	Пд

Выполненный контент-анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Прокуроры-эксперты определяют понятие «прокуратура» как категорию профессиональной деятельности (13), организационную среду (3), атрибуты прокуратуры (2) и среду воспитания (1). В скобках указаны количество определений в каждой категории. Общее количество определений 19.
2. В содержании понятия прокуратуры экспертами не были указаны такие категории, как среда обучения, общения и жизни. Это свидетельствует о том, что система представлений о прокуратуре нуждается в дополнении и модернизации путем формирования важнейших средовых компонентов через практико-ориентированную учебно-профессиональную деятельность.
3. Подавляющее количество суждений имеет положительную модальность. Исключение составляют жалобы и обращения, поступающие в органы прокуратуры. Это можно объяснить тем, что при рассмотрении жалоб

и обращений происходит опосредованный контакт с нарушениями законов.

4. Результаты диагностики особенностей системы представлений прокуроров-экспертов о прокуратуре могут быть приняты в качестве эталонных для сопоставления с данными других групп респондентов.
5. Результаты контент-анализа легли в основу разработки «Построение индивидуального семантического пространства», разработанной в 2019 г. и использованной на последующем этапе эмпирического исследования.

Далее произведен контент-анализ проективной методики «20 определений понятия “прокуратура”» среди выпускников ведомственных и вневедомственных юридических вузов (см. таблицу 4).

Представленные в таблице данные свидетельствуют о нарастающей динамике встречаемости понятий и определений прокурорской деятельности, которые были определены экспертами при определении понятия «прокуратура». При этом прослеживаются те аспекты про-

Таблица 4

Результаты контент-анализа (частота встречаемости) понятий и определений «прокуратура» у вновь принятых прокурорских работников — выпускников ведомственного вуза прокуратуры Российской Федерации и выпускников вневедомственных юридических вузов

№ п/п	Определения понятия «прокуратура» принятые экспертной группой в качестве эталонных	Частота встречаемости определений понятия «прокуратура на различных этапах исследования у вновь принятых прокурорских работников — выпускников ведомственного вуза (количество упоминаний)			Определения понятия прокуратура у вновь принятых прокурорских работников — выпускников вневедомственных вузов (количество упоминаний)		
		1 срез	2 срез	3 срез	1 срез	2 срез	3 срез
1	Власть	25	26	27	25	21	19
2	Законность	16	17	21	11	15	25
3	Анализ состояния законности	1	22	25	5	25	29
4	Надзор	54	55	56	33	40	44
5	Система	19	20	23	12	20	26
6	Форма	8	9	20	8	11	25
7	Помощь	6	12	17	11	22	25
8	Защита	19	21	27	21	25	29
9	Служба	9	11	17	8	14	20
10	Юрист	4	7	9	5	11	15
11	Государственное обвинение	20	23	25	11	24	25
12	Координация	7	19	23	10	20	24
13	Борьба	5	17	19	4	15	20
14	Профилактика	1	9	12	4	10	17
15	Жалобы и обращения	12	26	28	9	27	29
16	Статистика	1	5	7	5	8	9
17	Погоны	2	3	4	2	5	7
18	Присяга	3	5	7	4	8	9
19	Профессионал	1	4	2	2	4	5

фессиональной деятельности, которые были не характерны для юриста-выпускника. К примеру, в системе органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации огромное внимание уделяется аналитической деятельности. Практико-ориентированное обучение этой важной составляющей надзорной деятельности находит свое отражение в понятийном аппарате вновь принятых прокурорских работников (с 1 до 25 у выпускников ведомственного вуза и с 5 до 29 у выпускников вневедомственных юридических вузов). Формирование данных умений и навыков реализуется через освоение дисциплины

Комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности «Основы сбора информации, анализа и прогнозирования состояния законности на территории субъекта Российской Федерации».

Далее приведены результаты методики оценки прокурорской деятельности. Путем качественного анализа прокурорами экспертами оценивается степень овладения методикой прокурорской проверки и основных ее этапов, выявляются профессиональные интере-

сы и степень готовности к прокурорской деятельности. Критериями оценки служит полнота раскрытия таких понятий, как «анализ состояния законности», знание основных институтов исполнительной власти в регионе, алгоритм проведения прокурорской проверки и соответствие профессиональных интересов профессиональным обязанностям. Оценка происходит по 5-балльной шкале, где максимальное количество баллов 5 — раскрыты определения, алгоритм прокурорской проверки развернуто и полно изложен; 4 — имеются незначитель-

ные замечания; 3 — имеются замечания по определению, не названы органы исполнительной власти, есть неточности в алгоритме проведения прокурорской проверки; 2 — определения даны неверно, методика не раскрыта. Низкий уровень теоретической подготовки; 1 — нет ни одного правильного ответа на вопросы. Неудовлетворительный уровень теоретической подготовки.

Результаты оценки прокурорской деятельности экспертной комиссией представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты методики оценки прокурорской деятельности в баллах
(представлены средние значения)

	Оценки прокуроров — выпускников ведомственного вуза прокуратуры Российской Федерации			Оценки прокуроров — выпускников вневедомственных юридических вузов		
	1 срез	2 срез	3 срез	1 срез	2 срез	3 срез
Средняя оценка	3,2	3,7	4,2	3,3	3,5	4

Динамика оценок свидетельствует о том, что уровень теоретической и практической подготовки у обеих групп испытуемых с момента трудоустройства и после прохождения Программы значительно вырос. На последующих этапах Программа позволяет «специализировать» прокурорского работника по тому виду надзорной деятельности, к которому он проявляет предрасположенность и профессиональный интерес.

Комплексная программа подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности представляет собой учебно-методический комплекс, который содержит специальные дисциплины, при изучении которых молодые специалисты на практике овладевают специальными знаниями, умениями. Программа состоит из общетеоретического блока, который важен для всех прокурорских работников, вне зависимости от вида надзорной деятельности, и специальный блок по конкретным направлениям надзора.

Примером изучаемой общетеоретической дисциплины может служить «Обеспечение соб-

ственной безопасности и физической защиты прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации». Цель состоит в освоении навыков обращения со служебным огнестрельным оружием, принципов и методов обеспечения личной безопасности при выполнении служебных обязанностей и во внеслужебное время, обеспечения государственной защиты, уголовной и административной ответственности прокурорского работника. Сотрудник, освоивший данную дисциплину, обязан **знать**: основания и порядок применения мер государственной защиты прокурорских работников; основания и процедуру проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации; порядок выдачи и правила обращения со служебным оружием; **уметь**: обращаться со служебным огнестрельным оружием; **владеть**: навыками стрельбы из боевого ручного огнестрельного оружия.

Примером дисциплины специального блока может послужить повышение квалификации прокурорского работника, осуществляющего надзор за исполнением федерального законо-

дательства в сфере охраны труда, по программе обучения и проверки знаний, требований охраны труда в специализированной образовательной организации.

Таблица 6

Результаты методики направленности на прокурорскую деятельность
(представлены средние значения)

№ п/п	Факторы направленности на прокурорскую деятельность	Прокуроры-эксперты	Выпускники ведомственного вуза				Выпускники вневедомственных юридических вузов			
			1 срез	2 срез	3 срез	динамика	1 срез	2 срез	3 срез	динамика
1	Фактор ценностных ориентаций VO	16,6	13,52	16,04	16,84	+3,32	14,2	15,96	17,12	+2,92
2	Фактор интереса к профессиональной деятельности PL	17,1	9,92	12,6	16,96	+7,04	11,04	15,72	16,92	+5,88
3	Фактор самооценки профессиональной пригодности SE	12,2	7,88	9,84	11,48	+3,6	9,76	11,16	11,72	+1,96
4	Фактор социального прогноза SP	18	11,56	16,48	19,12	+7,56	11,6	19,4	20,4	+8,8
5	Фактор социальной поддержки SS	17,2	11,28	12,52	14,6	+3,32	13,24	14,32	14,68	+1,44

Как видно из таблицы, экспертная оценка по всем факторам достаточно высокая, при этом выпускники ведомственных и вневедомственных юридических вузов по всем факторам не соответствуют результатам экспертной группы на первом срезе исследования. Следует отметить, что среднее значение показателей по всем пяти факторам методики «Направленность на прокурорскую деятельность» у выпускников вневедомственных юридических вузов несколько выше. Скорее всего, это связано с тем, что выпускники вневедомственных вузов имеют не очерченные представления о прокурорской деятельности и данный вид деятельности привлекателен для них своей новизной.

На третьем срезе исследования обе группы достигли показателей практически всех факторов до уровня экспертов, за исключением фактора социальной поддержки у обеих групп испытуемых. Так же как и при исследовании когнитивной составляющей понятия «прокуратура» у экспертной группы, средовой фактор требует

формирования у вновь принятых прокурорских работников.

Вывод: исследование, проведенное на базе прокуратуры Санкт-Петербурга в 2019 г., в котором приняли участие молодые специалисты органов прокуратуры и прокуроры-эксперты, легли в основу разработки диагностического комплекса для изучения представлений и степени готовности к прокурорской деятельности у выпускников различных юридических вузов. Сравнительный анализ групп испытуемых показывает, что диагностический комплекс «Представление о прокурорской деятельности» позволяет сформировать индивидуальный профессиональный образовательный маршрут для юристов различного уровня теоретической подготовки и является универсальным средством определения системы представлений о прокурорской деятельности. Программа подготовки, включающая в себя специализированные дисциплины, позволяет сформировать систему специальных знаний,

необходимых молодым специалистам для осуществления надзорной деятельности. Разработанные и успешно апробированные элементы психолого-педагогического обеспечения — диагностический комплекс «Представление о прокурорской деятельности» и Комплексная

программа подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности показали эффективность в практическом применении в ряде прокуратур Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Асмолов А. Г., Ковальчук М. А.* О соотношении понятий установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. — М., 1977. — С. 143—163.
2. *Губин В. А., Загорюев А. Л.* Диагностический комплекс «Направленность на военно-профессиональную деятельность» // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2013. — № 3 (54). — С. 91—95.
3. *Губин В. А., Шабаров Д. В.* Психологические характеристики прокурорских работников как субъектов практико-ориентированной учебно-профессиональной деятельности // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2018. — № 4. — С. 47—58.
4. *Губин В. А., Шабаров Д. В.* Психолого-педагогические особенности учебно-профессиональной подготовки юристов в ведомственных вузах Российской Федерации: теория и практика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2018. — № 2. — С. 92—100.
5. *Губин В. А., Шабаров Д. В.* Разработка комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации к различным видам надзорной деятельности. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2019. — № 2. — С. 41—49.
6. *Губин В. А., Шабаров Д. В.* Современная подготовка юристов для прокуратуры РФ: реальность и перспективы // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования) = The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and pedagogical sciences (Theory and methods of professional education)/ под ред. научной школы Г. А. Бокаревой. — 2019. — № 2 (48). — 350 с.
7. *Девяткин А. А.* Явление социальной установки в психологии XX века : монография. — Калининград : Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1999. — 309 с.
8. *Маклаков А. Г.* Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика : учебник для вузов. — СПб. : Питер, 2008. — 480 с.
9. *Надирашвили Ш. А.* Классификация форм активности в свете теории установки // Психология личности и образ жизни. — М., 1987. — С. 23—27.
10. *Столяренко Л. Д.* Педагогическая психология. — 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д : Феникс, 2003. — 544 с.
11. *Узнадзе В. Н.* Психологические исследования. — М. : Наука, 1966. — 480 с.
12. *Шеварев П. А.* Об основных положениях предложенной Д. Н. Узнадзе теории установки // Вопросы психологии. — 1962. — № 5. — С. 36—47.
13. *Шихирев П. Н.* Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. — М. : Знание, 1976. — 123 с.

Материал поступил в редакцию 14 ноября 2019 г.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE PROSECUTORS PROFESSIONAL TRAINING

Dmitriy V. Shabarov, 3rd-year Postgraduate of the Faculty of Psychology of A.S. Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg)

shabarovdv@mail.ru

St. Petersburgskoe shosse, d. 10, St. Petersburg, Pushkin, Russia, 196605

Vladimir A. Gubin, Dr. of Sci. (Psychology), Professor, Professor of the Department of General and Applied Psychology of A.S. Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg), Honored Scientist of the Russian Federation

mrgoobin@yandex.ru

St. Petersburgskoe shosse, d. 10, St. Petersburg, Pushkin, Russia, 196605

Andrey V. Moldovanov, Cand. of Sci. (Military Services), Deputy Head of the Department of Psychology of Service Activities of the Faculty of Emotional and Psychological Support of St. Petersburg National Guard Forces Command Military Institute

ul. L. Pilyutova, d. 1 St. Petersburg, Russia, 198206

Abstract. *The relevance of the study lies in the lack of a prosecutors training program in psychological and pedagogical support. The goal is to develop a toolkit for researching the understanding of prosecutorial activities among persons with a higher legal education and a comprehensive program for training newly admitted prosecutorial officers of the prosecutor's office of the Russian Federation for various types of supervisory activities. The methods and techniques used in the development of the diagnostic materials "Understanding the prosecutor's activities" and the Comprehensive program for the training of newly adopted prosecutorial staff of the prosecutor's office of the Russian Federation for various types of supervisory activities: method of expert assessments, comparative analysis, method of two portraits. 50 graduates of the departmental university of the prosecutor's office of the Russian Federation and non-departmental law schools, as well as 10 prosecutors — highly qualified and experienced professionals, who acted as experts, took part in the study of ideas about prosecutorial activity. The paper presents the results of the study of ideas about prosecutorial activity among various categories of prosecutors. The authors used their own diagnostic materials "Understanding the prosecutor's activities", consisting of five methods developed and tested based on the St. Petersburg prosecutor's office. The methods make it possible to determine the understanding of and focus on prosecutorial activities for persons with higher legal education, as well as to create an individual professional educational route for improving existing knowledge, skills and abilities within the framework of the Comprehensive Program for the Training of Newly Accepted Prosecutors of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for various types of supervisory activities. The presented diagnostic materials and program have found their application and are being successfully implemented in practice in the prosecutor's offices of several constituent entities of the Russian Federation.*

The methods included in the diagnostic complex can be useful for district, specialized prosecutors, mentors of young specialists of the bodies and institutions of the prosecutor's office of the Russian Federation, when deciding on the formation of an individual plan of training and education of newly adopted prosecutors. Personnel divisions of bodies and institutions of the prosecutor's office of the Russian Federation can apply the presented comprehensive training program in order to improve knowledge and professional development of both newly admitted prosecutors and those who have changed the direction of their supervisory activities. A practice-oriented approach involves mastering the comprehensive program both independently and in organized forms of training (lectures, seminars, etc.) based on city, district and specialized prosecutors, prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: *social representations, installation, prosecutorial activities, advanced training, practice-oriented training, psychological assessment.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Asmolov A. G., Koval'chuk M. A. O sootnoshenii ponyatij ustanovki v obshchej i social'noj psihologii // Teoreticheskie i metodologicheskie problemy social'noj psihologii. — M., 1977. — S. 143—163.
2. Gubin V. A., Zagoryuev A. L. Diagnosticheskij kompleks «Napravlennost' na voenno-professional'nuyu deyatel'nost'» // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. — 2013. — № 3 (54). — S. 91—95.
3. Gubin V. A., Shabarov D. V. Psihologicheskie harakteristiki prokurorskih rabotnikov kak sub"ektov praktiko-orientirovannoj uchebno-professional'noj deyatel'nosti // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. — 2018. — № 4. — S. 47—58.
4. Gubin V. A., Shabarov D. V. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti uchebno-professional'noj podgotovki yuristov v vedomstvennyh vuzah Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. — 2018. — № 2. — S. 92—100.
5. Gubin V. A., Shabarov D. V. Razrabotka kompleksnoj programmy podgotovki vnov' prinyatyh prokurorskih rabotnikov prokuratury Rossijskoj Federacii k razlichnym vidam nadzornoj deyatel'nosti. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. — 2019. — № 2. — S. 41—49.
6. Gubin V. A., Shabarov D. V. Sovremennaya podgotovka yuristov dlya prokuratury RF: real'nost' i perspektiva // Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki (teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya) = The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and pedagogical sciences (Theory and methods of professional education)/ pod red. nauchnoj shkoly G. A. Bokarevoj. — 2019. — № 2 (48). — 350 s.
7. Devyatkin A. A. Yavlenie social'noj ustanovki v psihologii HH veka : monografiya. — Kaliningrad : Izd-vo Kaliningradskogo gos. un-ta, 1999. — 309 s.
8. Maklakov A. G. Professional'nyj psihologicheskij otbor personala. Teoriya i praktika : uchebnik dlya vuzov. — SPb. : Piter, 2008. — 480 s.
9. Nadirashvili Sh. A. Klassifikaciya form aktivnosti v svete teorii ustanovki // Psihologiya lichnosti i obraz zhizni. — M., 1987. — S. 23—27.
10. Stolyarenko L. D. Pedagogicheskaya psihologiya. — 2-e izd., pererab. i dop. — Rostov n/D : Feniks, 2003. — 544 s.
11. Uznadze V. N. Psihologicheskie issledovaniya. — M. : Nauka, 1966. — 480 s.
12. Shevarev P. A. Ob osnovnyh polozheniyah predlozhennoj D. N. Uznadze teorii ustanovki // Voprosy psihologii. — 1962. — № 5. — S. 36—47.
13. Shihirev P. N. Social'naya ustanovka kak predmet social'no-psihologicheskogo issledovaniya // Psihologicheskie problemy social'noj regulyacii povedeniya. — M. : Znanie, 1976. — 123 s.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала: arpr.msal.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статьи).
2. Направление автором статьи для опубликования в журнале считается акцептом, т.е. согласием автора на заключение лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права».
3. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте журнала. При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
4. Требования к содержанию и объему статей:
 - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок), или 10–15 страниц (формат А4; шрифт Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный; абзацный отступ — 1,25 см. Поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с главным редактором журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, должна отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал статьи не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых воспроизводит нормативный материал, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования. Ответственность за правильность данных в сносках и пристатейном библиографическом списке несет автор.
5. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. В журнале используются подстрочные ссылки, вынесенные из текста вниз страницы (в сноску). Нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman, высота шрифта — 12 пунктов, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1,25. Примеры оформления сносок приводятся на сайте журнала.
6. В библиографический список включается только использованная при написании статьи научная литература. В список не включаются нормативные акты, судебная практика и иные правоприменительные документы или их проекты. Требования к оформлению списка литературы в целом совпадают с требованиями к оформлению ссылок. В списке все работы перечисляются в алфавитном порядке, сначала идут материалы на русском языке, затем — на иностранных языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN 1994-1471

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца. Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11178.

Вниманию авторов!

*Отдельные материалы журнала размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ»,
электронной библиотеке «КиберЛенинка».*

*При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.*

*Полная или частичная перепечатка материалов допускается только
по письменному разрешению авторов статей или редакции.*

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор: *М. В. Баукина*

Корректор: *А. Б. Рыбакова*

Компьютерная верстка: *Д. А. Беляков*

Учредитель — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Адрес издателя: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

Сайт: aprp.msal.ru

Дата выхода в свет: 14.01.2020. Объем: 22,55 усл.печ.л., формат 60x84/8.

Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

KUTAFIN UNIVERSITY LAW REVIEW

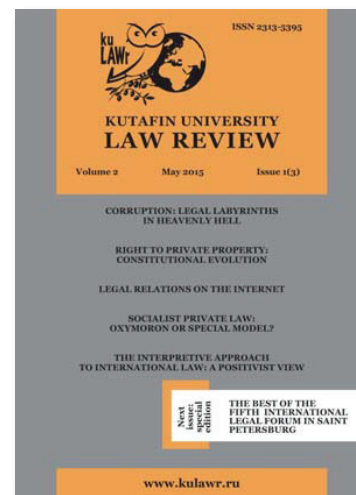
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin University Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198, «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

№ 12 (109) ДЕКАБРЬ 2019

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002